КНУТЪ ГАМСУНЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ 12 томахъ

при ближайшемъ участіи

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА
и С. ПОЛЯКОВА

Т. I

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909

Р 10/2182

801-15/2541

10469

КНУТЪ ГАМСУНЪ

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ АМЕРИКИ

Пер. А. СОКОЛОВОЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909

2010380239

Государственная
библиотека имени Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина
73764-Чз

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ АМЕРИКИ

Пер. А. СОКОЛОВОЙ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Справедливость—это не безпристрастіе и не объективность; справедливость—это просто безкорыстная субъективность.

Эта книга представляетъ собою извлеченіе изъ нѣсколькихъ лекцій, прочитанныхъ мною прошлой зимой въ Копенгагенскомъ Студенческомъ Кружкѣ.

Кнутъ Гамсунъ.

Копенгагенъ,
апрѣль 1889 г.

УСЛОВІЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

I. ПАТРІОТИЗМЪ.

Первое, что поражаетъ и одуряетъ пріѣхавшаго въ Америку иностранца, это, разумѣется, сильный шумъ, неутомимо клокочущая жизнь на улицахъ, безпокойная, дерзкая торопливость движенія во всѣхъ направленіяхъ. Если онъ пріѣдетъ въ Нью-Іоркъ лѣтомъ, его еще нѣсколько озадачитъ видъ мужчинъ безъ пиджака, безъ жилета, въ однихъ подтяжкахъ поверхъ сорочки, прогуливающихся по улицамъ подъ-руку съ дамами разодѣтыми въ шелковыя платья. Это сразу производитъ чуждое впечатлѣніе, вольное впечатлѣніе; есть какая-то стремительность въ такого рода этикетѣ. И стремительность эта не исчезаетъ, хотя бы вы путешествовали въ жилетѣ. Здѣсь всюду то же самое ликующее „ура“ во всѣхъ вещахъ, та же стукотня, то же шумное движеніе во всемъ совершающемся. Страна представляетъ собою союзъ новоселовъ въ первые дни его основанія, міръ, гдѣ люди только что начали жить, общежитіе въ его возникновеніи. Здѣсь царитъ вся та лихорадочная возня и весь тотъ гамъ, который всегда сопутствуетъ переселенію человѣка; каждый день — день переселенія. Этотъ шумъ и гамъ вполнѣ естественны у людей, едва расположившихся на новомъ мѣстѣ и теперь пустившихся въ поиски постояннаго жилья для себя и своихъ; и вотъ этотъ-то шумъ и гамъ публицисты, писатели и поэты провозгласили и воспѣли у насъ, какъ послѣдствіе свободныхъ учрежденій республики. И сами американцы убѣждены, что вся эта торопливость, энергія и безпрестанная сутолока

являются чертою, врѣзанной самой свободой въ американскій характеръ. Не возражайте! Это возвышающая сила свободы! Въ два столѣтія Америка сдѣлала людей изъ негоднѣйшихъ выродковъ Европы; изъ праздношатающихся сдѣлала она порядочныхъ работниковъ; всѣ мы знаемъ удивительные разсказы о томъ, какъ люди еле-еле шлепавшіе здѣсь въ деревянныхъ башмакахъ, тамъ стали такъ легки на ногу — и все это прежде всего благодаря свободнымъ учрежденіямъ республики. Не возражайте! — это была возвышающая сила свободы! Но подобное объясненіе быстраго превращенія эмигрантовъ человѣку свѣдущему кажется слишкомъ идеальнымъ; причина лежитъ много ближе: она экономическая. То же самое семейство, которое здѣсь живетъ на двѣ кроны въ день, тамъ просуществуетъ не меньше, какъ на полдоллара, и, по большей части, требуется разнообразнѣйшая дѣятельность, чтобы добыть эти полдоллора въ день: приходится сильно побѣгать за деньгами. Вотъ почему чувствуешь себя тамъ на чужбинѣ, которая, какъ бы долго тамъ ни прожилъ, всегда останется для тебя чужбиной. Весь американскій строй жизни такъ отличенъ отъ того, къ которому эмигрантъ привыкъ дома, что онъ никогда не проникнется имъ кровно, онъ всегда будетъ чувствовать себя тамъ иностранцемъ. За то это должно дѣлать людей нервными и заставляетъ ихъ быть проворными. Люди ходятъ въ безпрерывномъ страхѣ, угнетенные всѣми этими непривычными условіями жизни, оглушенные новизной, сбитые съ толку чужбиной. Подъ вліяніемъ аффекта имъ уже кажется, что весь вопросъ сводится къ покупкѣ пары новыхъ башмаковъ, и они приходятъ въ ужасъ, если недостаточно знаютъ англійскій языкъ для того, чтобы торговаться. Сердца ихъ трепещатъ при одномъ видѣ желтой кредитки, получаемой ими изъ рукъ мѣстнаго кассира, и они, что есть духу, съ мѣста въ карьеръ бросаются бѣжать, чтобы уплатить подати. Покой ихъ утраченъ, за то дѣятельность ихъ повышается, они становятся много легче на

подъемъ. Пребываніе въ Америкѣ дѣйствительно стимулирующее средство. Силы и мысль приведены въ движеніе; но вѣдь легкими на подъемъ становятся люди здѣсь съ того мгновенья, какъ спускаются на берегъ и должны заработать деньги, чтобы снискать себѣ первое пропитаніе — слѣдовательно, задолго до того, какъ войдутъ въ соприкосновеніе съ политической свободой республики.

Другое впечатлѣніе, остановливающее на себѣ вниманіе иностранца, какъ только онъ начнетъ разбираться въ отдѣльныхъ явленіяхъ этой шумной жизни, —это американскій патріотизмъ. Неожиданно попадается ему на встрѣчу на улицѣ процессія заслуженныхъ воиновъ, странно разукрашенныхъ людей съ пестрыми бантами, съ маленькими флацками на шляпахъ, мѣдными медалями на груди, марширующихъ въ тактъ подъ звуки жестяныхъ дудочекъ, въ которыя они сами же и дуютъ. И въ этомъ маршѣ нѣтъ никакого иного значенія,—просто демонстративное шествіе въ тактъ вдоль по улицамъ, подъ звуки сотни жестяныхъ дудочекъ. Никакого иного значенія. Это торжественно движущаяся процессія есть выраженіе теплой любви американцевъ къ своему отечеству. Уличное движеніе пріостанавливается, пока процессія эта проходитъ, даже омнибусамъ разрѣшено стоять, а народъ занятой дома высыпаетъ на подъѣзды, чтобы полюбоваться на это еженедѣльно повторяющееся явленіе. Для всѣхъ является прямою гражданскою обязанностью смотрѣть на эту потѣшную процессію безъ улыбки. Десятокъ людей съ жестяными дудочками—патріоты. Солдаты въ послѣднюю войну наказали аристократовъ южныхъ штатовъ за то, что тѣ не пожелали повиноваться, а потому американскій народъ въ этотъ день теперь выстраивается въ пары, чтобы показать свою готовность опрокинуться на каждаго противящагося его желанію. Прямо невѣроятно, до чего наивенъ правовѣрный американецъ, когда онъ наказываетъ любого случайно подвернувшагося врага. Патріо-

тизмъ его безграниченъ; этотъ патріотизмъ неусыпенъ и столь же крикливъ, сколь горячъ. Американская пресса за послѣднее время печатала рѣчь одного господина, обращенную къ Англіи, по поводу рыболовнаго трактата съ Канадою, а въ частной бесѣдѣ я слышалъ, какъ американцы приглашали Англію сунуться, только сунуться съ этимъ! Нѣсколько времени тому назадъ умеръ въ г. Нью-Іоркѣ членъ германскаго рейхстага—Ласкеръ, лидеръ нѣмецкой національно-либеральной партіи, и что-же?—Американскій конгрессъ послалъ выраженіе своего участія—Бисмарку! Но вѣдь Бисмаркъ—человѣкъ, онъ, собственно, не чувствовалъ себя расположеннымъ горевать о смерти своего злѣйшаго противника, онъ не въ состояніи былъ ухватить и постичь славный тактъ янки, а потому вложилъ американскую бумагу въ конвертъ, запечаталъ и отослалъ обратно. Но въ Америкѣ произошелъ взрывъ патріотизма: какъ это могъ осмѣлиться Бисмаркъ обращаться съ ихъ высочайшимъ посланіемъ, какъ съ простой бумажкой! Ну, теперь только сунься къ нимъ Германія—только сунься! Американскія газеты этого времени преисполнены горечи по отношенію къ Бисмарку. Путешествуя туда-сюда, я тогда просматривалъ ихъ немало, и какъ только касалось этого вопроса, общественное мнѣніе было прямотаки сплошнымъ скрежетомъ зубовнымъ. Въ концѣ концовъ нѣкоторыя крупныя газеты на востокѣ признались, что конгрессъ совершилъ неловкость, пославъ это оффиціальное выраженіе сочувствія германскому правительству; но уже день спустя эти же самыя большія газеты были опять какъ разъ того же мнѣнія, что и раньше; народъ уже оказалъ своедавленіе на нихъ, это выразилось въ томъ, что онѣ потеряли подписчиковъ между вчерашнимъ днемъ и сегодняшнимъ.

Американскій патріотизмъ не гнушается никакимъ предлогомъ для проявленія и не боится никакихъ послѣдствій своей горячности. Онъ такъ крутъ, что, не имѣя соотвѣтственной степени интеллигентности, переходитъ зачастую въ

чистѣйшую заносчивость глупца. Вотъ страна: Америка! Все, что внѣ ея, не можетъ быть хорошо. На всемъ свѣтѣ нѣтъ подобной свободы, такого развитія, такого прогресса, такихъ умныхъ людей, какъ въ странѣ, называемой Америкой. Иностранца часто оскорбляетъ это тупое самодовольство. Изо дня въ день невозможно избѣгнуть такихъ случаевъ, въ которыхъ оно проявляется, и онъ снова и снова принужденъ страдать отъ этого всеобщаго чувства превосходства со стороны американцевъ. Имъ пренебрегаютъ, его высмѣиваютъ, дурачатъ, презрительно жалѣютъ и издѣваются надъ нимъ. Изъ за этого постояннаго униженія въ концѣ концовъ происходитъ то, что онъ самъ пытается превратиться, по силѣ возможности, въ американца, пытается „американизироваться“—нѣчто, за что политическіе кандидаты на должности ко дню выборовъ награждаютъ его своими бѣлыми дощечками. Онъ живо обучается формальному американизму, научается говорить по-англійски, научается носить шапочку на лѣвое ухо, научается вести свою даму по внутренней сторонѣ тротуара, и вообще во внѣшности формируется по тому самому аппарату, которымъ отпечатанъ каждый янки въ своей странѣ. Тогда американская національная гордость насыщена; въ Америкѣ однимъ американцемъ стало больше.

Но эта національная гордость проявляется зачастую и въ весьма наивныхъ формахъ. Если иностранецъ часто чувствуетъ себя оскорбленнымъ ею, то его не разъ поразитъ и та косность, то грубое невѣжество, на которомъ эта національная гордость покоится. Онъ будетъ изумленъ, до чего мало этотъ народъ, столь довольный собою, знаетъ о другихъ народахъ. Та же вещь, которой американцы гордятся у себя, зачастую оказывается устарѣвшей и давно извѣстной въ Европѣ, между тѣмъ какъ они и не знаютъ объ этомъ; нерѣдко приходилось мнѣ слышать, какъ норвежскую брошку, или нѣмецкую ручку для пера выдавали за американское изобрѣтеніе. У меня былъ съ собою ножъ у пояса, ножъ,

висящій въ ножнахъ, который возбуждалъ немало восхищенія; на одной фермѣ въ Дакотѣ онъ произвелъ много больше впечатлѣнія, нежели моя собственная особа. „Да, чего только не выдумаютъ эти черти-янки!“ Мнѣ понадобилась цѣлая недѣля времени для доказательства всему этому люду, что ножъ этотъ есть *шведское* изобрѣтеніе.

И это невѣжество по отношенію къ чужбинѣ отличаетъ не только низшіе слои общества, отнюдь нѣтъ; оно царитъ во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ возрастахъ и всюду. Незнакомство съ другими народами и чужими заслугами составляетъ національный порокъ американскаго народа. Американцы не учатся широкому познанію міра въ коммунальныхъ школахъ. Санкціонированная географія въ этихъ школахъ это географія Америки, санкціонированная исторія, исторія Америки — весь остальной міръ представленъ всего лишь на двухъ-трехъ страничкахъ добавленія. Американскія *коммунальныя* школы поторопились признать образцовыми. Ораторы воспѣвшіе Америку, и печать, разучившая эту пѣсню, единогласно признали, что подобныхъ народныхъ школъ нѣтъ, нѣтъ въ нашемъ отечествѣ, и вообще можно голову отдать на отсѣченіе, что нѣтъ народныхъ школъ равныхъ американскимъ. Имъ, напр., ставилось въ единственную въ своемъ родѣ заслугу то, что онѣ не преподаютъ никакой религіи. Во первыхъ, это вовсе ужъ не такъ „единственно въ своемъ родѣ“, а во вторыхъ, американскія каммунальныя школы на самомъ дѣлѣ *не* обходятся безъ религіи. Это не вѣрно. Это не болѣе какъ сказка. У нихъ нѣтъ спеціальнаго преподованія религіи; но тамъ при каждомъ удобномъ случаѣ контрабандою навязываютъ дѣтямъ самое прямолинейное, правовѣрнѣйшее христіанство, тамъ вкладываютъ его въ нихъ догматъ за догматомъ, догматъ за догматомъ во все продолженіе школьнаго періода. Я въ этомъ убѣдился даже на одномъ урокѣ ариѳметики; когда одинъ изъ учениковъ уличенъ былъ въ томъ, что кидаетъ бумажные шарики — онъ

долженъ былъ, не угодно-ли, помолиться Іисусу Христу въ искупленіе. Къ тому же преподаваніе въ коммунальныхъ американскихъ школахъ каждое утро начинается съ молитвы, пѣнія псалмовъ и чтенія отрывка изъ библіи. Итакъ, не мѣшало бы пѣть потише объ исключеніи религіи изъ этихъ школъ.—Но что является все же грубѣйшимъ анахронизмомъ въ этихъ школахъ, такъ это именно то, что онѣ совершенно не знакомятъ дѣтей съ чужими народами и событіями внѣ Америки. Американскія дѣти растутъ, не получая иныхъ свѣдѣній о вселенной, кромѣ тѣхъ, какія имъ даетъ Америка. Поэтому то и столбенѣютъ они, услыхавъ, что шведъ изобрѣлъ поясной ножикъ, и поэтому-же американскій патріотизмъ такъ несоотвѣтственно заносчивъ. И такая неосвѣдомленность проявляется въ такой сильной формѣ не въ однихъ только низшихъ слояхъ, но и выше, до самыхъ вершинъ: мнѣ приходилось встрѣчать ее у самихъ учителей. Въ высшей школѣ въ Эльроѣ въ 1883 г. одинъ преподаватель былъ весьма пораженъ, когда я сообщилъ ему, что и въ Норвегіи есть телеграфъ — въ 1883 г.! — а на марки тѣхъ писемъ, которыя я получалъ изъ дому, смотрѣлъ онъ такъ, что во мнѣ это вызвало впечатлѣніе, будто онъ глазамъ своимъ не вѣритъ. „У васъ тоже есть почта!“ сказалъ онъ. — „Теперь 1883 годъ“, отвѣчалъ я. — Этотъ учитель — такъ же, какъ и ученики его школы — получилъ понятіе о Норвегіи по руководству, въ которомъ приведены четыре страницы изъ путешествія американскаго президента Тайлора, изучавшаго Норвегію въ 50-хъ гг. изъ крытыхъ дрожекъ.

Такъ ничтожно во всей Америкѣ знакомство съ чужими странами и народностями, что, какъ я замѣтилъ, большинство янки попросту называютъ всѣхъ скандинавовъ шведами. Когда поживешь среди нихъ нѣкоторое время, то дальше узнаешь, что разъ тебя называютъ шведомъ, то это въ унизительномъ смыслѣ, словно просятъ у тебя извиненія въ томъ, что ты шведъ. И не къ чему пытаться исправлять

эту ошибку, заявляя, что ты вовсе не шведъ, а норвежецъ или датчанинъ, это принимается за пустое хвастовство; разъ ты скандинавъ, значитъ ты шведъ и только. При этомъ, если человѣка изъ Скандинавіи называютъ шведомъ съ осторожностью, съ извѣстнаго рода состраданіемъ, то человѣка изъ Франціи назовутъ французомъ съ безусловнымъ презрѣніемъ. „Французъ“ это среди янки позорное прозвище для человѣка, бранное слово, соотвѣтствующее нашему „турокъ“, и признаніе невиннаго виновнымъ въ томъ, что онъ французъ, это такое оскорбленіе, котораго онъ не можетъ терпѣть. Американцы въ этомъ отношеніи ведутъ себя совершенно такъ, какъ портовые рабочіе у насъ въ Христіаніи, ругающіе другъ друга „членами стортинга“ и „геніями“. Можно до упаду хохотать надъ этой нелѣпостью, она прямо выводитъ изъ себя; но отцу семьи не приходится смѣяться, какъ человѣку роковымъ образомъ оттертому на задній планъ, *потому* что онъ шведъ, *потому* что онъ французъ. Дѣло имѣетъ и свою серьезную сторону. Изъ собственнаго опыта въ Америкѣ вынесъ я то, что, въ качествѣ сѣверянина, я былъ шведомъ, а въ качествѣ шведа былъ униженъ, осмѣянъ, одураченъ, подвергался презрѣнію и издѣвательству.

При подобныхъ обстоятельствахъ, въ силу болѣе чѣмъ естественнаго процесса, эмигрантъ исчезаетъ, едва онъ, какъ только можно быстрѣе, американизируется; это для него тамъ вопросъ всей будущности въ его борьбѣ за хлѣбъ насущный. Онъ такъ часто слышитъ о превосходствѣ американцевъ, что въ концѣ концовъ вкладываетъ все свое честолюбіе въ то, чтобы походить на нихъ. Одеждой своей онъ показываетъ, что отрекся отъ ветхаго человѣка, онъ говоритъ по англійски даже дома, даже со своими старыми родителями, которые его не понимаютъ, и со всевозможнымъ тщаніемъ старается стереть всякій слѣдъ своего иностраннаго происхожденія. Поэтому, если человѣкъ, шлепавшій здѣсь когда-то въ деревянныхъ башмакахъ, возвращается

назадъ изъ Америки и поражаетъ дома своихъ соотечественниковъ удивительной гибкостью и проворствомъ, усвоенными его тѣломъ, то ловкость и проворство это приданы ему не климатомъ и не республиканскими учрежденіями, а единственно и исключительно только горячимъ чувствомъ національной гордости американцевъ, которое заставило его изворачиваться по экономическимъ соображеніямъ.

Еще большимъ доказательствомъ силы американскаго патріотизма являются дебаты конгресса по поводу ограниченія иммиграціи. Хотятъ наконецъ серьезно подумать о томъ, чтобы запереть двери иностранцамъ — не потому, чтобы въ этомъ была надобность хоть на сотни лѣтъ впередъ, а единственно только, чтобы доставить себѣ удовольствіе, изъ патріотическаго каприза, возникшаго не далѣе, какъ сегодня. Запрещеніе иммиграціи, на самомъ дѣлѣ, въ основѣ своей есть проявленіе того же самаго американскаго самодовольства, которое сказывается и въ томъ, что шведы, французы и всѣ прочіе иностранцы считаются тамъ ниже всякой конкуренціи. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы не допускать ничего не американскаго, потому что оно негодно. Замѣтили, что страна теперь вся заселена, что теперь въ ней народу достаточно. Это все выдумки, это басни. Нѣтъ, изъ чистѣйшаго патріотизма хотятъ американцы закрыть свои двери притоку иностранныхъ рабочихъ силъ, безъ которыхъ даже и не могутъ быть выполнены ихъ работы. Потому что американцы не работаютъ. Это совершенно невѣрно. Это опять-таки басня. Статистика показываетъ, что лишь $^1/_{50}$ американцевъ насчитывается среди занятыхъ просто физическимъ трудомъ; землю обрабатываютъ иностранцы. И вотъ этихъ то иностранцевъ хотятъ выселить, „потому что страна заселена, потому что народу въ ней достаточно“.

Въ Америкѣ приходится 60 милліоновъ людей на 2 милліона 970 тысячъ □ миль земли (кромѣ Аляски), на этой землѣ есть $1^1/_2$ милліона □ миль, годныхъ для пашни, но

изъ этихъ 1½ милліоновъ и по сейчасъ распахана всего девятая доля — и всетаки въ послѣднемъ отчетномъ году Америка могла вывезти 283 милліона бушелей зерна, послѣ того, какъ 50 милліоновъ людей, бывшихъ у нея тогда на лицо, напитались досыта. А питаются въ Америкѣ не мало. Янки поглащаетъ ѣды приблизительно въ три раза больше, нежели европеецъ, и отъ трехъ до четырехъ разъ больше, нежели скандинавъ. Тогда какъ Скандинавскія страны имѣютъ 12 бушелей зерна и 51 фунтъ мяса на человѣка въ годъ, Америка имѣетъ 40 бушелей зерна и 120 фунтовъ мяса въ годъ на человѣка [1]).

Если бы вся годная для запашки земля въ Америкѣ была вспахана, она могла бы прокормить 600 милліоновъ людей только по расчету касательно однихъ благопріобрѣтенныхъ земель за послѣдній отчетный годъ (1879), который былъ среднимъ, а Эдуардъ Аткинсонъ, весьма извѣстный агрономъ Соединенныхъ Штатовъ, доказываетъ въ своемъ новомъ сочиненіи, что въ Америкѣ на фермѣ, прокармливающей теперь 10 человѣкъ, можно было бы прокормить 20, только засѣвая землю болѣе соотвѣтственными по времени года продуктами, только урегулировавъ нѣсколько агрикультурное пользованіе землею. Потому что американское солнце такъ

[1]) Mulhal: Ballance sheet of the world 1870—1880 гг. Стр. 39:

Франція	24,02	бушелей зерна и	81,88	фунт.	мяса.
Германія	23,71	„ „	84,51	„	„
Бельгія . .	22,84	„ „	57,10	„	„
Великобританія	20,02	„ „	119,10	„	„
Россія	17,97	„ „	54,05	„	„
Испанія . . .	17,68	„ „	25,04	„	„
Австрія . . .	13,57	„ „	56,03	„	„
Скандинавія . . .	12,05	„ „	51,10	„	„
Италія	9,62	„ „	20,80	„	„
Европа	17,66	бушелей зерна и	57,50	фунт.	мяса.
Соед. Штаты:	40,66	„ „	120,00	„	„

жарко, что фрукты подъ нимъ созрѣваютъ въ нѣсколько дней, а земля въ Америкѣ такъ жирна, что по ней скользишь, словно по мылу; она можетъ давать чуть не безграничный урожай при подобающихъ условіяхъ, — изъ чего американскій фермеръ не умѣетъ извлечь пользы. Онъ эксплоатируетъ землю впродолженіе двадцати, тридцати лѣтъ, не удобряя ее, всю жизнь свою сѣетъ онъ сѣмена своихъ же собственныхъ полей, онъ сѣетъ пшеницу на томъ же самомъ полѣ десять, двадцать лѣтъ подрядъ, онъ никогда не вспахиваетъ луга и никогда не даетъ нивѣ отдыха. По расчету Эдуарда Аткинсона, при немного упорядоченной эксплоатаціи всей американской земли, годной для запашки, Соединенные Штаты въ состояніи будутъ прокормить количество людей въ 12 сотенъ милліоновъ — т. е. приблизительно каждое безъ исключенія дитя человѣческое, находящееся въ данное время на любомъ клочкѣ земли.

Итакъ народу *не* достаточно [1]).

Что касается вопроса о томъ, заселена ли земля, то на это можно смѣло сказать: нѣтъ, она *не* заселена. Это выдумка и басня. Во первыхъ, она „заселена“ такимъ образомъ, что акціонерныя общества владѣютъ тысячами акровъ, которыхъ они не эксплоатируютъ, а только дожидаются возможно болѣе высокаго подъема цѣнъ на землю. Одна компанія имѣетъ 75 тысячъ акровъ, другая 120 тысячъ и т. д... Эта земля, въ сущности, фактически не заселена; она только

[1]) Сюда не входятъ фабрики и рудники Америки. Она одна удовлетворяетъ свыше половины спроса на золото и серебро; желѣзные рудники есть въ 23 штатахъ; въ ней есть богатѣйшіе источники нефти и цѣлые залежи компактнаго (*solid*) каменнаго угля. Между тѣмъ, какъ въ Англіи добываніе угля на большой глубинѣ сопряжено съ значительными затратами, такъ что впродолженіе 10 лѣтъ 564 копи были заброшены,— въ Соед. Штат. уголь лежитъ въ верхнихъ слояхъ и его хватитъ на сотни лѣтъ для всего человѣчества. Прибавьте къ этому рѣки и озера во всѣхъ направленіяхъ отъ Атлантическаго до Тихаго океана, изобилующія рыбой; въ каждомъ ручьѣ водятся лососи и бѣлая рыба.

составляетъ собственность владѣльцевъ, но ее не разрабатываютъ. Во вторыхъ, послѣдняя ревизія показала, что, помимо этого способа „заселять“ землю, незанятая, годная для запашки общественная земля нашлась въ 19 изъ Соединенныхъ Штатовъ; въ этихъ 19 Штатахъ незанятой годной для пашни общественной земли нашлось 561 милліонъ 623 тысячи 981 акръ. И одни только эти колосальныя пространства могутъ, по расчету Аткинсона, прокормить 100 милліоновъ людей—хотя бы они поглощали въ три, четыре раза больше, нежели въ Скандинавіи.

Итакъ, земля не заселена.

Причины стѣсненія иммиграціи покоятся на шаткомъ основаніи. Онѣ лишь незрѣлый плодъ американскаго патріотизма; все дѣло въ томъ, чтобы не допускать въ жизнь никакой чужой помощи, никакого чужого содѣйствія. Это плоды сильно развитой, чисто китайской вѣры американцевъ въ себя, въ силу которой иностранныя рабочія силы не хотятъ ни признать необходимыми, ни превосходящими рабочія силы страны. Вотъ до какихъ границъ доходитъ американскій патріотизмъ, вотъ на какой ступени стоятъ американскіе патріоты. Комитетъ Конгресса, засѣдавшій для всесторонняго обсужденія вопроса объ ограниченіи, разослалъ во всѣ страны американскимъ посланникамъ запросъ, не является ли теперь для американцевъ правомъ и обязанностью закрыть Америку для иностранцевъ, не заключается ли въ этомъ для нихъ патріотическое геройство? И всѣ послы всѣхъ странъ единогласно отвѣтили, клянясь Вашингтономъ: Ты правъ! Ты сказалъ, да будетъ такъ!—Наивнѣе всѣхъ оказался посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Венеціи. Описавъ итальянскихъ эмигрантовъ, ихъ бѣдность, ихъ лохмотья, онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Они (итальянцы) не болѣе способны къ исполненію гражданскаго долга, нежели рабы, только что получившіе свободу. У нихъ вовсе нѣтъ намѣренія стать гражданами Соединенныхъ Штатовъ. *Единственно чего они въ сущности желаютъ,—это получать какъ можно дороже за трудъ и работать за это по возможности меньше*“. Ахъ, они негодяи этакіе, эти итальянцы! Къ этому ужасному разоблаченію итальянскихъ эмигрантовъ редакція журнала *America* присоединяетъ слѣдующее краткое и выразительное примѣчаніе:

„Эти слова нашего посланника слѣдовало бы запечатлѣть въ памяти каждаго американца патріота и помнить ихъ, какъ величайшую истину, высказанную о величайшемъ злѣ нашего времени“ [1]).

Сила и размѣры американскаго патріотизма совершенно непостижимы для того, кто самъ не испыталъ ихъ на себѣ въ повседневной жизни. Они доходятъ до такой степени, что иностранецъ вынужденъ отрицать свою національность и при первомъ удобномъ случаѣ утверждать, что онъ прирожденный американецъ; быть прирожденнымъ янки является зачастую для рабочаго человѣка вопросомъ полученія работы, особенно въ большихъ учрежденіяхъ, какъ напримѣръ въ банкахъ, общественныхъ конторахъ, желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ. Единственный народъ, который, не смотря на національную ненависть послѣ войны за независимость, пользуется уваженіемъ американцевъ, это англичане. На Англію во многихъ отношеніяхъ смотритъ Америка, какъ на свой образецъ и примѣръ для подражанія, а остатки старой англійской цивилизаціи являются самымъ моднымъ товаромъ въ современной Америкѣ. Если хочешь сдѣлать янки комплиментъ, надо принять его за англичанина; онъ зашепелявитъ какъ высокородный лордъ, а когда поѣдетъ въ омнибусѣ, то дастъ кондуктору размѣнять золотую монету или крупную кредитку.

[1]) America, декабрьскій № 1888 г.

II. НЕНАВИСТЬ КЪ ИНОСТРАННОМУ.

Какова же культура у этого народа, знающаго только самого себя? Какъ протекаетъ духовная жизнь въ этой странѣ, обладающей въ лицѣ гражданъ такими патріотами?

Если бы Америка была старымъ государствомъ, у котораго позади долгая исторія, положившая свою печать на характеръ людей, вложившая въ народъ свою, оригинальную жизненную идею, у Америки, быть можетъ, была бы формальная причина довольствоваться самой собою и изгонять все иноземное. Въ наше время это составило бы аналогію, напр. китайщины парижской литературы. Но въ странѣ, подобной Америкѣ, гдѣ все до такой степени пестро и лишено гармоніи, въ этомъ союзѣ новоселовъ, въ которомъ никакія особенности культуры еще не успѣли пустить корни, въ которомъ еще не утвердился никакой опредѣленный духовный обликъ,— въ такой странѣ эта самостоятельность и самодовольство создаютъ много препятствій къ прогрессу въ его новѣйшихъ проявленіяхъ. Они составляютъ для него своего рода veto, своего рода запретъ, переступить который нельзя безнаказанно. Поэтому часто бывало, что произведенія, оказавшія сильнѣйшее вліяніе на духовную жизнь въ Европѣ, встрѣтили въ Америкѣ жесточайшіе пинки со стороны мѣстныхъ разгнѣванныхъ патріотовъ. Писатель *Уоттъ Уитманъ* въ 1868 г. былъ свергнутъ со своего поста въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ въ Вашингтонѣ за литературную дерзость, допущенную имъ въ его книгѣ *Leaves of grass,* дерзость, которая у насъ однако-же допускается даже въ рождественскихъ разсказахъ. Что Уитманъ позднѣе впалъ въ милость и получилъ мѣсто въ другомъ департаментѣ, объясняется отнюдь не тѣмъ, что обратили наконецъ вниманіе на его литературныя заслуги, а единственно только неожиданнымъ соображеніемъ о томъ, что вѣдь Уитманъ оказывалъ помощь

больнымъ и раненымъ, онъ явился патріотомъ во время войны за освобожденіе. Вотъ чѣмъ онъ взялъ; и ничѣмъ инымъ. Въ дѣйствительности онъ и до сего дня пребываетъ въ той же немилости у американской литературной критики; его бойкотируютъ, его книгъ никто не покупаетъ, семидесятилѣтній старикъ писатель существуетъ теперь исключительно только добровольными пожертвованіями изъ Англіи.— Молодой американецъ Уэллсъ издалъ въ 1878 г. сборникъ стиховъ подъ заглавіемъ *Bohême*. Уэллсъ обладалъ весьма изящнымъ талантомъ, это былъ мерцающій лирикъ, заря чего-то еще неопредѣлившагося, но прекраснаго; и вотъ его живо заставили замолчать. Обнаружено было, что онъ находится подъ вліяніемъ европейской литературы, этотъ юноша, его лирика отзывала чужбиной, это былъ поэтическій вызовъ американскимъ стихоплетамъ. Онъ былъ вынужденъ умолкнуть, крупные журналы заставили его замолчать. Онъ читалъ Шелли, чего ему не слѣдовало дѣлать, и немножко изучилъ Альфреда де Мюссе, что было еще хуже; надо удивляться, зачѣмъ это когда-то была напечатана такая чуждая странѣ шумиха[1]). Этотъ человѣкъ былъ попросту вышвырнутъ изъ американской литературы.—Чарльсъ Стьюартъ Уэллсъ, вотъ какъ его звали.

Прямо невѣроятно, до чего Америка стремится стать своимъ собственнымъ, особымъ міромъ въ мірѣ. То, что у нея достаточно народу, должно обозначать, что у нея достаточно ума; и въ этомъ блаженномъ убѣжденіи она задерживаетъ наплывъ всякаго плодотворнаго вліянія извнѣ; ни въ коемъ случаѣ не желаютъ американцы пользоваться новыми вліяніями изъ другихъ странъ. Это не сразу бросается въ глаза, этого не замѣтишь проѣздомъ. Это узнается при ежедневномъ общеніи, при посѣщеніи судебныхъ засѣданій и церковныхъ службъ, при изученіи театровъ и литературы, при по-

[1]) См. хотя бы январьскій № *International Review*, 1879 г.

ѣздкахъ на востокъ и западъ, когда проникаешь въ общественную жизнь, въ школу, въ семью, читаешь ихъ газеты и прислушиваешься къ ихъ бесѣдамъ на улицахъ, поплаваешь подъ парусами на ихъ рѣкахъ вмѣстѣ съ ними и поработаешь вмѣстѣ въ преріяхъ, — только сплавившись такимъ образомъ въ одну массу съ ними, получаешь до нѣкоторой степени полное представленіе, до чего всеобъемлюще въ американцахъ это китайское чувство. Въ Америкѣ безусловно больше, чѣмъ въ какой бы то ни было странѣ на свѣтѣ, скрещивается космополитическихъ элементовъ; этихъ элементовъ въ ней слишкомъ много, чтобы она могла послѣдовательно держаться въ сторонѣ отъ современныхъ культурныхъ теченій внѣшняго міра. Ея культура отмѣчена вѣками и трудомъ другого народа, это заимствованная культура, привезенная въ страну вмѣстѣ съ первыми колонизаторами, культура, процвѣтавшая когда-то въ Европѣ и теперь умирающая въ Америкѣ, это старая англійская культура. „Воспитанные, какъ большинство изъ насъ, на англійскомъ образѣ мыслей", говоритъ одинъ рѣдко самоотверженный американскій писатель, „мы все еще не приспособили свою натуру къ новымъ условіямъ, въ которыхъ живемъ теперь. Наши философы все еще не научили насъ, что есть лучшаго, а поэты наши все еще не воспѣли намъ, что есть прекраснѣйшаго въ той жизни, которой живемъ мы. А потому мы все еще питаемся старой англійской мудростью и все еще тянемъ старозавѣтную пѣсню" [1]).

Воспринять вліяніе иностранной культуры Америка отнюдь не можетъ даже въ томъ, въ чемъ, какъ ей самой извѣстно, Европа опередила ее. Помириться съ этимъ ей не позволяетъ ея честь. Та же самая идея, которая сказалась въ воспрещеніи иммиграціи, породила таможенный сборъ Соединенныхъ Штатовъ на произведенія литературы и искусства. Въ прошломъ году Европа уплатила 625 тысячъ долларовъ за разрѣшеніе показать американцамъ современное искусство — $2^1/_2$ милліона кронъ, ни больше, ни меньше. Вотъ какъ принимаютъ искусство по ту сторону океана,—не говоря уже о худшихъ таможенныхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергается современная литература. Въ то самое время, какъ американская государственная казна переполнена деньгами, съ которыми не знаютъ, что дѣлать, современное искусство обложено 35% таможеннаго сбора. Изъ этого тотчасъ же видно, что культура въ Америкѣ умираетъ, навѣрняка, навѣрняка отъ ветхости. Какъ можно было оставить въ покоѣ Уотта Уитмана, разъ онъ написалъ книгу, содержащую хоть одно человѣческое слово объ одномъ человѣческомъ дѣяніи! Какъ могъ Уэллсъ безнаказанно написать стихи подъ вліяніемъ европейской поэзіи! Замѣчательно, что американскій таможенный законъ допускаетъ въ своихъ постановленіяхъ два исключенія относительно искусства: первое — это достойно вниманія—патріотическаго характера: американскіе художники, живущіе за границей могутъ присылать свои произведенія въ Америку безпошлинно; тѣмъ не менѣе, если картина въ рамѣ, они обязаны особо уплатить пошлину за раму; потому что рамы заграничныя такъ плохи! Другое исключеніе—это опять знаменательно—касается *антикварныхъ вещей*. Министерство Финансовъ (!) издало въ 1887 году постановленіе, впослѣдствіи утвержденное, въ силу котораго живопись, относящаяся ко времени ранѣе 1700 г., можетъ ввозиться безпошлинно—въ качествѣ антикварной вещи. Этотъ характерный фактъ указываетъ степень усердія американцевъ къ прогрессу. Культура, вновь и вновь изучаемая Америкой, — это культура ставшая древностью, культура до 1700 года. Но какъ бы янки не испортили свою душу и этимъ дерзкимъ искусствомъ стараго времени!

Мы привыкли во всѣхъ своихъ газетахъ, подъ заголовкомъ „Изъ Америки" видѣть одну исторію страннѣе и не-

[1]) Encyclopaedia Britannia, Vol. I, 720.

возможнѣе другой о томъ, чего могутъ достичь американцы какъ въ области открытій, такъ и искусства. И мы смотримъ на эти геніальныя черты, какъ на естественное проявленіе духовной дѣятельности и великаго ума американцевъ. Между тѣмъ теперь обнаружилось, что большая часть этихъ разсказовъ подъ заголовкомъ „Изъ Америки“ сочинена въ Европѣ, такъ что американская пресса впервые почерпаетъ ихъ оттуда. Сообщеніе, будто богатыя дамы въ Нью-Іоркѣ вставляютъ въ свои зубы мелкіе брилліантики, чтобы улыбка ихъ была какъ можно болѣе лучезарна, — сообщеніе это впервые было перепечатано въ нью-іоркскихъ газетахъ изъ бельгійскихъ, гдѣ оно стояло въ столбцѣ подъ заглавіемъ „Изъ Америки“. Да, я убѣжденъ, что каждый изъ европейскихъ репортеровъ помнитъ, какъ онъ когда-то, въ дни своей дикофантастической юности сочинялъ и печаталъ въ своемъ листкѣ удивительныя исторіи объ Америкѣ. Вѣдь это такъ удобно — выдумать басню объ Америкѣ, этой далекой странѣ, этомъ концѣ свѣта. И американцы отнюдь не обижаются на эти исторіи, они по справедливости смотрятъ на нихъ, какъ на подсказыванія, получаемыя ими задаромъ, и, повидимому, они очень рады этому даровому подсказыванію. Американскому народу многое подсказываютъ. Самый шумъ, производимый имъ, та дикая поспѣшность, съ которой онъ работаетъ, являются въ извѣстномъ смыслѣ плодами подсказыванія; народъ, о которомъ меньше прокричали, выполнитъ совершенно ту же работу съ гораздо меньшимъ шумомъ и болѣе умѣренными жестами. Шумливость составляетъ черту американскаго характера, она является шелестомъ крыльевъ духа рекламы.

Большая ошибка смотрѣть на всѣ разсказы, которые слышишь объ Америкѣ, какъ на плоды высокаго развитія народа. Въ духовномъ отношеніи Америка на самомъ дѣлѣ весьма отсталая страна. У нея есть энергичные дѣятели, ловкіе изобрѣтатели, безумно отважные предприниматели; но въ ней слишкомъ мало отвлеченнаго ума, слишкомъ мало

духовной жизни. Вѣдь не требуется какой-нибудь ученой степени, чтобы стать великимъ скотоводомъ въ Техасѣ и нѣтъ надобности читать хоть одну букву, чтобы оперировать на любой биржѣ Нью-Іорка; самый невѣжественный человѣкъ на свѣтѣ можетъ нанять за себя агента. Наиболѣе вліятельная жизнь въ Америкѣ это — жизнь практическая, отчаянная борьба за прибыль, а борьба за матерьяльныя блага ужъ не такая новость въ исторіи человѣчества, она такъ же стара, какъ міръ. Въ глубочайшей основѣ своей американцы народъ *консервативный*, здѣсь на многое царятъ такіе взгляды, которые давно уже оставлены самымъ отсталымъ норвежцемъ. Это касается не только литературы и искусства, но и иныхъ проявленій духовной жизни. Они слишкомъ самоувѣренны, чтобы пожелать позаимствовать что-либо и слишкомъ патріотичны, чтобы, сохрани Богъ, признать свою страну въ чемъ бы то ни было стоящей ниже другой страны.

Американецъ *Robert Buchanan* три года тому назадъ написалъ въ *North American Review* статью, дающую характеристику его соотечественниковъ, за которую его ругали цѣлый годъ и которой ему и до сихъ поръ не забыли. Это всего пять - шесть строкъ, отчеканенныхъ твердой рукою. Его слова тѣмъ болѣе полны значенія, что самъ онъ старикъ въ религіозномъ отношеніи въ высшей степени ортодоксальный, тогда какъ въ литературѣ состоитъ величайшимъ поклонникомъ Лонгфеллоу. Даже этотъ человѣкъ призналъ состояніе культуры въ своемъ отечествѣ отчаяннымъ, даже онъ рискуетъ своимъ добрымъ именемъ и славою, высказывая это: „Американцы“, говоритъ онъ,—„это нація, въ которой пониманіе искусства совершенно вымерло, нація, которая, въ сущности, вовсе не имѣетъ литературы; которая придерживается индифферентизма ко всѣмъ религіямъ; которая испорчена изъ конца въ конецъ, отъ самыхъ вершинъ общественной жизни до самыхъ низшихъ слоевъ общества; которая одновременно очень чувствительна къ критикѣ и

сама все критикуетъ съ какой-то кровожадностью; которая боготворитъ долларъ и матерьяльныя блага свыше всего иного; которая презираетъ всякія условныя формы, а сама пребываетъ въ рабствѣ въ худшемъ смыслѣ этого слова; которая слишкомъ тороплива, чтобы создать какую-нибудь свою собственную идею, а потому живетъ обломками чужой философіи, занесенной изъ Европы" *).

Я не стану утверждать, чтобы эти слова были преувеличеніемъ, я, наоборотъ, полагаю, что они совершенно вѣрны. Въ Америкѣ сложилась жизнь, которая сводится исключительно только къ вопросамъ пропитанія, наживы, матерьяльныхъ благъ и средствъ. Американцы такъ увлечены этой борьбой за наживу, что всѣ ихъ способности поглощаются ею, всѣ ихъ интересы уходятъ въ нее. Сердца ихъ вывѣтрены этими постоянными вычисленіями и расчетами, для мысли ихъ нѣтъ болѣе дорогого предмета, какъ текущія финансовыя операціи. Единственный предметъ, преподаваемый ежедневно въ ихъ *коммунальныхъ* школахъ, это ариѳметика; счетъ и статистика составляютъ зерна всѣхъ ихъ разсужденій, счетъ и статистика проникаютъ даже въ пасторскія проповѣди. Въ точности вычисляется, сколько будетъ стоить спасти *такую-то* душу, проживающую въ домѣ номеръ *такой-то*, и приходъ требуетъ покрытія этой суммы. Въ точности вычисляется, какая степень вѣроятія въ томъ, чтобы *Робертъ Инерсолль* подвергся вѣчному проклятію, причемъ дѣлается подсчетъ его грѣховъ, и сверхъ того его сравниваютъ съ *Томасомъ Пайномъ*, который, какъ извѣстно, тоже не безгрѣшенъ. Интересъ американцевъ къ числамъ обнаруживается во всѣхъ ихъ дѣлахъ и поступкахъ. Даже тогда, когда они дарятъ что-нибудь, они ждутъ, чтобы ихъ спросили, сколько стоилъ подарокъ; когда женихъ предноситъ что-нибудь своей невѣстѣ, онъ сообщаетъ—счастливый, какъ юный богъ — цѣну своего подарка; отъ большей или меньшей суммы, уплоченной за подарокъ, зависитъ большее или меньшее его достоинство. Я не зналъ на первыхъ порахъ, что этого въ Америкѣ требуетъ шикъ, и, когда однажды—правда, очень неожиданно и очень незаслуженно—получилъ въ подарокъ золотое перо, было замѣчено, что я не обратилъ на это золотое перо никакого вниманія, только потому, что я не спросилъ подарившаго, сколько оно ему стоило. Право, нѣтъ конца вещамъ, цѣнность которыхъ американцы переводятъ на деньги.

Но съ другой стороны, въ Америкѣ почти и въ зачаткѣ нѣтъ тѣхъ вещей, которыхъ *нельзя* было бы перевести на деньги; здѣсь какъ бы вовсе не существуетъ ростковъ *духовной жизни*. И какъ могутъ янки стать современнымъ культурнымъ народомъ, разъ они не хотятъ слѣдовать примѣру другихъ народовъ даже въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ они сами сознаютъ превосходство этихъ народовъ передъ собою? Этого не допускаетъ ихъ понятіе о любви къ отечеству. Патріотизмъ жестяныхъ дудочекъ совершенно пропитываетъ ихъ представленія и превратилъ вполнѣ позволительное національное чувство собственнаго достоинства въ непозволительное высокомѣріе, котораго никто и ничто не въ состояніи переломить. А между тѣмъ въ Америкѣ процвѣтаніе въ концѣ концовъ только исключительно матеріальное; страна, въ качествѣ отраженія культурнаго состоянія народа, не достигла больше ничего. Искусства, литература, юриспруденція, наука, политика, религіозный культъ — все это до такой степени обветшало, что пренебреженіе ихъ къ плодамъ культуры другихъ странъ можетъ прямо привести въ остолбенѣніе. У республики явилась аристократія, несравненно болѣе могущественная, чѣмъ родовитая аристократія королевствъ и имперій, это аристократія *денежная*. Или, точнѣе, аристократія состоянія, накопленнаго капитала. Потому что, при малѣйшемъ, отложенномъ про черный день

*) North American Review, 1875, I.

капитальчикѣ, янки чувствуетъ себя въ той же степени аристократомъ, какъ самый гордый дворянинъ у насъ дома чувствуетъ себя высокороднымъ. Эта аристократія, культивируемая всѣмъ народомъ съ чисто религіознымъ благоговѣніемъ, обладаетъ „истиннымъ“ могуществомъ аристократіи средневѣковья, не имѣя какихъ-либо ея благородныхъ качествъ; она груба и жестока соотвѣтственно столькимъ-то и столькимъ-то лошадинымъ силамъ экономической непоколебимости. Европеецъ и понятія не имѣетъ о томъ, насколько владычествуетъ эта аристократія въ Америкѣ, точно такъ же, какъ онъ не воображаетъ себѣ—какъ бы ни была ему знакома власть денегъ у насъ дома, — до какого неслыханнаго могущества можетъ дойти эта власть тамъ. То, что мы читаемъ въ американской прессѣ о желѣзныхъ трестахъ и каменноугольныхъ союзахъ, о земельныхъ акціонерныхъ компаніяхъ и желѣзнодорожныхъ монополіяхъ, — все это только вопіющія, могущественныя выраженія той же ликующей силы. Это ураганы, опустошающіе землю, но по слѣдамъ которыхъ снова вырастаетъ трава. И въ разговорахъ ли американцевъ, въ тонѣ ли ихъ печати, въ духѣ ли ихъ домашняго уклада, въ образѣ мысли, во *всемъ* здѣсь сказывается то же необузданное личное стремленіе: къ наживѣ, къ накопленію богатства, къ экономическому дворянству. Американцы — предприниматели; въ ихъ рукахъ все становится предпріятіемъ; но въ нихъ весьма мало духовнаго, ихъ культура до жалости убога. Пусть имъ принадлежитъ главенство въ механическихъ изобрѣтеніяхъ, — выдумывать машины въ концѣ концовъ вопросъ чисто-экономическій, зависящій отъ наклонности этого подвижного народа къ экспериментамъ,— пусть имъ остается промышленность, — которая, впрочемъ, менѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было національна, — пусть имъ остается ихъ торговля, ихъ сильно развитая биржевая жизнь ихъ дѣйствительно удивительная коммунизація; пусть ихъ цирку „P. G. Barnum“ нѣтъ равнаго въ мірѣ, а свиной

рынокъ Чикаго пусть будетъ величайшимъ свинымъ рынкомъ міра, — это вовсе еще не есть сильнѣйшія доказательства того, что страна является перворазрядною представительницей культуры. Американцы не растутъ духовно, у нихъ нѣтъ и тѣни духовной прозорливости, и именно поэтому коммерческая жизнь ихъ такъ великолѣпна, такъ упоительно разгульна; 60 милліоновъ человѣческихъ силъ вложены тамъ въ обороты матеріальнаго характера. Что же удивительнаго, если надъ міромъ пыль стоитъ столбомъ отъ Америки!

Можно было бы возразить, что отъ того состава людей, которые работали въ Америкѣ, нельзя было и ожидать ничего лучшаго; вѣдь она приняла и облагородила худшіе элементы всѣхъ странъ и сдѣлала ихъ тѣмъ, что они есть; она сдѣлала людьми шалопаевъ всѣхъ концовъ свѣта,— развѣ это не перворазрядная заслуга въ области культуры? Да, разумѣется! Я, впрочемъ, замѣчу на это, что Америка прежде всего сдѣлала изъ шалопаевъ *американцевъ*, образовала изъ нихъ государство и превратила ихъ въ его гражданъ; *людьми* пусть еще становятся они со временемъ и при случаѣ! Но подойдите къ американцамъ и заведите съ ними разговоръ на эту тему, увидите, что вамъ скажутъ въ отвѣтъ! Обратитесь къ нимъ съ рѣчью о невозможности ждать отъ Америки высшей культуры или болѣе интеллигентнаго отпечатка, нежели теперь, и вы получите такой отвѣтъ, котораго никогда не забудете. Васъ попросятъ только сунуться,—только сунуться съ этимъ! По различнымъ несчастнымъ случайностямъ мнѣ пришлось это испытать на себѣ, я пробовалъ высказывать глубочайшія мои убѣжденія относительно облагораживающаго воздѣйствія Америки, но я умолкалъ, я *долженъ* былъ умолкать; потому что къ этому я обыкновенно прибавлялъ, что нечего и ждать отъ Америки болѣе высокой культуры, нежели теперь. Этимъ я приводилъ въ ярость патріотизмъ американцевъ, и я умолкалъ, я хотѣлъ сохранить въ цѣлости мою голову, я еще хотѣлъ жить. Я могъ

бы назвать время и мѣсто въ Дакотской преріи, гдѣ меня чуть не скальпировали за то, что я обвинялъ духовную жизнь Америки въ отсталости. Потому что для каждаго янки Америка это весь міръ. Онъ абсолютно не признаетъ никакого преимущества за другимъ народомъ. Обвинить его въ томъ, что онъ не достигъ болѣе высокой интеллигентности, въ его глазахъ то же самое, что обвинить его именно въ томъ, что онъ достигъ *наивысшей* интеллигентности. Какой народъ, какой иностранецъ можетъ сравняться съ нимъ? Лѣтомъ 1887 года работалъ я въ одномъ мѣстѣ далеко на западѣ; насъ было всего-на-все полсотни людей. По воскресеньямъ эти люди усаживали меня писать для нихъ письма, меня принуждали къ этому, находя, повидимому, что я такъ славно пишу. Ну, а знаю ли я стенографію? Нѣтъ? Да было бы мнѣ въ такомъ случаѣ извѣстно, что въ Америкѣ есть люди, умѣющіе писать такъ же быстро, какъ люди говорятъ, это они видѣли собственными глазами. Такъ и въ писаніи былъ я тотчасъ же забракованъ!—Позднѣе я замѣтилъ, что неосвѣдомленность о существованіи и въ другихъ странахъ замѣчательныхъ вещей — не исключая и стенографовъ — далеко не ограничивается простымъ рабочимъ народомъ въ преріяхъ; полнѣйшій недостатокъ свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ встрѣчается во всѣхъ мѣстахъ и сословіяхъ этой страны знаменитыхъ образцовыхъ школъ.

Напрасно было бы извинять недостаточное развитіе духовной жизни американцевъ неудобствомъ матерьяла, изъ котораго приходится имъ черпать свое развитіе. Они требуютъ безусловнаго признанія ихъ самымъ передовымъ народомъ во всѣхъ отношеніяхъ, культурнѣйшей націей свѣта. Чтобы не только самимъ полагать это, но и другихъ заставить это думать, они объявляютъ, что наплывъ иностраннаго элемента въ ихъ духовную жизнь представляетъ избытокъ и создаютъ строжайшее стѣсненіе для этого наплыва, обременяя плоды заграничной культуры 35 % таможеннаго сбора!

ЛИТЕРАТУРА.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Имѣютъ ли возможность американское искусство и литература существовать при такомъ таможенномъ стѣсненіи иностранныхъ искусства и литературы? Могутъ ли они безъ вредныхъ послѣдствій отклонять вліяніе иностраннаго искусства?

Если бы Америка была старымъ государствомъ, съ своей собственной долгой исторіей и своимъ прошлымъ въ развитіи искусства, если бы у нея были предки, на которыхъ она могла бы сослаться, то это стѣсненіе имѣло бы какое-нибудь формальное основаніе, если не оправданіе. Но слѣдуетъ помнить, что Америка есть союзъ новоселовъ въ самомъ его возникновеніи, который еще ни въ единомъ родѣ искусства не создалъ своей собственной школы. Американцы народъ практическаго дѣла, а не искусства—за нѣкоторыми исключеніями, разумѣется. За искусство нужно заплатить, искусство имъ непонятно, они равнодушны къ искусству. Съ литературой дѣло обстоитъ приблизительно такъ же. Какъ въ живописи видятъ они только смѣшеніе красокъ, которое можно видѣть и на олеографіи, такъ и въ книгѣ они совершенно равнодушны къ тому, художественное ли это произведеніе или нѣтъ, говорится ли въ ней о любви или о стрѣльбѣ изъ револьвера. Литература не играетъ никакой роли въ Америкѣ, она не является какимъ-либо средствомъ развитія, а лишь болѣе или менѣе забавнымъ развлеченіемъ. Читаютъ не для развитія, а лишь чтобы позабавиться уличными проис-

шествіями въ газетахъ, поволноваться кровавыми сценами изъ исторіи процесса, растрогаться до слезъ любовью въ романахъ Шарлоты Брэме, вечеромъ убаюкать себя растянутымъ, снотворнымъ Лонгфелло. Газеты американцы читаютъ, чтобы бы быть au courant городскихъ происшествій, зоркими глазами прослѣдить результаты послѣдняго состязанія бѣгуновъ въ Нью-Іоркѣ или узнать что-нибудь о новомъ желѣзнодорожномъ крахѣ *Jay Goulds*; они не читаютъ ни слова о новѣйшихъ вѣяніяхъ въ литературѣ и искусствѣ, не читаютъ и о наукѣ, потому что этого и нѣтъ въ газетахъ. Главнѣйшимъ содержаніемъ американскихъ газетныхъ листковъ служатъ практическія свѣдѣнія и преступленія.

Продавецъ газетъ въ американскомъ городѣ служитъ весьма назидательнымъ показателемъ культуры. Если въ качествѣ посторонняго наблюдателя изучать его выкрики впродолженіе недѣли, то получишь ключъ къ жизни всего города. Это профессіональный выразитель настроенія, своего рода барометръ, онъ умѣетъ своими оповѣщеніями угодить текущимъ интересамъ публики, онъ не пропагандируетъ книгу, картину, драму, когда знаетъ, что интересуется публика крушеніемъ поѣзда или тройнымъ убійствомъ. Разъ газеты въ Америкѣ прежде всего являются провозвѣстницами практическихъ свѣдѣній, и разъ онѣ больше интересуются тройнымъ убійствомъ, нежели духовной и умственной жизнью, то и содержаніе ихъ бываетъ соотвѣтственно этому. Поэтому, когда продавцы газетъ выкрикиваютъ о пожарѣ въ Вашингтонѣ, о дракѣ на 17-й улицѣ, снѣжной бурѣ въ Монтанѣ и изнасилованіи въ Масачузетсѣ, то этимъ самымъ возвѣщаютъ они все главнѣйшее содержаніе своихъ листковъ. Такимъ образомъ, эти маленькіе газетчики, чьи понятія опять таки образуются согласно господствующимъ интересамъ публики, являются главнѣйшими редакторами американской журналистики.

Удивительная журналистика, шумная, скандальная, кулачно-дикая, журналистика полная револьвернаго дыма, подкупа избирателей, покупной желѣзнодорожной рекламы, объявленій въ стихахъ, городскихъ сплетенъ; удивительная журналистика скандаловъ въ избирательныхъ залахъ, звона бокаловъ, криковъ ура на патріотическихъ банкетахъ, стона желѣзнодорожныхъ крушеній, стука и пара крупныхъ фабрикъ, слава Божія собственнаго пастыря—потому что у каждаго листка есть свой собственный пастырь, — дамской поэзіи о лунномъ свѣтѣ въ Теннеси и любви въ Бостонѣ, двухъ столбцовъ прелюбодѣяній, трехъ столбцовъ банковыхъ мошенничествъ, четырехъ столбцовъ медицинскихъ патентовъ— удивительная журналистика, воплощеніе гама цѣлой арміи крикливыхъ пиратовъ, которые пишутъ ее.

Извѣстный всей Америкѣ Бруклинскій священникъ *de Witt Talmage* недавно высказалъ слѣдующія положенія объ американской прессѣ въ одной статьѣ воскреснаго листка: „Все установилось. И реформаторы, какъ въ самой журналистикѣ, такъ и внѣ ея должны бы удвоить стараніе все больше и больше совершенствовать ее, подымать ея нравственный уровень и сдѣлать изъ нея орудіе къ исправленію. Наши газеты болѣе, нежели не отставали отъ вѣка. Если сравнить одну изъ распространеннѣйшихъ нашихъ газетъ съ таковою же за 35 лѣтъ тому назадъ, то будешь пораженъ огромной разницей въ отношеніи литературнаго содержанія, которое становится все лучше и лучше. Люди, служащіе печати теперь, лучше, нежели были журналисты 35 лѣтъ назадъ. Произведеніе ихъ здоровѣе, духъ даже свѣтскихъ газетъ становится все болѣе и болѣе религіознымъ и нравственнымъ. Мораль въ газетахъ такъ же высоко стоитъ, какъ и на церковныхъ кафедрахъ. Да, пресса установилась".

Но такъ какъ пасторъ Тальмаге не былъ извѣстенъ за шутника, а потому нельзя было заподозрѣть иронію въ душѣ этого человѣка, то даже янки все же показалось, что онъ расхвастался знаніемъ вещей, мало ему знакомыхъ, и

нѣкоторые журналисты приняли своихъ покойныхъ предшественниковъ подъ защиту. Такъ, редакція *Америки* возразила пастору полной возмущенія замѣткой въ пять строкъ, въ которой выразила сомнѣніе въ доброй вѣрѣ Тальмага относительно нравственности современной американской прессы. Замѣтка блещетъ своей цѣльностью въ слѣдующихъ словахъ: „Если сравнить одинъ изъ нашихъ теперешнихъ *воскресныхъ листковъ* съ одной изъ распространенныхъ *ежедневныхъ газетъ* за 35 лѣтъ назадъ, то увидишь, что послѣднія были нравственны по своему тону и патріотичны по содержанію, тогда какъ въ первыхъ находишь какое-то смѣшеніе пошлостей, сенсаціонныхъ извѣстій и скандаловъ, только приправленныхъ кажущейся серьезностью. Мораль воскресныхъ листковъ, быть можетъ, дѣйствительно не превышаетъ уровня морали церковныхъ кафедръ, но это весьма печальное признаніе въ устахъ пастора".

Но ужъ въ особенности не страдаетъ американская журналистика наличностью „лучшей литературы", нежели она можетъ съ удобствомъ вынести. Эта журналистика, которая съ точки зрѣнія художественности едва можетъ быть поставлена на одну доску съ мелкими копенгагенскими газетками; это бульварные листки, содержаніе и духъ которыхъ насквозь проникнуты матеріалистическимъ вѣяніемъ всей американской жизни.

Выступала ли *Модьевская* въ мѣстномъ *Grand*, пѣлъ ли *Ментеръ* въ оперѣ, читалъ ли гдѣ-нибудь *Линде* лекцію, какъ только это отошло, оно тотчасъ же перестаетъ быть интересомъ дня, и если ближайшія утреннія газеты отмѣтятъ это, то лишь главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы дать описаніе костюмовъ и причесокъ артистокъ, сообщить числа колецъ на ихъ пальцахъ, число полученныхъ ими ангажементовъ, прибавить къ этому круглую сумму стоимости ихъ драгоцѣнностей; не ищите оцѣнки ихъ искусства, впечатлѣнія ихъ игры, выработанной критики, ни слова о духовномъ

значеніи всего этого вы не найдете въ газетахъ. Кому могла бы быть написана подобная критика? И кто могъ бы написать ее? Журналистовъ образуютъ газетчики, которые опять таки образованы читающею толпою, а читающая толпа—это народъ не интересующійся искусствомъ. Это практическіе дѣятели, использывающіе свою газету въ трамваѣ, отправляясь утромъ на работу, или жены и дочери практическихъ дѣятелей, которыя сами были на представленіи, а потому и сами видѣли прическу Модьевской собственными глазами. Нѣтъ, дайте имъ кровавое описаніе искаженнаго трупа, найденнаго въ такой-то подворотнѣ, дайте имъ дикій азартъ биржи, жестокую драку, супружескую драму, вотъ что понятно ихъ сердцу, вотъ что говоритъ что-нибудь ихъ уму и, наконецъ, производитъ впечатлѣніе на ихъ деревянные нервы.

Среди гама предпріятій, преступленій и несчастныхъ происшествій въ каждой газетѣ одинъ или два столбца посвящены новостямъ изъ частной жизни обитателей города, свѣдѣнія интимнымъ образомъ собранныя редакторомъ, полученныя изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, дамское утреннее чтеніе, научныя свѣдѣнія даваемыя какими-нибудь шалопаями, такъ называемый отдѣлъ *Locals*. Въ этомъ столбцѣ найдешь свѣдѣнія о свадьбахъ, рожденіяхъ, кончинахъ, и подобно тому, какъ европейскія газеты сообщаютъ о посѣщеніи такими-то коронованными особами такихъ-то королевскихъ домовъ съ политическими цѣлями, такъ американскія газеты оповѣщаютъ въ своихъ *Locals* о томъ, что такую-то почтенную семью такого-то города посѣтилъ такой-то почтенный гражданинъ другого города. Пусть это будетъ жена шкипера, пріѣхавшая навѣстить своего сына, колесника, или погонщикъ табуновъ въ преріи пріѣхавшій погостить у своихъ родителей—это все равно, все одинаково достойно примѣчанія. Что жъ, противъ этого ничего не скажешь, таковъ своего рода шикъ и обычай страны, а десяти тысячамъ под-

писчиковъ очень по вкусу, что журналистика занята и женою шкипера. *Locals*—самый приличный отдѣлъ въ американской газетѣ, онъ по возможности очищенъ отъ медицинскихъ патентовъ и преступныхъ покушеній и по вечерамъ служитъ излюбленнымъ чтеніемъ для дамъ *Society*. Однако, даже и въ этомъ столбцѣ то тутъ, то тамъ иногда прорывается гвалтъ, контрабандой прокрадываются въ самый *Locals* объявленія, рекламы о такого-то рода мази для волосъ, такихъ-то корсетахъ, стихи о принадлежностяхъ туалета и стихи о новооткрытой торговлѣ мясомъ на рынкѣ. Тотчасъ же вслѣдъ за исторіей блистательнаго бракосочетанія или архиблагополучнаго разрѣшенія отъ бремени, часто читаешь замѣтку съ надписью: „*Смерть*". Вздрагиваешь, чувствуешь сильный и совершенно неудержимый толчекъ—снова, значитъ, не стало драгоцѣннѣйшаго товарища—янки! Очень можетъ быть, что это каменщикъ Fowler, или племянница часовщика Brown, живущаго въ улицѣ Адама номеръ 16 или 17. О, нѣтъ словъ достаточно сильныхъ, чтобы выразить *кого* могла отнять у насъ смерть! Тѣмъ временемъ подвинчиваешь себя и продолжаешь читать замѣтку, дѣлаешься воспріимчивѣе, создаешь реальныя представленія; слава Тебѣ, Господи!—это не каменщикъ, и внимательно смотришь, ужъ не племянница ли это. Не придется жаловаться, если окажется, что рѣчь идетъ только объ агентѣ по распространенію швейныхъ машинъ такой-то фабрики, или о двоюродномъ братѣ мистриссъ Кингсле, мужу которой около 40 лѣтъ. Читаешь дальше. Прочелъ уже съ полъ-столбца, стараешься успокоиться, чувствуешь себя недалекимъ отъ того, чтобы представить себѣ человѣка по имени Конвай, который живетъ, быть можетъ, въ Линкольнстридѣ, или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ. Читаешь съ живостью и вниманіемъ, это становится поистинѣ интереснымъ, готовъ поклясться, что отнынѣ будешь читать только всѣ смертные случаи и ничего иного. Очень можетъ быть, что замѣтка относится

къ нѣкоему столяру, котораго зовутъ Гримшау или Смитомъ. Возможно, что онъ, въ довершеніе всего, скончался отъ удара,—родъ смерти, вполнѣ соотвѣтствующій той жизни, которую, быть можетъ, велъ этотъ человѣкъ. И вотъ читаешь дальше и дальше, напрягаешься, не пропускаешь ни одного словечка, читаешь съ состраданіемъ, наконецъ, съ какой-то яростью. Столяръ пока еще спасенъ: прочелъ уже пять строкъ дальше, дошелъ до послѣдней точки,—и ни слова объ ударѣ! Теперь не можетъ же быть, чтобы это былъ Мистеръ Даунингъ, тотъ самый Джемсъ Уилльямсъ Даунингъ, который былъ, напр., цирюльникомъ близъ церкви баптистовъ? Крѣпишься, сгоряча уже почти останавливаешься мысленно на существованіи подобнаго цирюльника; вѣдь можетъ же быть такой въ дѣйствительности, и почему бы не быть цирюльнику точно такъ же, какъ дамѣ, содержащей устричное заведеніе на проспектѣ Франклина? Есть ли достаточное основаніе избавить цирюльниковъ всего міра отъ роковой судьбы? И вдругъ въ конпѣ концовъ читаешь слѣдующее, читаешь широко открытыми глазами, сдерживая дыханіе, съ трепетомъ каждаго взбудораженнаго нерва: „*чтобы избѣгнуть смерти, слѣдуетъ посѣтить единственное мѣсто, гдѣ можно получить извѣстныя бальныя перчатки, въ которыхъ никогда не простудишься, а именно у Данальдсона*".—О, ты, вѣчный, вѣчный покой! Несчастный читатель поглотилъ полъ-столбца объявленій!

Въ *Locals* объявленія ужъ навѣрняка будутъ прочтены, въ этихъ столбцахъ они не избѣгнутъ любопытнаго взора читателя; поэтому *Locals* дорогое поле рекламы, объявленіе петитомъ можетъ стоить долларъ; при особыхъ обстоятельствахъ, какъ, напр., въ праздникъ слово петита въ большихъ городахъ доходитъ въ *Locals* до пяти долларовъ. Зато редакторъ можетъ написать въ своемъ *Locals* слѣдующее: „Наша супруга ночью разрѣшилась отъ бремени сыномъ". Вотъ такъ славно! Это интересно, замѣчательно, неподра-

жаемо! Но много ниже, въ другомъ мѣстѣ, вы находите выраженіе благодарности того же редактора къ уважаемому фермеру, который побывалъ у него въ городѣ и доставилъ ему столько-то картофеля. Это только объявленіе, только реклама. За этотъ картофель редакторъ обязанъ былъ печатно выразить фермеру благодарность въ видѣ маленькой замѣтки отъ редакціи, и притомъ именно въ *Locals*, гдѣ эта замѣтка ужъ навѣрняка будетъ прочитана; онъ долженъ былъ назвать *сортъ* доставленнаго картофеля и разсказать, какого онъ о немъ мнѣнія. Онъ нашелъ этотъ картофель столь удачнымъ, что, по его убѣжденію, именно благодаря ему, супруга его такъ благополучно разрѣшилась, да, онъ склоненъ думать, что не скушай его супруга какъ разъ вчера двѣ этихъ положительно несравненныхъ картошины, то не могло бы и дитя оказаться мальчикомъ!—Цѣль достигнута цѣною грязи, проникшей въ самую интимную среду семьи: у редактора даровой картофель на такой-то болѣе или менѣе продолжительный срокъ, а фермеръ рекламировалъ свои продукты такимъ способомъ, который не позволитъ забыть рекламу. Фермеръ предполагаетъ, пожалуй, что когда какая-нибудь незамужняя хозяйка дома замѣтитъ недостатокъ картофеля въ своемъ погребѣ, она похлопаетъ своего сожителя по щекѣ и скажетъ: *Того* сорта картофеля, если осмѣлюсь просить! Знаешь, того, отъ котораго родятся мальчики! Даже если она скажетъ это въ шутку, разсуждаетъ фермеръ, все же ясно, что его объявленіе въ *Locals*—дорогое объявленіе—не пропало даромъ.

Но какъ бы ни была груба и топорна американская журналистика, она все же служитъ правдивымъ отраженіемъ общественной жизни страны, интересовъ и понятій народа, что уже гораздо больше, нежели можно сказать объ остальной американской литературѣ и беллетристикѣ. Журналисты работаютъ надъ текущею жизнью, выражаютъ мысли и чувства янки, изображаютъ здоровый, мускулистый матерьялизмъ

безъ прикрасъ, вносятъ свой ежедневный вкладъ въ исторію культуры своей родины; американскій писатель, наоборотъ, до сихъ поръ все еще пробавляется отсталыми взглядами и направленіемъ прошлыхъ вѣковъ, бредитъ вѣчной любовью, отзывающей англійскими прабабушками, и создаетъ героевъ — идеалъ человѣка — изъ каждаго патріота янки, отложившаго долларъ про запасъ и имѣющаго мельницу на Миссисипи.

Въ американскихъ газетахъ не обсуждаются комическія столкновенія въ политикѣ, которыми полна европейская пресса. Только каждый четвертый годъ въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль схватываются американцы изъ-за свободы торговли или таможеннаго билля, идетъ кровавая борьба, кто побѣждаетъ, кто сдается, выбираютъ президента,— послѣ чего все это откладывается до слѣдующихъ выборовъ. „Политика“ не затрагивается болѣе цѣлыхъ четыре года подрядъ. Американскій журналистъ, какъ взрослый человѣкъ, не обязанъ садиться и съ искреннимъ воодушевленіемъ обрушиваться на такіе-то параграфы стараго закона и на такіе-то запятыя новаго, создавать длинныя „передовицы“ по поводу малѣйшей безтактности молодого Бисмарка въ Ватиканѣ, или изобрѣтать ученые комментаріи относительно тронныхъ рѣчей и высочайшихъ шуточекъ. Онъ едва ли знакомъ съ этой политикой даже по имени, онъ не знаетъ, что значитъ правая и лѣвая, даже во время выборовъ не знаетъ онъ, что такое значитъ оппозиція. Его листокъ — безцвѣтное чтеніе, нагроможденіе событій отъ востока до запада Америки, небольшихъ разсужденій о разныхъ вещахъ, плодъ мимолетнаго обзора. У меня въ рукахъ только что полученный номеръ американской газеты, я не выбираю, я беру листокъ наудачу, онъ содержитъ слѣдующее: Арестъ бѣглеца.— Пожарище вчерашняго вечера.—Судъ Линча.—Послѣдствія имиграціи. — По вопросу о рыбной ловлѣ въ Канадѣ. — Большая драка.—Состояніе государственной кассы.—Биржа.— Отголоски съ Сѣверо-запада. — Отголоски съ юга. — Послѣд-

нія новости. — Воровство. — Высшій судъ. — Убійство. — Единственное средство (о медицинскомъ патентѣ). — Украденная свинцовая труба. — Потеря 1000 долларовъ. — Кулачный бой и *Mc Caffrey* въ *Comique*. — Бѣлые рабы въ Техасѣ. — Состояніе погоды. — Спортъ. — Былъ ли это ударъ ножомъ? — Миннезота. — Дакота. — Мичиганъ. — Изъ другихъ мѣстъ.—Внезапная смерть.—Частная служба.—Уѣхавшіе.—Погребеніе въ Винонѣ. — О желѣзныхъ дорогахъ — О служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. — Различныя свѣдѣнія. — Кража 8 тысячъ. — G. A. R. *(Grand Army of the Republic)*. — Судебная жалоба сенатора Кейя. — Торговля женщинами въ Центральной Африкѣ. — Паденіе цѣнъ на пшеницу. — Темное дѣло соперника. — Рынокъ Нью-Іорка. — Рынокъ Чикаго. — Негръ отходитъ въ вѣчность. — Почему была она героиней? — Исчезнувшій банковскій чиновникъ. — Состояніе прихода. — Крушеніе поѣзда. — Открытіе растенія (медицинскій патентъ).—Отзывъ шерифа Энгля.—Отзывъ шерифа Кобденса.—„*Locals*". — Оставленіе мужа. — Два убитыхъ истопника. — Индѣйцы въ Перу. —Легислатура. — Испугъ жены. — Генералъ Грантъ въ качествѣ охотника. — О трамваяхъ. — Снѣжныя бури. — 63-лѣтній отецъ, растлившій свою 7-лѣтнюю дочь. — Союзъ женщинъ. — Взгляните на птицъ небесныхъ (объявленіе). — Конкурсъ. — Телеграммы. — О красивой одеждѣ. — Фермеръ убитъ. — Паудерли исправился. — Проповѣдь пастора Фитцгерольда. — Арестованные поляки — *Go on* (объ очисткѣ страны отъ китайцевъ). — Стачки. — Гладстонъ (объ американскихъ изобрѣтеніяхъ). — Освѣщеніе новой церкви. — Разбитое окно. — Лошади разнесли. — Три полицейскихъ агента на стражѣ. — 11 столбцовъ объявленій *).

Ни слова о политикѣ, ни слова! Но каждый столбецъ— какъ бы они всѣ лишены интеллигентности и интереса— показываетъ, чѣмъ заняты сердца янки, что имъ приходится

*) Globe 9 января 1889 г.

по вкусу, какое они чтеніе предпочитаютъ. Американскія газеты вполнѣ соотвѣтствуютъ духовной жизни американцевъ; содержаніе ихъ не такъ скромно и идиллично, какъ беллетристика, но въ нихъ во сто разъ больше правды и дѣйствительности. Американскія газеты безпокойны и шумны, какъ сама жизнь; онѣ грубы и правдивы.

Въ одномъ лишь отношеніи американская пресса стоитъ впереди другихъ странъ, а именно въ умѣніи услѣдить и уловить новости общественной жизни. Она тратитъ неслыханныя суммы, чтобы собрать свѣдѣнія отовсюду, она получаетъ телеграммы о каждомъ незначительномъ происшествіи и выпускаетъ экстренные листки по всякому поводу. *New-York Herald* въ этомъ отношеніи не имѣетъ себѣ равныхъ. Штабъ многочисленныхъ сотрудниковъ его—кромѣ корреспондентовъ во всѣхъ странахъ, кромѣ наборщиковъ, рабочихъ, корректоровъ и т. д.—65 человѣкъ. Изъ нихъ 17 являются редакторами или руководителями, завѣдывающими каждый своимъ отдѣломъ; остальные служатъ репортерами, отправляющимися по всѣмъ улицамъ и проспектамъ Нью-Іорка для собиранія новостей. Какъ только какая-нибудь новость дойдетъ до слуха репортера, онъ спѣшитъ на ближайшую телефонную станцію, кричитъ: *Herald!* и докладываетъ. Кромѣ этихъ репортеровъ, у *Herald*'а свой катеръ, постоянно снующій у гавани, ловя каждую новость, которая можетъ притти къ великану-городу изъ-за моря. Какъ извѣстно, корреспонденты *Herald*'а очутились у Ніагары и по телеграфу дали знать, что принцъ Уэлльскій ѣдетъ въ Америку и рѣшилъ посѣтить водопадъ. Случилось, что принцъ задержался дольше, нежели предполагалось, но чтобы поддержать свое донесеніе, корреспондентъ распорядился протелеграфировать 1-ую книгу Моисея. Когда она вся была протелеграфирована, а принцъ все еще не пріѣхалъ, принялись за вторую книгу Моисея. Но тутъ принцъ, наконецъ, пріѣхалъ, и корреспондентъ могъ выпустить эту новость въ свѣтъ первымъ; этотъ маневръ

стоилъ всего нѣсколько тысячъ долларовъ. Зато впослѣдствіи *New-York Herald* сумѣлъ, благодаря своей освѣдомленности, войти въ соглашеніе со всѣми другими газетами, такъ что во время войны съ Абиссиніей даже лондонскому *Times* приходилось черпать многія военныя новости у своего американскаго коллеги, болѣе освѣдомленнаго въ чисто англійскихъ дѣлахъ.

И не одинъ только *New-York Herald* выбивается изъ силъ, чтобы огорошить своего читателя новостями всего міра; большая часть американской прессы стоитъ въ болѣе или менѣе живомъ общеніи со своими и заграничными городами. И это большая заслуга американскихъ газетъ, что онѣ такимъ образомъ изъ года въ годъ стараются ознакомить янки съ міромъ, лежащимъ внѣ Америки, о которомъ школы ихъ не даютъ почти никакого понятія. Новости, приносимыя англійскими листками о другихъ странахъ, правда, ограничиваются лишь болѣе или менѣе краткими замѣтками, переданными по телеграфу; но онѣ тѣмъ не менѣе являются вѣстью съ другой половины земного шара, маленькими, сжатыми свѣдѣніями, которыя, будучи собраны изо дня въ день за цѣлые годы, даютъ несравненно болѣе полное представленіе о всемірной исторіи, нежели любая свободная школа страны. Однако, даже и въ содержаніи этихъ телеграммъ сказался американскій духъ; газеты вынуждены сообразоваться съ интересами и вкусомъ своихъ подписчиковъ. Умалчивая о новостяхъ въ области искусства и литературы, онѣ, напр., въ области финансовъ ничего не считаютъ слишкомъ ничтожнымъ, для телеграммы. Придворные балы, поѣздки высочайшихъ особъ, открытіе желѣзныхъ дорогъ, скачки въ Англіи, дуэли во Франціи, покушенія въ Россіи, все это служитъ американскимъ газетамъ дорогимъ матеріаломъ для телеграммъ; но онѣ хранятъ полнѣйшее молчаніе о знаменитѣйшей драмѣ или восходящей звѣздѣ въ искусствѣ. За то онѣ тотчасъ же даютъ отчетъ о малѣйшемъ происшествіи

за границей, если оно касается торговли или денежныхъ операцій—если напр. путешественникъ забылъ свой бумажникъ въ нѣмецкомъ отелѣ, или кто-нибудь спекулировалъ на два штофа масла на сарептской биржѣ.

Не смотря на эти крупные недостатки, американская журналистика все же служитъ своеобразнѣйшимъ и сильнѣйшимъ выраженіемъ духа американскаго народа; со всей своей наглостью и свирѣпымъ реализмомъ, она, съ точки зрѣнія литературной, является поистинѣ современной.

II. ПОЭТЫ и ПИСАТЕЛИ.

Американская литература безнадежно отстала и бездарна. Въ ней есть любовь и револьверные выстрѣлы, но въ ней нѣтъ самого живого дыханія жизни, въ ней нѣтъ пульсирующей полноты жизни, въ ней нѣтъ настроенія. Я исключаю, само собою разумѣется, двухъ-трехъ писателей, чьи книги современный человѣкъ можетъ прочитать, не чувствуя угнетенія, я исключаю *Марка Твэна*, этого блѣднаго пессимиста, который со своими дѣйствительно великолѣпными остроуміемъ и юморомъ не имѣетъ ни предшественниковъ, ни преемниковъ въ Америкѣ; я кое-что исключаю и изъ Поэ, и Готорна, и Гарта. Но въ общемъ американская литература не служитъ отраженіемъ жизни американской, подобно газетамъ. Она не производитъ впечатлѣнія, въ ней слишкомъ мало земного, она много разглагольствуетъ, но мало чувствуетъ; въ ней слишкомъ много поэзіи и слишкомъ мало дѣйствительности; она не описываетъ, она воспѣваетъ, говоритъ, поднявъ очи къ небу, возится съ добродѣтелью и бостонской моралью, проповѣдуетъ, увѣщеваетъ и налагаетъ мароккскія повязки на непоколебимую честность и на чету индѣйскихъ героевъ.

Это поэзія, которая беззвучно прошла черезъ мои мозги, которая ни разу не возбудила ни малѣйшаго отзвука въ

моей душѣ и никогда не заставила меня къ ней прислушаться. Съ книгой янки въ рукахъ всегда чувствуешь, что если бы налетѣлъ ураганъ, если бы дуновеніе современности ударило въ эту жалкую поэзію, она стала бы лучше. Но на подобные ураганы наложенъ таможенный сборъ, и къ тому же они не играютъ въ патріотическія жестяныя дудочки. Американская литература совершенно безсильна и безжизненна, она отстала отъ европейской литературы на цѣлыхъ три фазы развитія. Диккенсъ и Скоттъ разъ навсегда опредѣлили, каковы должны быть романы, Мильтонъ и Лонгфелло—каковы должны быть стихи и баста. Никакого вліянія литературы нашего времени и слѣда нѣтъ въ американской литературѣ. Въ этихъ поэтахъ не бьется жажда движенія впередъ; они разъ навсегда обучились своему дѣлу и знаютъ его. Какое имъ дѣло до того, что есть на свѣтѣ люди иныхъ великихъ культурныхъ народовъ, которые научились писать о жизни, о жизни новой, измѣнившей ликъ свой, что есть другіе, научившіеся отражать малѣйшія движенія души—мимозы? Это имъ рѣшительно ни по чемъ,—они американцы, они патріоты, они пѣвцы, мечтатели. Теперь въ Америкѣ считается за стыдъ знать чужой языкъ; если два иммигранта заговорятъ между собою на своемъ родномъ языкѣ, ихъ осмѣютъ; если американецъ изучитъ чужой языкъ, то ужъ навѣрное не иначе, какъ мертвый. Такимъ образомъ американцы лишены возможности познакомиться съ современной литературой въ оригиналахъ. Но даже и въ переводахъ не стараются они узнать, что представляетъ собою современная беллетристика и поэзія. Если они переведутъ книгу *Зола* ради спекуляціи, то они извлекутъ изъ нея лишь грубѣйшую основу, скелетъ, они „просѣютъ“ книгу, какъ говорится у нихъ въ предисловіи; она выходитъ неузнаваема, даже имена дѣйствующихъ лицъ переиначены. Іисусъ Христосъ въ *La Terre*, напримѣръ, въ американскомъ переводѣ называется *Магометомъ*; четыре убійства въ этой

книгѣ переводчикъ сохранилъ потому, что это приближается къ револьверному треску его собственной литературы; но всѣ ругательства, незаконный ребенокъ, обольщенія, все это совершенно выпущено. Переводовъ книгъ Зола, напр., вы не найдете въ книжныхъ магазинахъ даже въ „просѣянномъ“ видѣ; онѣ относятся къ торговлѣ въ табачной лавкѣ, какъ товаръ для гг. мужчинъ. Американскіе книжные магазины торгуютъ приличнымъ товаромъ; не спрашивайте въ нихъ живую книгу, не требуйте даже крайне умѣреннаго и скучнаго Уитмана—вамъ шепнутъ въ отвѣтъ, если тутъ присутствуютъ дамы, что произведеній Уитмана, можно надѣяться, не найдется въ городѣ.

Что же есть въ этихъ книжныхъ лавкахъ? Возьмемъ такой городъ, какъ Миннеаполисъ, городъ по размѣру близкій къ Коппенгагену, центръ западной торговой жизни, Миннеаполисъ съ его театрами, школами, „картинными галлереями“, университетомъ, международной выставкой и пятью музыкальными школами—тутъ только одна книжная лавка, единственная *). Что же распространяютъ эти лавки, что найдешь на ихъ окнахъ и полкахъ? Разукрашенныя поздравительныя карточки, золотыя украшенія, криминальныя исторіи, нѣсколько нотныхъ листковъ *Yankee doodle* и *Home, sweet home* благословенный Лонгфелло и всевозможныя варіаціи наиболѣе новомодныхъ чернильницъ. Такимъ образомъ, весь всемірный потопъ американской „художественной литературы“ имѣетъ, вообще говоря, все, что можетъ имѣть народъ, изобилующій дамами-бумагомарательницами. При этомъ и книжная торговля, конечно, является тоже не иначе, какъ патріотической: вы найдете въ ней исторію Сѣверо-Американской войны, и литографіи Вашингтона, и „Хижину дяди Тома“, и записки генерала Гранта. Тутъ весь литературный рынокъ Америки.

*) Скандинавскихъ двѣ, онѣ торгуютъ писчей бумагой и проповѣдями.

Но я охотнѣе прочитаю сборникъ проповѣдей, нежели записки генерала Гранта. Грантъ былъ человѣкомъ, не умѣвшимъ писать безъ ошибокъ даже на родномъ языкѣ; и до сей поры не забыто, сколько стилистическихъ курьезовъ извлечено было изъ писемъ этого генерала. Я также съ бо́льшимъ удовольствіемъ отъ доски до доски прочту адресъ-календарь нежели эти американскія сыщичьи похожденія. Они хуже „пѣсенниковъ", хуже „небесныхъ писемъ", хуже всего, что я когда-либо видѣлъ въ печати. Пока не познакомишься съ ними, не можешь даже представить себѣ, какія похожденія сыщика можетъ создать человѣкъ. А между тѣмъ и эти литературныя произведенія такъ же патріотичны, какъ нѣкоторыя народныя пѣсни, прославляющія отечество; какъ великолѣпно, напр., описывается юноша-янки изъ агентовъ сыскной полиціи, который въ 16—17 лѣтъ сражается съ цѣлой толпой иностранныхъ жидовъ-контрабандистовъ и всѣхъ ихъ перестрѣливаетъ.

При всемъ томъ американскій литературный рынокъ устраивается такъ, что книги выходятъ прекрасно иллюстрированныя. Для людей, любящихъ рисунокъ, истиннымъ удовольствіемъ бываетъ порыться въ книгахъ большого книжнаго магазина въ Америкѣ. Въ этихъ орнаментахъ, въ этихъ изящно выполненныхъ иллюстраціяхъ большая заслуга, чего нельзя сказать о содержаніи, которое можетъ возбудить интересъ только въ американцѣ, настоящемъ американцѣ. Рѣдко можно встрѣтить журналъ, въ которомъ не наткнешься на письмо Гранта, на автобіографію Линкольна, на очеркъ вашингтонской жизни, на въ высшей степени важное замѣчаніе генерала Логана—человѣка, о которомъ извѣстно только то, что онъ умеръ, на стихи о лунѣ, на любовную исторію. Но чтобы въ тысячный разъ перечитывать давнишнюю автобіографію Линкольна, или чтобы снова прочитать мудрый отвѣтъ Франклина американскому лорду, о которомъ мы въ Норвегіи читали въ дѣтствѣ въ хрестоматіи Іенсена, или

чтобы прочесть письмо Гарфильда къ племянницѣ одного фермера въ Иллинойсѣ,—чтобы одолѣть подобное чтеніе, надо быть какъ разъ на томъ же уровнѣ развитія, какъ американцы, надо быть столь же мало развитымъ духовно, какъ и они.

Въ Миннеаполисѣ — городѣ приблизительно равномъ Копенгагену по размѣру—есть музей съ библіотекой, въ которой 17 тысячъ томовъ, и который стоитъ 26 тысячъ долларовъ. Въ этомъ музеѣ находишь ту же литературу, что и въ книжныхъ лавкахъ, тѣ же военныя исторіи, тѣ же журналы, того же Гранта, тѣ же стихи. Единственная литература, которую можно достать въ лавкѣ, а въ музеѣ нельзя, это чернильницы, остальное все то же. Въ этомъ музеѣ народъ сидитъ изо дня въ день и читаетъ стихи. Нѣтъ, невозможно постичь, ничѣмъ объяснить нельзя иностранцу, какое удовольствіе находятъ эти люди въ томъ, чтобы сидѣть тамъ и читать стихи. Это, навѣрно, объясняется ихъ особенной влюбленностью въ лирику; потому что вѣдь не качества же этой лирики привлекаютъ ихъ въ музей. Американцы народъ непомѣрно любящій стихи. Не говоря о дамахъ, регулярно снабжающихъ газеты своими зачастую замѣчательными поэтическими произведеніями, страсть къ стихамъ охватываетъ даже солиднаго аптекаря, который цитируетъ стихи въ своей полемикѣ объ очищенной ворвани, — я самъ это видѣлъ въ печати,—да, самъ *Henry George* начинаетъ свою большую книгу о политической экономіи нѣсколькими строчками стиховъ! Дальше идти некуда. Въ музеѣ Миннеаполиса хватитъ стиховъ на вѣкъ всего города и даже на самое вѣчность, а онъ безпрерывно совершаетъ новыя и новыя пріобрѣтенія. Что же туда покупается? Что есть въ музеѣ изъ современной литературы? Всѣ книги, созданныя поэтами и поэтессами Америки, всѣ романы Скотта и Диккенса, Дюма-отца, Эженъ Сю, Жюля Верна, Марріэтта и Сильвіо Пеллико. Нѣтъ ни одной книги Золя, ни одной—Бурже, ни одной—братьевъ

Гонкуръ, ни одного русскаго автора, ни одного изъ скандинавскихъ *), и ужъ конечно ни одного изъ современныхъ руководителей литературы. Здѣсь 100 тяжелыхъ томовъ старыхъ отчетовъ о засѣданіяхъ конгресса, 83 тома альманаховъ давнопрошедшихъ лѣтъ, 670 томовъ, вдвое толще Библіи въ переводѣ Лютера, съ докладами о патентахъ! Да, случись вамъ придти въ музей Миннеаполиса и пожелать прочесть что-нибудь, то спросите доклады о патентахъ и вамъ выдадутъ ихъ! Но попробуйте спросить у библіотекаря Гартмана, Канта, Шопенгауера, и библіотекарь приметъ выраженіе сосредоточеннаго вниманія и заявитъ, что изъ философовъ у нихъ имѣется Эмерсонъ.

Какъ ни много недостатковъ у американской журналистики, она все же представляетъ собою поэзію жизни въ сравненіи съ художественной литературой страны, это рупоръ всего житейскаго гама Америки; ежедневно трубитъ она въ ухо читателя, сообщая исторію жизни людей, которые трудятся, и людей, которые страдаютъ, людей, совершающихъ преступленія, и людей умирающихъ; все это служитъ отраженіемъ духа этого міра. У поэтовъ нечего искать пестраго многообразія жизни, они поютъ о лунѣ и о убійствѣ жидовъ контрабандистовъ. Половина американской художественной литературы написана въ стихахъ. Почему бы нѣтъ? Можно принять съ благодарностью каждый плодъ творчества въ любой формѣ, будь онъ только талантливъ. Но тамъ—лишь кое-гдѣ нѣкоторое содержаніе въ стихахъ, кое-гдѣ нѣкоторое искусство въ формѣ стиховъ, слабое дуновеніе жизни человѣческой въ одномъ случаѣ на тысячу! Въ Америкѣ не играютъ на лирѣ—это, можетъ быть, было когда-то—на ней брянчатъ, и тѣ, кто играетъ на ней, играютъ безпутно, а потому и лиры у нихъ разстроены. — Но вѣдь у насъ есть переводы славныхъ вещей изъ Америки, славныхъ стиховъ,

*) За исключеніемъ нѣсколькихъ сказокъ *Андерсена* и двухъ первыхъ книгъ *Ли*.

славной индѣйской поэзіи? Я былъ у индѣйцевъ, я два раза подолгу жилъ въ ихъ „вигвамахъ“, я нашелъ въ ихъ мужчинахъ не больше геройства, а въ ихъ женщинахъ не больше красоты, чѣмъ можно вмѣстить въ любой газетной статейкѣ,—да и то едва-ли. Великая индѣйская поэзія—лишь наивная ложь, это выдумка, басня. Къ тому же, ужъ если говорить о переводахъ, то переводимъ мы зачастую, больше смотря по *странѣ*, нежели по литературнымъ богатствамъ; я хочу этимъ сказать, что хорошій писатель большой страны гораздо больше можетъ разсчитывать на переводъ, нежели столь же интересный писатель страны маленькой. Во всѣхъ литературахъ есть переводы произведеній такихъ представителей странъ. Такъ, переводимъ мы *Б. Переса Гальдоса*, потому что онъ испанецъ, а *Хоа-Тзинь-Ки*—потому что онъ китаецъ *). Впрочемъ, часто случается, что мы не переведемъ Зола, хотя онъ французъ.

Но вѣдь у Америки есть „Хижина дяди Тома“. Да дѣйствительно, эта книга надѣлала шуму по всему свѣту. Какъ литературное произведеніе, какъ романъ, она едва ли заслуживаетъ тѣхъ дорогихъ переплетовъ, которые дѣлаются въ Америкѣ; но въ качествѣ политическаго сочиненія, въ качествѣ проповѣди, вклада въ злобу дня, она возбудила вполнѣ заслуженное вниманіе. И все же эта книга, не смотря на отсутствіе въ ней литературныхъ достоинствъ, являющаяся изслѣдованіемъ въ области житейской правды, должна была бы послужить американскимъ поэтамъ предостереженіемъ противъ ихъ луны, ихъ неправдоподобныхъ описаній жизни и человѣческаго существованія. Но ничуть не бывало. Наоборотъ, замѣчается сильнѣйшая склонность превратить самоё „Хижину дяди Тома“ въ какую-то лунную легенду. Авторъ книги, писательница, высказала много лѣтъ тому назадъ—слѣдовательно, до того, какъ захворала,—что заслуга

*) Мы переводимъ еще *Чшенгъ-Ки-Тонга*, потому что онъ бытописатель, а *не* поэтъ въ отличіе отъ Хоа-Тзинь-Ки.

созданія „Хижины дяди Тома“ принадлежитъ не ей: это добрый ангелъ хранитель негровъ создалъ книгу; она же только написала ее. Итакъ, ангелы непрочь принять участіе въ писательскомъ дѣлѣ! — Слава „Хижинѣ дяди Тома“! Но у меня немножко вянутъ уши отъ этого изобилія Гастонской морали и миссурійской безчеловѣчности. А если народъ ссылается на эту книгу, являющуюся типичнѣйшимъ плодомъ его творчества, то это звучитъ фальшиво въ націи, слишкомъ мало живущей чувствомъ и душою.

Американская литература, само собой разумѣется, чрезмѣрно стыдлива. Застегнута на всѣ пуговицы, подобно норвежской *Marie*. Она находится въ тискахъ у бостонскаго духовенства. Бостонъ задаетъ тонъ американской духовной жизни, и литература звучитъ согласно камертону этого города. Даже у величайшихъ американскихъ писателей не найдешь ни одного настоящаго браннаго слова. Книга съ единственнымъ ругательствомъ тотчасъ же препровождена была бы въ табачную лавочку. Въ каждомъ романѣ янки есть на лицо темный негодяй; когда этотъ негодяй хочетъ послать кого-нибудь къ чорту онъ выражаетъ слово *чортъ* посредствомъ ч и черточки, а слово *проклятый* посредствомъ буквы d (damned) и черточки. Я совершенно согласенъ, что ругательства не должны составлять центра тяжести въ порядочномъ романѣ, но мнѣ кажется немножко неестественнымъ, когда темный мерзавецъ все ходитъ да объясняется посредствомъ черточекъ. — Американская литература совершенно не занята вопросами пола. Далеко нѣтъ. Она гораздо больше занята страшнымъ судомъ и спектральнымъ анализомъ, нежели поломъ. Случится же, что ветхій Адамъ обнаружитъ себя въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ, то не иначе, какъ посредствомъ жидкой, сладкой чувственности— во взорѣ, въ поцѣлуѣ, никогда не въ мощи своей, никогда не въ страсти, вызванной силою молодости; бостонскіе тиски становятся ему поперекъ горла. Между тѣмъ какъ газеты

въ Америкѣ ежедневно переполнены преступными дѣлами и сценами изнасилованія, художественной литературѣ почти запрещено изображать даже голыя ножки стула.

Само собою разумѣется, что среди американскихъ писателей можно найти нѣсколько болѣе или менѣе талантливыхъ исключеній изъ общаго правила бездарности. Я исключилъ *Марка Твэна*—я это повторяю. Онъ не поэтъ, отнюдь нѣтъ; но онъ наиболѣе трезвая голова всей американской литературы, остроумный шутникъ, заставляющій людей смѣяться, тогда какъ самъ онъ сидитъ и рыдаетъ; онъ пессимистъ, юмористъ и сатирикъ. Надо пожить нѣкоторое время въ самомъ круговоротѣ американской жизни, чтобы вѣрно понять всѣ его шутки; онѣ непередаваемы. Я не рѣшился бы исключить всѣ произведенія котораго-либо изъ другихъ писателей, а исключилъ бы нѣкоторыя главы у одного изъ нихъ, нѣкоторыя стихотворенія у другого. Едва лишь о двухъ-трехъ литераторахъ, чьи имена стали довольно извѣстны у насъ, стоитъ вкратцѣ поговорить мимоходомъ.

Въ 1855 г. появилась въ Бостонѣ книга, вызвавшая письмо Эмерсона, изданіе (*Reprint*) въ Лондонѣ и статью Рудольфа Шмидта. Книга носила названіе *Leaves of grass* (Побѣги травы), а имя автора было *Walt Whitman*. Когда книга эта появилась Уитману, было 36 лѣтъ.

Самъ авторъ называлъ свою работу „Пѣснями“, Рудольфъ Шмидтъ тоже называлъ ее пѣснями, Эмерсонъ же, съ его въ высшей степени слабой способностью къ систематизаціи, объявилъ, что онъ не въ состояніи найти какого-либо опредѣленія для этого произведенія. На самомъ дѣлѣ это вовсе не пѣсни, это не болѣе пѣсня, чѣмъ таблица умноженія; сочиненіе это написано чистѣйшей прозой, безъ всякаго размѣра и рифмы; единственно, что есть въ немъ

стихотворнаго, это то, что въ одной строкѣ два-три слова, въ слѣдующей восемь или двадцать, пять или тридцать, буквально до сорока трехъ словъ.

Авторъ называлъ себя самого „міровымъ явленіемъ“, Рудольфъ Шмидтъ тоже называетъ его „міровымъ явленіемъ“; я же—съ трудомъ связывая что-либо съ понятіемъ столь изысканно обширнымъ, съ понятіемъ, которое одинаково могло бы быть космосомъ, пространствомъ или чѣмъ угодно, — я попросту, безъ затѣй назову Уольта Уитмана *дикаремъ*.

Онъ — голосъ природы въ первобытной странѣ.

Есть нѣчто индѣйское и въ языкѣ его, и въ манерѣ воспринимать и чувствовать, за то и воспѣваетъ онъ преимущественно море, землю, воздухъ, деревья, траву, горы, потоки, однимъ словомъ, элементы природы. Онъ всегда называетъ Long Island, мѣсто своего рожденія, индѣйскимъ названіемъ *Пауманокъ*; маисъ называетъ онъ его первобытнымъ индѣйскимъ названіемъ *Maize*; вмѣсто англійскаго *corn*; постоянно перекрещиваетъ онъ американскія мѣста и цѣлые штаты индѣйскими именами; въ его произведеніяхъ есть цѣлыя стихотворенія съ первобытными американскими названіями. Онъ до такой степени чувствуетъ себя захваченнымъ примитивной музыкой названій этихъ мѣстъ, что часто нанизываетъ подрядъ цѣлые десятки штатовъ, не говоря ни слова объ этихъ штатахъ. Это великолѣпная игра дикими словами. Одно изъ его произведеній таково:

„Изъ Пауманока поднялся я, я полетѣлъ, какъ птица
Кругомъ, кругомъ, паря и воспѣвая смыслъ всего,
На сѣверъ, гдѣ я отдался сѣвернымъ пѣснямъ,
Въ Канаду, гдѣ я воспѣлъ Канаду, потомъ въ Мичиганъ,
Въ Висконсинъ, Іову, Миннезоту, чтобы пропѣть ихъ пѣсни,
Потомъ въ Огіо и Индіану, чтобы пропѣть и ихъ пѣсни,
Къ Миссури и Канзасу и Арканзасу, чтобы и ихъ пѣсни пропѣть,
Къ Теннеси и Кентуки, къ Каролинѣ и Георгіи, для ихъ пѣсенъ,

Къ Техасу и дальше къ Колифорніи, ко всѣмъ мѣстамъ,
Чтобы впервые воспѣть суть всякой области, міръ Запада одинъ и нераздѣльно (?),
И послѣ пѣснь сложить о всякомъ отдѣльномъ уголкѣ этихъ областей“.

Эта первобытность, эта примитивность его натуры, это индѣйски-дикое чувство сродства съ элементами природы, окружающими его, проявляется въ его книгѣ всюду и часто вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ. Шумитъ ли вѣтеръ, звѣрь ли кричитъ, во всемъ этомъ слышитъ онъ цѣлые ряды индѣйскихъ названій. „Звукъ дождя и вѣтра“, говоритъ онъ, „крики птицъ и звѣрей въ лѣсу звучатъ намъ, какъ названія,—Оканэ, Куза, Оттава, Мононгахела, Саукъ, Начшезъ, Шаттахутши, Какуэта, Оронако, Вобахъ, Міами, Сагинавъ, Хипева, Ошкошъ, Валла-Валла... дающіе названія полямъ и лугамъ“.—Требуется, по крайней мѣрѣ, вдвое больше вдохновенія для чтенія подобныхъ стиховъ, нежели для ихъ сочиненія.

Стиль его не англійскій, его стиль не относится ни къ одному изъ культурныхъ языковъ. Его стиль—тяжелый индѣйскій образный стиль безъ образовъ, сложившійся подъ вліяніемъ стараго завѣта, превышающій всякое пониманіе. Языкъ его туго и невнятно катится по страницамъ книги, топорщится цѣлыми колоннами словъ, полками словъ, изъ которыхъ одно дѣлаетъ все стихотвореніе непонятнѣе, чѣмъ другое. У него есть стихотворенія, восхитительныя по своей неудобочитаемости. Въ одномъ изъ нихъ, необычайно глубокомысленной поэмѣ въ трехъ строчкахъ, изъ коихъ половина заключена въ скобки, „поетъ“ онъ слѣдующимъ образомъ:

„Still though the one I sing,
(One, yet of contradiction made), I. dedicate to Nationality,
I leave in him revolt, (O latent right of insurrection!
O quenchless indispensable fire!)“

Это можетъ служить поздравленіемъ со днемъ ангела точно такъ же, какъ и пасхальнымъ гимномъ. Но это можетъ точно также быть стихотвореніемъ, какъ и задачей на тройное правило. Только меньше всего вѣрится, чтобы авторъ со своей примитивно-рунической поэзіей хотѣлъ пропѣть о своемъ патріотизмѣ, оставаясь тѣмъ не менѣе мятежникомъ.

О-Конноръ говоритъ, что необходимо видѣть Уитмана, чтобы понять его книгу; Букке, Конвай и Рюисъ тоже говорятъ, что необходимо его видѣть, чтобы понять его книгу. И всетаки мнѣ кажется, впечатлѣніе мечтательной дикости, производимое чтеніемъ его *Leaves of grass*, скорѣе укрѣпляется, нежели ослабляется, когда видишь этого писателя собственными глазами. Это, пожалуй, послѣдній одаренный экземпляръ современнаго человѣка, родившагося дикаремъ.

Тринадцать-пятнадцать лѣтъ тому назадъ публика въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, въ Новомъ Орлеанѣ, а позднѣе въ Вашингтонѣ могла встрѣтить на улицахъ человѣка рѣдкостно сильнаго тѣлосложенія, высокаго, веселаго человѣка, нѣсколько грубовато сколоченнаго, одѣтаго всегда небрежно, напоминающаго механика, матроса или другого рода порядочнаго рабочаго. Онъ почти всегда ходилъ безъ сюртука, часто безъ шляпы; въ жаркую погоду онъ придерживался какъ разъ солнечной стороны улицы, предоставляя солнцу припекать его большую голову. Лицо его было крупно, но красиво; выраженіе его было одновременно и гордо и симпатично; голубые глаза были кротки. Онъ поминутно обращался къ прохожимъ, не взирая, были ли они знакомы ему или нѣтъ; случалось, что онъ похлопывалъ постороннихъ ему людей по плечу. Онъ всегда смѣялся. По большей части на немъ было сѣрое платье, всегда чистое, но въ которомъ частенько не хватало пуговицъ; рубашка на немъ была цвѣтная, а на шеѣ — бумажный воротничокъ.

Вотъ каковъ былъ тогда Уоттъ Уитманъ.

Теперь онъ больной старикъ 70 лѣтъ. Я видѣлъ его портретъ, сдѣланный нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сидитъ онъ, какъ и всегда, въ рубахѣ, но ни съ того ни съ сего на головѣ его на этотъ разъ шляпа. Лицо его велико, но прекрасно; густые волосы и борода, которыхъ онъ никогда не стрижетъ, падаютъ ему на плечи и на грудь. На вытянутомъ указательномъ пальцѣ у него тонкой работы бабочка съ распростертыми крылышками; ее то онъ и разсматриваетъ, сидя.

Эти портреты Уотта Уитмана вѣдь не могутъ дать намъ ключа къ его книгамъ; эти книги, въ качествѣ литературнаго произведенія, остаются по прежнему диссонансомъ. Въ немъ хотѣли видѣть перваго американскаго народнаго поэта. Это можно принять за насмѣшку. У него не хватаетъ простоты, цѣльности народнаго поэта. Примитивность его воспріятій лежитъ внѣ народнаго пониманія. И языкъ его не имѣетъ спокойной мощи народной поэзіи, а лишь шумную силу; отъ времени до времени онъ достигаетъ высоты оркестроваго взрыва, ликующаго побѣднаго ура, которое напоминаетъ угнетенному читателю военный индѣйскій танецъ. И всюду у него, при ближайшемъ разсмотрѣніи, — дикая пляска словъ. Авторъ дѣлаетъ величайшія усилія, чтобы чего-то достичь, что-то выразить своими стихами; но онъ не въ состояніи сказать это только словами. У него есть стихи, состоящіе почти исключительно изъ названій, стихи, отдѣльныя строки которыхъ могутъ служить заглавіями къ стихамъ:

„Американцы! завоеватели! (и т. д.).

Вотъ вамъ программа пѣсенъ:

Пѣсни о преріяхъ,
Пѣсни о Миссисипи, текущей на просторѣ къ далекому Мексиканскому заливу,
Пѣсни объ Огіо, Индіанѣ, Иллинойсѣ, Іовѣ, Висконсинѣ и Миннезотѣ,
Пѣсни, возникающія изъ центра Канзаса и плывущія оттуда на такое же разстояніе, (?)
Спѣша (въ томъ же мигъ), какъ непрерывный огненный пульсъ, оживляющій все на пути".

Конецъ! Въ слѣдующемъ стихотвореніи онъ уже говоритъ о совершенно иномъ, а именно: въ слѣдующемъ разсказываетъ онъ о томъ, какъ онъ „въ былое время“ „учился, сидя у ногъ старыхъ учителей“, но что теперь старые учителя „должны бы учиться, сидя у его ногъ“. Когда знаешь, что среди старыхъ его учителей прежде всего стоятъ Христосъ, Сократъ и Платонъ, то вполнѣ понятно, если цивилизованный читатель этого стихотворенія чувствуетъ, что мысли его чуть-чуть путаются.

Очевидно, эти-то длинные ряды строкъ съ нанизанными на нихъ названіями и именами и плѣнили Эмерсона и англичанъ въ поэзіи Уитмана. Эти реестры, эти каталогообразныя колонны несомнѣнно являются также и самымъ необыкновеннымъ, самымъ оригинальнымъ въ его стихотвореніяхъ. Это литературные феномены. Они безподобны. Вся книга его полнымъ-полна такими списками. Въ одной его пѣснѣ, раздѣленной на 12 частей, *Song of the broad-axe,* нѣтъ ни единаго стиха, въ которомъ не было бы своего реестра; одна изъ частей этой пѣсни такова:

„Привѣтъ всѣмъ странамъ на землѣ, каждой въ своемъ родѣ,
Привѣтъ каждой странѣ осины и дуба,
Привѣтъ каждой странѣ лимоновъ и фигъ,
Привѣтъ каждой странѣ золота,
Привѣтъ каждой странѣ пшеницы и маиса, привѣтъ и тѣмъ, гдѣ виноградъ,
Привѣтъ каждой странѣ сахара и риса,
Привѣтъ странамъ хлопчатой бумаги, привѣтъ и странамъ бѣлаго
картофеля и сладкаго картофеля,
Привѣтъ скаламъ, равнинамъ, пескамъ, лѣсамъ, преріямъ,
Привѣтъ богатымъ заливнымъ лугамъ, равнинамъ, котловикамъ,
Привѣтъ безграничнымъ пастбищамъ, привѣтъ землѣ фруктовыхъ садовъ,
льна, меда, конопли;
Привѣтъ такой же горячій всѣмъ прочимъ, болѣе неподатливымъ землямъ,
Странамъ, богатымъ, какъ золото, пшеничнымъ и фруктовымъ странамъ,
Странамъ рудниковъ, странамъ мужественныхъ (!) и грубыхъ металловъ,
Странамъ угля, мѣди, жести, олова, цинка,
Странамъ желѣза — странамъ, гдѣ дѣлаются топоры.

Девятая часть этого самаго каталогообразнаго стихотворенія начинается однѣми изъ свойственныхъ автору необъяснимыхъ скобокъ и гласитъ:

„(Америка! Я не хвалюсь любовью моей къ тебѣ,
Что есть у меня, то и есть).
Взмахи топоровъ!
Густой лѣсъ оглашается плавными рѣчами,
Онѣ (?) колеблются, онѣ (?) тянутся и пріобрѣтаютъ образ(ы),
Хижины, палатки, досчатые сходни, сажень,
Цѣпы, плуги, топорища, коромысла, лопаты,
Дранка, засовы, бревна, доски, наличники, планки, панели, фронтоны,
Цитадели, крыши, залы, академіи, органы, выставочныя зданія, библіотеки,
Карнизы, балюстрады, пилястры, балконы, окна, башни, галлереи,
Кирки, грабли, косы, карандаши, телѣги, барки, рубанки, молотки,
клинья, рукоятки,
Стулья, кадки, ушаты, столы, мостки, флюгера, срубы, полы,
Инструментальные ящики, сундуки, струнные инструменты, лодки,
Рамы — да и мало ли что еще?
Городскіе капитоліи, ратуши,
Длинные стройные ряды улицъ, больницы для дѣтей, или для бѣдныхъ,
или больныхъ,
Манагатскіе пароходы и клипперы, мѣряющіе всѣ моря!

Можетъ быть, говорить это—ересь, можетъ быть даже прямо святотатство, но я признаюсь, что въ темныя ночи, когда меня одолѣвали наиболѣе тяжкія поэтическія искушенія, и я не могъ уснуть, случалось, что я со всей силы стискивалъ зубы, дабы не сказать прямо, безъ обиняковъ:

Вотъ оно какъ!—значитъ и я могу писать стихи!

Чего хочетъ Уоттъ Уитманъ? желаетъ ли онъ упразднить торговлю людьми въ Африкѣ или воспретить употребленіе тросточекъ? Хочетъ ли онъ построить новый домъ для школы въ Уомингѣ или ввести въ употребленіе охотничьи куртки? Неизвѣстно! Въ искусствѣ много говорить, рѣшительно ничего не сказавши, я не встрѣчалъ ему равнаго. Слова его горячи, они пылаютъ; въ стихахъ его

есть страсть, сила, вдохновеніе. Слушаешь эту безпорядочную музыку словъ и чувствуешь, какъ грудь его трепещетъ. Но никакъ не поймешь, *чѣмъ* онъ вдохновленъ. По всей книгѣ его грохочатъ раскаты грома, но молніи, но искры въ ней не вспыхиваетъ ни разу. Читаешь страницу за страницей и никакъ не найдешь въ ней какого-нибудь смысла. Тебя не увлекаютъ и не опьяняютъ эти таблицы словъ, онѣ обезсиливаютъ тебя, пригнетаютъ къ землѣ въ какой-то тупой безнадежности; ихъ вѣчное, утомительное однообразіе въ концѣ концовъ овладѣваетъ умомъ читателя. Кончивъ послѣднее стихотвореніе, чувствуешь, что ты не въ силахъ сосчитать до четырехъ. Дѣйствительно, признаешь въ немъ автора, который ниспровергаетъ всѣ обыденныя человѣческія понятія. Идетъ онъ просто по дорогѣ и (*Song on the open road*) уже чувствуетъ себя въ восторгѣ вдохновенія передъ этой „дорогой, которая ему дороже стиха", и вотъ, блуждая по этой столь милой ему дорогѣ, находитъ онъ одну „божественную, скрывающуюся въ ней вещь" за другою. Онъ словно пустынникъ, очнувшійся въ одинъ прекрасный день въ оазисѣ и въ изумленіи остановившійся при видѣ травы. „Клянусь вамъ", восклицаетъ онъ по поводу много разъ перечисленныхъ и упомянутыхъ обыкновеннѣйшихъ вещей, „есть вещи божественныя, слишкомъ прекрасныя, чтобы можно было описать ихъ словами". Онъ ихъ и не описываетъ вовсе, онъ не трудится обогатить этимъ ума своего читателя.

Итакъ, даже, если имѣть живое изображеніе самого автора передъ глазами, *Leaves of grass* остаются столь же „невыразимо" темными для бѣднаго читателя, какъ и безъ этого изображенія. Да, пожалуй, и весьма сомнительно, чтобы стихи можно было лучше понять, если знать ихъ автора хоть вдоль и поперекъ. Въ лучшемъ случаѣ самъ онъ лично могъ бы объяснить, что разумѣлъ онъ подъ всевозможными своими таблицами; но вѣдь сами онѣ отъ этого не измѣнятся, онѣ

и тогда будутъ заключаться въ стихахъ, долженствующихъ быть пѣснями. То, что Уитманъ имѣлъ въ виду въ своей книгѣ, по его собственнымъ словамъ и по словамъ его біографа, есть *демократія*. Онъ „пѣвецъ демократіи". Если онъ при этомъ, какъ утверждаетъ Рюисъ, и „универсальный пѣвецъ", то приходится допустить, что этотъ пѣвецъ крайне многосторонній человѣкъ; не надо забывать, что ему пришлось въ свое время имѣть дѣло съ очень трудными таблицеобразными задачами.

Почему же именно онъ „пѣвецъ демократіи"? Въ стихотвореніи „Я слышу, какъ поетъ Америка", его программномъ стихотвореніи, онъ воспѣваетъ демократію слѣдующимъ способомъ:

„Я слышу, какъ поетъ Америка, слышу безчисленныя радостныя пѣсни,
Пѣсни механиковъ, причемъ каждый воспѣваетъ свое, какъ оно и должно быть, пѣвуче и сильно.
Столяръ воспѣваетъ свое, обтесывая свою доску или бревно,
Каменщикъ воспѣваетъ свое, готовясь къ работѣ или кончая работу,
Перевозчикъ воспѣваетъ свое, въ лодкѣ,
Юнга поетъ на палубѣ парохода,
Сапожникъ поетъ, сидя на своей скамьѣ,
Шапочникъ поетъ, стоя,
Пѣсни дровосѣка, пахаря утромъ на дорогѣ или по окончаніи полуденнаго отдыха или на закатѣ,
Святая пѣсня матери, или юной супруги на работѣ, или дѣвушки, которая шьетъ или стираетъ,
Каждый поетъ о томъ, что его или ея касается и ни о чемъ другомъ,
Днемъ о томъ, что касается дня; ночью толпы молодыхъ парней здоровыхъ, дружныхъ,
Поютъ, съ открытыми ртами, свою сильную, мелодическую пѣсню.

Въ этой поэзіи, размѣръ которой все вынесетъ и вытерпитъ, стихъ которой не имѣетъ предѣловъ, онъ забываетъ о пѣсняхъ какъ сѣдельниковъ или вагоновожатыхъ, такъ и генералъ суперъ-интендантовъ! Если бы какой-нибудь изъ нашихъ пѣвцовъ демократіи создалъ подобную поэму,—

будь то „о сапожникѣ, поющемъ, сидя на своей скамьѣ“, или о „шляпочникѣ, поющемъ стоя“—и принесъ бы ее въ газету или даже въ редакцію какого-нибудь датскаго альманаха,—я очень склоненъ предполагать, что въ редакціи попросили бы разрѣшенія пощупать пульсъ пѣвца, а можетъ быть предложили бы ему выпить стаканъ воды; если бы онъ сталъ отрицать свое безуміе, то ужъ во всякомъ случаѣ пришли бы къ заключенію, что все это съ его стороны грубая шутка.

Уоттъ Уитманъ — лирически настроенный американецъ; какъ таковой, онъ представляетъ собою явленіе рѣдкое. Онъ мало, даже, пожалуй, ничего не читалъ и почти совсѣмъ ничего не пережилъ. Въ жизни его очень мало событій. Въ 1819 году онъ родился; въ двадцать лѣтъ былъ обманутъ своей возлюбленной; во время войны за освобожденіе былъ братомъ милосердія; въ 1868 г. лишился своего мѣста въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ, а позднѣе принятъ обратно; въ 1873 г. умерла его мать, причемъ, по его собственному признанію, умерло что-то въ немъ самомъ. Вотъ въ общихъ чертахъ его жизнь. Изъ работъ его, кромѣ *Leaves of grass*, написано и издано было немногое, между прочимъ *Specimen days and collect* и *Democratic vistas*, которые ни въ какомъ отношеніи не способствовали укрѣпленію его положенія въ исторіи литературы. Упоминаютъ Уитмана обыкновенно лишь въ связи съ „Побѣгами травы“; его очерковъ не читаютъ, да они отчасти и неудобочитаемы.

Родись онъ въ культурной странѣ и получи образованіе, онъ, можетъ быть, сталъ бы маленькимъ Вагнеромъ; нервы его чувствительны, а душа музыкальна; но, родившись въ Америкѣ, этомъ обособленномъ мірѣ, гдѣ все оретъ ура, и единственнымъ признаннымъ національнымъ талантомъ которой является торговый, онъ неизбѣжно долженъ былъ стать переходнымъ звеномъ, чѣмъ-то среднимъ между первобытнымъ человѣкомъ и представителемъ новѣйшихъ временъ.

„Въ нашей странѣ“, говоритъ американскій писатель *Натаніэль Готторнъ* „нѣтъ покоя, нѣтъ тишины и тайны, нѣтъ идеаловъ, нѣтъ старины; а поэзія и плющъ, ползучія растенія и вьющіяся розы ищутъ развалинъ, по которымъ они могли бы виться“. Врожденной примитивностью, присущей натурѣ Уитмана, объясняется и его любовь къ болѣе или менѣе первобытному чтенію; читать библію было для него поэтому высшимъ поэтическимъ наслажденіемъ; этимъ онъ несомнѣнно скорѣе развилъ, чѣмъ подавилъ въ себѣ наклонности дикаря. Всюду въ стихахъ его сказывается библейскій языкъ и образъ мысли; общность его стиха съ библейскимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ поразительна, что надо прямо удивляться той искренности, съ которой онъ могъ пріобщиться къ столь отжившей формѣ поэзіи. Въ стихотвореніи *Song of the answerer* онъ, напр., говоритъ:

„— Юноша пришелъ ко мнѣ и принесъ съ собой привѣтъ отъ своего брата;
Какъ можетъ юноша вѣдать что-либо о братѣ (!)? Скажите ему, чтобы онъ подалъ мнѣ знакъ.
И я стою передъ юношей лицомъ къ лицу,
и держу его правую руку въ моей лѣвой рукѣ,
и его лѣвую руку въ моей правой рукѣ,
И я отвѣчаю передъ его братомъ и передъ людьми,
и я отвѣчаю передъ нимъ, отвѣчающимъ передъ всѣми,
и я посылаю эти знаки...“

Развѣ это не отрывокъ изъ авторовъ ветхаго завѣта? Ежедневное общеніе Уитмана съ библейской поэзіей, вѣроятно, и укрѣпило въ немъ его литературную дерзость, такъ что онъ говоритъ смѣлыя вещи и говоритъ о нихъ смѣло. Онъ и современенъ постольку, поскольку перо его грубо выражаетъ все, что чувствуетъ первобытное сердце и что проходитъ черезъ необработанный умъ—пылкую чувственность и смутныя мысли. Но отважился онъ на этотъ реализмъ не

въ силу извѣстнаго чувства артистическаго такта и мѣткости: это скорѣе плодъ совершенно нетронутой наивности дѣтской натуры. Эротическая часть его *Leaves of grass*, за которую его устранили отъ должности и изъ-за которой высоконравственный Бостонъ взывалъ къ небу, содержитъ на самомъ дѣлѣ не больше эротическаго, чѣмъ любая литература; другое дѣло, если это сказано нѣсколько въ болѣе грубой формѣ, если дерзость тутъ менѣе прикрыта, чѣмъ это, можетъ быть, принято. При немножко меньшей наивности и меньшемъ вліяніи библіи, можно было сказать вдвое больше того, что тамъ сказано, и создать при этомъ много бо́льшую литературную цѣнность, придавъ только чуточку гибкости языку, тутъ переставивъ словечко, тамъ сгладивъ другое, устранивъ какую-нибудь пошлость или замѣнивъ ее многоточіемъ. Языкъ уитманской поэзіи далеко не самый дерзновенный, не самый страстный въ міровой литературѣ, онъ только самый безвкусный и наивный изъ всѣхъ.

Наивность Уотта Уитмана такъ непомѣрно велика, что она даже можетъ подкупить читателя и покорить его. Именно эта наивность и создала ему нѣсколькихъ приверженцевъ даже среди *men of letters*. Его стихотворныя таблицы, эти невозможныя перечисленія лицъ, городовъ, зданій, орудій, родовъ одежды, разумѣется, являются самой наивной поэзіей, когда-либо появлявшейся въ литературѣ, и если бы она не истекала изъ столь наивнаго сердца, ея и вовсе не стали бы читать. Потому что въ ней не видно ни искры поэтическаго таланта. Воспѣвая что-нибудь, Уитманъ, тотчасъ же заявляетъ въ первой строчкѣ, что онъ воспѣваетъ такой-то предметъ,—чтобы въ слѣдующей строкѣ заявить, что воспѣваетъ другой, въ третьей—третій,—не воспѣвая ихъ однако же ничѣмъ инымъ, какъ только перечисливъ ихъ. О вещахъ не знаетъ онъ ничего иного, кромѣ ихъ названій; но онъ знаетъ много названій,—отсюда и проистекаетъ вдохновенное ихъ перечисленіе. Умъ его слишкомъ безпокоенъ, а

мысль слишкомъ безпорядочна, чтобы схватить отдѣльную вещь, которую онъ видитъ, и воспѣть ее; онъ описываетъ жизнь въ общемъ, не тонкое многообразіе отдѣльныхъ вещей, а лишь шумливое множество всего вмѣстѣ; онъ всегда видитъ массу. Гдѣ ни откроешь его книгу, возьми любую страницу,—всюду говоритъ онъ, что желаетъ воспѣть ту или иную вещь, которую въ концѣ концовъ все-таки только называетъ. Интересно въ этомъ отношеніи маленькое его стихотвореніе въ три строчки, озаглавленное *Farm picture* (описаніе крестьянской усадьбы). Здѣсь по самой сути предмета ему необходимо разсказывать, описывать, и онъ дѣлаетъ это слѣдующимъ образомъ:

„Въ широкихъ воротахъ мирнаго сарая въ деревнѣ
виденъ освѣщенный солнцемъ лужокъ со скотомъ и лошадьми
и туманъ, и ландшафтъ за ними и далекій, ускользающій горизонтъ".

Конецъ! Вотъ его описаніе крестьянской усадьбы. Сарай, деревня, лужокъ, скотъ, лошади, туманъ, ландшафтъ, горизонтъ. Что ворота широки, а сарай имѣетъ особенно-мирный видъ, что лужокъ освѣщенъ солнцемъ и въ то же время всталъ туманъ, а за туманомъ все-таки виднѣется пейзажъ, причемъ горизонтъ вдали ускользаетъ чортъ знаетъ куда, все это, конечно, „описаніе", которое много лѣтъ останется въ памяти читателя!—Изумительная наивность Уитмана соблазнила его издать свои сочиненія въ печати; его наивность даже придала ему увѣренность, что въ нихъ онъ являетъ міру новый, желанный родъ поэзіи; во многихъ своихъ стихотвореніяхъ возвращается онъ къ этой мысли. „Не закрывай своихъ дверей передо мною, гордая библіотека", восклицаетъ онъ въ одномъ изъ нихъ; „потому что я приношу тебѣ то, чего тебѣ не хватаетъ, несмотря на переполненіе твоихъ полокъ". Въ душѣ его нѣтъ сомнѣній относительно его избранной писательской миссіи.

Но какъ бы ни была мила наивность этого славнаго человѣка, она до того первобытна и дика, что никогда не производитъ впечатлѣнія притворства. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она наиболѣе неумѣстна и наименѣе мотивирована, у васъ не является сознанія, что передъ вами лишь рисующійся притворщикъ. Онъ *славный*, этотъ человѣкъ; чувствуешь, что онъ словно обнимаетъ тебя, когда воздвигаетъ свои столбцы перечисленій. Въ стихотвореніи *By blue Ontario shore* онъ старается „спѣть пѣсню, исходящую изъ сердца Америки", которая одновременно должна быть „радостной пѣсней побѣды" и въ то же время пѣсней „родовыхъ мукъ демократіи". Повозившись на 14 страницахъ съ этой нѣсколько двойственной задачей, упомянувъ въ девяносто девятый разъ „Миссури, Небраску и Канзасъ", потомъ „Чикаго, Канаду и Арканзасъ" онъ вдругъ останавливается и умолкаетъ. Онъ, наконецъ, пришелъ къ извѣстному заключенію, онъ мокаетъ перо и пишетъ слѣдующее:

„Клянусь, я начинаю понимать значеніе этихъ вещей,
Это не земля, это не Америка такъ велика,
Это я такъ великъ или могу быть такъ великъ..."

Въ концѣ концовъ онъ говоритъ попросту, что Америка это—онъ:

„Америка, изолированная и, однако же, всеохватывающая, что она такое, если не я самъ?
Эти штаты, что они такое, если не я самъ"?

И даже въ этомъ не производитъ онъ впечатлѣнія какого-то заносчиваго самодовольства; это только наивность, крайняя наивность дикаря.

Среди стихотвореній, собранныхъ Уитманомъ подъ общимъ заглавіемъ *Caeamus*, находятся лучшія его произведенія. Тамъ, гдѣ онъ поетъ о *любви къ людямъ*, онъ не на шутку колотитъ себя въ добрую, горячую грудь, что порою вызываетъ отголосокъ въ другихъ сердцахъ. „Товарищеской любовью" жаждетъ онъ обновить испорченную американскую демократію, ею хочетъ онъ „сдѣлать континентъ нераздѣльнымъ", „построить города, руки которыхъ будутъ обнимать другъ друга", „произвести самый лучшій людской родъ, надъ которымъ когда-либо сіяло солнышко", „насадить товарищество столь же тѣсное, какъ деревья вдоль рѣкъ", „создать почти божественныя, влекущія другъ друга страны". Въ этихъ стихотвореніяхъ попадаются простыя, благоуханныя слова; зато они и выступаютъ рѣдкими исключеніями въ его книгѣ. Его примитивно необузданная душевная жизнь выражена здѣсь сравнительно цивилизованнымъ англійскимъ языкомъ, а потому доступна и его сородичамъ. Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ *Sometimes with one I love* онъ даже настолько, по странной случайности, ясенъ, что вы, въ удивленіи, готовы приписать эти стихи его матери или какому-либо другому разумному смертному:

„Передъ тѣмъ, кого я люблю, порою чувствую
я безумный страхъ, не напрасна ли любовь моя,
Но теперь я не думаю, что могла быть какая бы
то ни было напрасная любовь,
Награда за любовь придетъ въ свое время въ той
или иной формѣ.
(Я горячо люблю извѣстную особу, и любовь моя остается безъ
награды,
Но зато я написалъ эту пѣсенку)".

Здѣсь все же можно — если только не обратить вниманія на несогласованность временъ въ глаголахъ первой и второй строчекъ — найти понятную мысль, изложенную удобочитаемымъ языкомъ — правда, языкомъ, нѣсколько протокольнымъ съ точки зрѣнія лирики. Но долго онъ не въ состояніи держаться въ границахъ; еще нѣсколько стиховъ, и онъ снова тотъ же непонятный дикарь. Въ одномъ стихотвореніи онъ совершенно серьезно утверждаетъ, что онъ само-

лично присутствуетъ у каждаго читателя при чтеніи его книги—„не будь слишкомъ увѣренъ въ томъ, что меня теперь нѣтъ съ тобою", объявляетъ онъ, а въ слѣдующемъ стихотвореніи впадаетъ въ большое сомнѣніе относительно тѣни Уотта Уитмана:

„Моя тѣнь..
Какъ часто ловлю я себя на томъ, что стою
и наблюдаю, какъ она убѣгаетъ,
Какъ часто спрашиваю я себя и сомнѣваюсь,
дѣйствительно ли это я!.."

Мнѣ думается, что такого рода сомнѣніе не лишено основанія, если ты одаренъ тѣнью, которая бѣжитъ, между тѣмъ, какъ самъ ты стоишь смирно и слѣдишь за нею.

Уитманъ —богатая натура, одаренная личность, родившаяся слишкомъ поздно. Въ „Пѣсняхъ у большой дороги" онъ, можетъ быть, всего яснѣе показываетъ, какое у него безмѣрно доброе сердце и какая наивность понятій. Если бы стихи эти были написаны немножко искуснѣе, многіе изъ нихъ могли бы назваться поэзіей; иное дѣло теперь, когда авторъ постоянно вызываетъ своими стихами тяжелую работу ума изъ-за своего неслыханнаго языка. Онъ ни одной вещи не можетъ высказать ясно и опредѣленно, онъ вообще не въ состояніи *опредѣлять*. Онъ назоветъ что-нибудь пять разъ подрядъ и всегда тѣмъ же самымъ величественнымъ, но неопредѣленнымъ образомъ. Онъ не господствуетъ надъ матеріаломъ своей поэзіи, а предоставляетъ этому матеріалу господствовать надъ собою; онъ представляется ему въ колоссальныхъ образахъ, онъ награмождается и овладѣваетъ имъ. Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ у большой дороги его сердце болѣе горячо, нежели его разумъ холоденъ; онъ поэтому не можетъ ни описывать, ни воспѣвать, онъ можетъ только ликовать — ликовать до небесъ изъ-за ничего или изъ-за самыхъ обыкновенныхъ вещей. Въ этихъ строкахъ чув-

ствуешь горячее біеніе сердца, но тщетно ищешь причины такого сильнаго волненія этого сердца. Не постигаешь, какимъ образомъ только большая дорога, какъ таковая, можетъ заставить сердце забиться. Уитмана она опьяняетъ, онъ говоритъ прямо, причемъ грудь его трепещетъ восторгомъ: „Я могъ бы стоять здѣсь на мѣстѣ и творить чудеса".— Вотъ въ какое заблужденіе вводитъ его славное, доброе сердце! — „Я вѣрю, что придусь по душѣ каждому встрѣчному", поетъ онъ, „и каждый, кто посмотритъ на меня, придется мнѣ по душѣ; я вѣрю, что каждый, поглядѣвъ на меня, станетъ счастливъ". Онъ продолжаетъ затѣмъ на своемъ удивительномъ, несуразномъ языкѣ: „Если кто отвергнетъ меня, не проклянетъ меня, кто приметъ меня, онъ ли или она, получитъ мое благословеніе и благословитъ меня". Онъ проникновенно, до глубины души добръ. Иногда его великая доброта поражаетъ даже его самого, такъ что его наивная душа разражается пѣсней: „я больше и лучше чѣмъ я думалъ; я не зналъ, что во мнѣ такъ много доброты".

Онъ скорѣе богато одаренный человѣкъ, нежели талантливый писатель. Уоттъ Уитманъ, въ сущности, не умѣетъ писать. Но онъ умѣетъ чувствовать. Онъ живетъ жизнью чувствъ. Если бы книга его не вызвала письма Эмерсона, эта книга беззвучно канула бы на землю — чего она и заслуживала.

Ральфъ Уальдо Эмерсонъ — замѣчательнѣйшій мыслитель Америки, ея тончайшій эстетикъ и оригинальнѣйшій писатель; это еще, впрочемъ, не означаетъ, чтобы онъ могъ быть и замѣчательнымъ мыслителемъ, эстетикомъ и писателемъ въ одной изъ великихъ европейскихъ странъ. Многіе годы— добрую половину жизни—былъ онъ въ своемъ отечествѣ законодателемъ въ области литературы, и до него дѣйствительно не было тамъ лучшаго критика; онъ былъ хорошо

образованъ, былъ начитанъ, пространствовалъ и видѣлъ свѣтъ помимо Америки. Онъ не универсальный геній, онъ талантливый человѣкъ, сильнѣйшимъ и наиболѣе развитымъ качествомъ котораго является весьма утонченный умъ. У него есть даръ увлекать. Какъ своимъ прекраснымъ языкомъ, такъ и почти всегда симпатичной темой своихъ сочиненій, выбранной имъ большею частью въ силу его собственныхъ симпатій, плѣняетъ онъ читателя; онъ достигаетъ этого не оригинальностью и не превосходствомъ мысли. Когда онъ видитъ или слышитъ что-либо, предметъ настолько захватываетъ его, что онъ можетъ писать о немъ и писать хорошо. Всѣ изслѣдованія въ его сочиненіяхъ таковы, что они могутъ привлечь именно натуру такого порядка, какъ натура Эмерсона. Духовные задатки трехъ частей свѣта столкнулись въ этомъ человѣкѣ: мистическіе, эстетическіе и практическіе. У Азіи заимствовалъ онъ свои религіозныя наклонности, у Европы—свое стремленіе къ умственному развитію, къ искусству и красотѣ, у родины своей—врожденное наслѣдіе демократической ограниченности и практическаго міросозерцанія янки. Это смѣшеніе восточной и западной культуры образовало его умъ и опредѣлило его жизнь. По рожденію онъ пуританинъ, родъ его—родъ англійскихъ пасторовъ, воспитанъ онъ въ правилахъ корректности и морали, самъ онъ сдѣлался пасторомъ. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ современнаго мышленія и очутившись въ центрѣ наиболѣе сильно пульсирующей торговой жизни, онъ не могъ хорошо воспринять всю азіатскую мистику, не отвергнувъ своего современнаго міросозерцанія, а потому онъ и воспринялъ ее лишь постольку, поскольку допускалъ его практическій разумъ—съ другой же стороны онъ нашелъ въ этомъ удовлетвореніе всѣмъ своимъ религіознымъ запросамъ. Онъ стремился къ Богу и создалъ себѣ Бога; у него не было стремленія къ вѣчной мукѣ ада, и онъ создалъ себѣ преходящую муку—короче говоря, онъ проникся тѣмъ

непонятнымъ смѣшеніемъ слѣпой вѣры и полурадикализма, которое называется *унитаризмомъ*. Его рожденіе, воспитаніе, натура и начитанность его сдѣлали изъ Эмерсона „либеральнаго" пастора и нравственнаго человѣка. Христіанскій Богъ сталъ его богомъ, Мефистофель Гёте сталъ его дьяволомъ, а крайне платоническій Платонъ—его философомъ. Онъ сдѣлался въ сильнѣйшей степени человѣкомъ и прошлаго и настоящаго. Различное тепло разныхъ небосклоновъ живетъ въ его душѣ, а такъ какъ тропическое солнце наиболѣе жарко, то душа Эмерсона отдала наибольшую дань Азіи. Онъ сталъ *религіознымъ* человѣкомъ. Онъ рѣдко бываетъ суетнымъ, еще рѣже, свободомыслящимъ и никогда не бываетъ радикаленъ; во всемъ, что бы онъ ни писалъ, онъ религіозенъ или, по крайней мѣрѣ, моралистиченъ. Такимъ образомъ и случилось, что этотъ одаренный американецъ сталъ пасторомъ въ христіанской церкви, а въ свободное время сталъ писать философскія статьи въ журналахъ. Сведенборгъ, Библія, Шеллингъ и Фихте, но прежде всего Платонъ, свили себѣ гнѣздо въ сердцѣ этого человѣка, создавшаго въ Америкѣ незнакомую до тѣхъ поръ философскую формулу; онъ сталъ наиболѣе образованнымъ писателемъ среди янки; съ 1882 года могила его стала одной изъ историческихъ достопримѣчательностей Америки.

Главнымъ его произведеніемъ считается Representative men (1849 г.), маленькая книжка, гораздо меньше этой, „его наилучшая книга". Это также его наиболѣе извѣстная книга, написанная тонкимъ, изящнымъ языкомъ, раздѣленная на мелкія главки, безсистемная, полная противорѣчій, то глубокая, то поверхностная, но всегда интересная. Кромѣ этого труда, Эмерсонъ написалъ еще много статей въ газетахъ и журналахъ, являясь всюду такимъ же, всегда умнымъ, иногда оперируя наполовину надъ моралью, наполовину надъ критикой; онъ никогда не подымался выше, чѣмъ въ *Representative men*, но порой въ своихъ послѣднихъ про-

повѣдяхъ онъ достигаетъ той же высоты. Его статьи и прочія сочиненія носятъ слѣдующія заглавія: *Infinite God.—Cure of astma by a stroke of lightning.—Nature.—Poems.—On Divining Rod, with reference to the use made of it in its exploring for springs of water.—The power alove.—Lectures on New England reformers.—English traits.—Tobaco, a remedy for arsenic.—On Eastern literature of old.*—Ясно, что и тутъ то же смѣшеніе восточной мистики и западнаго реализма; во всѣхъ этихъ работахъ онъ остается тѣмъ же религіозно нравственнымъ унитаріемъ и интереснымъ писателемъ.

Замѣчательнѣйшія качества Эмерсона, какъ *критика*, это его интеллигентный умъ, способность образованнаго и талантливаго человѣка вѣрно охватить характеръ книги, событія или времени. Зато онъ во многихъ отношеніяхъ едва ли можетъ назваться методичнымъ. Онъ читаетъ произведенія писателя, радуется на все, что въ нихъ есть прекраснаго, морщится отъ дурного, отмѣчаетъ необходимыя цитаты и откладываетъ книгу. Затѣмъ, онъ читаетъ біографію писателя, отмѣчаетъ важнѣйшія даты, съ радостью кидается на цифры, обозначающія года, имѣющіе или неимѣющіе значенія, и жадно изслѣдуетъ частную жизнь даннаго писателя во всѣхъ направленіяхъ. На этой основѣ строитъ онъ свою статью, и строитъ ее хорошо. Онъ всегда говоритъ хорошія вещи; онъ интересенъ, время отъ времени вдохновененъ, разъ въ годъ даже остроуменъ. Но критика его не научна, она не современна. Онъ отбрасываетъ или принимаетъ, примѣняя свои правила, сравниваетъ одного писателя съ другимъ, не взирая на внутреннее различіе ихъ, указываетъ, согласно своему предвзятому синайскому законодательству, почему именно данное произведеніе неудачно или ошибочно на страницѣ 113 и на страницѣ 209. Это въ особенности относится къ его литературнымъ статьямъ. Онъ — послѣдній эстетикъ, служащій тираніи правилъ. Какъ Шекспиръ для него высшій законодатель драмы, такъ Платонъ—высшій законодатель философіи;

внѣ ихъ весь міръ представился бы ему пустыней. Онъ не спрашиваетъ себя, является ли настоящее произведеніе плодомъ обдуманности или случайностью, возникшей въ силу каприза, настроенія, безъ всякихъ данныхъ въ прошломъ и не на основаніи неизмѣнныхъ историческихъ законовъ; онъ не допускаетъ, чтобы оно могло находиться внѣ его предположеній, точно такъ же, какъ критическая непогрѣшимость его не позволяетъ ему назвать писателя недоступнымъ ему; онъ прикидываетъ къ нему свои правила и мѣряетъ. Это его критическій пріемъ, основанный на наглядности. Эмерсонъ самъ призналъ, что критика въ концѣ концовъ должна именно *измѣрять* предметъ. До какой степени проникнутъ онъ этимъ положеніемъ, видно изъ слѣдующаго краткаго и точнаго изреченія его о Платонѣ: „Чтобы изучить Платона, слѣдуетъ не сравнивать его съ природою, а сравнивать его съ другими людьми". Это изреченіе, среди многихъ ему подобныхъ, даетъ ясное понятіе о критическихъ пріемахъ Эмерсона.

Онъ человѣкъ со вкусомъ. Не было никого въ Америкѣ, кто бы такъ умѣлъ овладѣть дамскою аудиторіей, какъ умѣлъ Эмерсонъ въ свои лучшіе годы. Никого не задѣвая, онъ заинтересовываетъ каждаго. Внѣшность его была красива, манеры его были пріятны, голосъ симпатиченъ, движенія опытнаго оратора, скромныя, чуть-чуть священническія, а главное—языкъ его былъ въ высшей степени изященъ. Не глубиной своей и не литературными познаніями интересенъ онъ въ качествѣ критика; изъ всего имъ написаннаго есть очень и очень немногое, что не могло бы быть сказано любымъ образованнымъ человѣкомъ, только далеко не у всякаго нашелся бы для этого такой богатый способъ выраженія. Нѣтъ, наиболѣе интересное въ этомъ человѣкѣ именно то, что онъ въ высшей степени, какъ въ устной, такъ и въ письменной рѣчи, обладалъ счастливымъ даромъ *умѣть сказать*. Сказать вещи интересныя, хорошія, и сказать ихъ

со вкусомъ. Есть писатели, преимущественно среди журналистовъ и пишущихъ очерки, — назову наудачу Рошфора— замѣчательною способностью которыхъ является писать превосходно, писать талантливо о какомъ-нибудь произведеніи, высказывать умныя, прочувствованныя идеи, не всегда вытекающія изъ разбираемаго произведенія, но которыя тѣмъ не менѣе не звучатъ абстрактно, потому что онѣ относятся къ самому *тексту*, онѣ идутъ къ печати и придаютъ жизнь всему очерку. Такой очеркъ всегда читается съ интересомъ, потому что онъ интересенъ самъ по себѣ, независимо отъ того, преслѣдуетъ ли онъ какую-либо цѣль или нѣтъ, освѣщаетъ ли онъ намъ что-либо и соотвѣтствуетъ онъ или нѣтъ своему заглавію. По справедливости, можно сказать, что и у Эмерсона есть этотъ удивительный даръ. Сочиненія его кишатъ краткими, тонкими замѣчаніями, не относящимися ни къ какому произведенію, но которыя сами по себѣ заключаютъ нѣчто и относятся къ его собственному произведенію, что-то особенное, что-то хорошее, — сопоставленія, ссылки, какіе-то взлеты, взрывы, вихри, отдѣльныя словечки, нѣчто, что скажетъ не каждый, но что, разъ высказанное, каждому кажется превосходно. Зато, если подойдешь къ самому *дѣлу*, если спросишь, что именно онъ указалъ, освѣтилъ, опредѣлилъ всѣми этими прекрасными вещами, то и самъ удивляешься, до чего, въ сущности, мало этотъ человѣкъ обсудилъ данный вопросъ, хотя въ продолженіе болѣе или менѣе долгаго времени владѣлъ всѣмъ вашимъ вниманіемъ.

Возьмемъ примѣръ. *Representative men* начинается съ разсужденія о „Пользѣ, приносимой великими людьми“. Это вещь, полная вкуса, интересная вещь, хорошая вещь. Но въ чемъ состоитъ содержаніе этого разсужденія? Въ томъ, что *у великихъ людей многому можно научиться*. Какая избитая истина! Да я зналъ эту истину за десять лѣтъ до конфирмаціи. Сидѣть цѣлый часъ и слушать о томъ, что можно кой-чему научиться у великаго человѣка! Подумайте только,

цѣлый часъ! И все же нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы Эмерсонъ на этотъ разъ наскучилъ своимъ слушателямъ, равно какъ не скучаешь и при чтеніи этого разсужденія; онъ, наоборотъ, заинтересовываетъ, онъ нѣчто сообщаетъ. Онъ такъ далеко заходитъ въ той божественной истинѣ, что отъ великаго человѣка можно кой-чему научиться, что прямо таки заявляетъ: „Человѣкъ положительно создаетъ людей“. Это положеніе онъ, впрочемъ, самъ же и опровергаетъ на стр. 122 той же книги, въ разсужденіи о Шекспирѣ; зато крайне забавно слѣдить за его аргументаціей, и онъ нераздѣльно владѣетъ вашимъ вниманіемъ, пока бесѣдуетъ съ вами. Человѣкъ создаетъ людей. „Каждое судно, отправляющееся въ Америку, обязано Колумбу, каждое поэтическое произведеніе въ долгу у Гомера“. „Платонъ—это философія, философія—это Платонъ. Съ Платона возникли всѣ понятія, о которыхъ пишутъ и разсуждаютъ понынѣ мыслители. Св. Августинъ, Коперникъ, Ньютонъ, Беменъ, Сведенборгъ, Гёте—все это ученики Платона и повторяютъ вслѣдъ за нимъ“. Эти имена вносятъ жизнь въ скучное мгновенье; слушая разсужденіе, въ которомъ высказываются подобныя вещи, не зѣваешь, не поучаешься, не убѣждаешься, но прислушиваешься. Можно было бы сдѣлать возраженіе, можно было бы цитировать самого Платона: „Философія всякаго рода не заключается въ умѣ одного человѣка, а въ умахъ различныхъ людей“ (Республика), можно было бы указать, что и у Платона были свои предшественники, у которыхъ онъ былъ въ долгу, Солонъ, Софранъ, Сократъ; но съ удовольствіемъ смакуешь двѣ-три несообразности въ философскомъ разсужденіи, предоставляешь занимать тебя и помалкиваешь.

Эта способность Эмерсона говорить хорошія вещи, однако же, не подымаетъ на высшую ступень его искусства какъ критика. Критика его такъ мало оригинальна и такъ неглубока, что она часто едва держится и едва можетъ устоять;

только благодаря своей блестящей формѣ. Эмерсонъ не можетъ очертить предметъ, онъ не вникаетъ въ самую суть критикуемой вещи, онъ бродитъ вокругъ да около и поочередно то становится съ нею лицомъ къ лицу, то проходитъ мимо. Читаешь его замѣчательныя изреченія, читаешь и ждешь результата всего этого, ждешь послѣдняго слова, которое опредѣлитъ явленіе, отольетъ всю статую, ждешь до двадцатой и послѣдней страницы,—ждешь напрасно; тутъ Эмерсонъ раскланивается и уходитъ. А читатель остается съ полной охапкой высказанныхъ имъ мыслей; онѣ не создали цѣльной картины,—это маленькія, мозаическія граночки, разсыпанныя въ великолѣпнѣйшемъ безпорядкѣ.

Чтобы опредѣлить и обозначить главные недостатки Эмерсона, какъ критика, мнѣ прежде всего слѣдуетъ указать на его недостаточно развитой *психологическій* даръ и черезчуръ развитую воспріимчивость къ *морали*. У него слишкомъ схематическое представленіе о книгѣ и человѣкѣ. Мелкія движенія души, тонкія побужденія воли и инстинкта, интимная жизнь со всѣми ея неопредѣлимыми оттѣнками не привлекаетъ его вниманія; онъ умно и вѣрно понимаетъ данное явленіе, но не явленіе въ его сущности. Онъ скользитъ около книги и извлекаетъ изъ нея нити, забывая, что книга это ткань. (См., между прочимъ, его статью о Вильгельмѣ Мейстерѣ). Онъ начинаетъ носиться съ писателемъ, какъ только тотъ попадаетъ ему на глаза, въ любой моментъ и на любомъ клочкѣ, хватаетъ его за шиворотъ какимъ-нибудь его дѣяніемъ, набрасывается на него съ какимъ-нибудь годомъ его жизни, совершенно оставляя его въ покоѣ въ иныхъ поступкахъ и за иные годы. Этотъ недостатокъ психологической проницательности служитъ причиной того, что въ критикѣ Эмерсона никогда не найдешь того точнаго слова, той черты пера, которая создаетъ живой образъ. Самъ онъ не сталъ участникомъ *жизни* произведенія, а потому, естественно, не въ состояніи сдѣлать участниками въ

ней другихъ. Даже въ разсужденіяхъ о Платонѣ, въ сущность котораго онъ проникъ наиболѣе глубоко, психологическія представленія его о Платонѣ въ высшей степени поверхностны; разсужденіе его является хвалебнымъ гимномъ, панегирикомъ, но никакъ не характеристикой. Никакого автора не уяснишь тѣмъ, что наговоришь отличнѣйшихъ вещей въ связи съ его именемъ и наполнишь свой очеркъ тончайшей мозаикой словъ въ безпорядкѣ—это не будетъ личность, это просто человѣкъ вообще.

Зато если Эмерсонъ до скудости бѣденъ психологическими познаніями, у него взамѣнъ того чрезмѣрно много моралистическаго чувства. Онъ пуританинъ, онъ азіатъ, фетишистъ. Отъ идолопоклонства настоящаго фетишиста перешелъ онъ къ идолопоклонству современному; но, подобно мусульманину, онъ до конца дней своихъ обращалъ взоръ на востокъ, когда преклонялъ колѣна. Мораль была и осталась его основнымъ инстинктомъ; она была врождена у него, она вошла въ его плоть и кровь путемъ цѣлаго ряда поколѣній; предками его въ продолженіе цѣлыхъ 8 поколѣній были безъ перерыва пасторы, и самъ онъ заявляетъ съ достоинствомъ, внушающимъ состраданіе, что „отъ него пахнетъ землей“. И дѣйствительно, достаточно немного почитать произведенія Эмерсона, чтобы почувствовать, какъ сильно отъ него пахнетъ землей. Человѣкъ этотъ, въ продолженіе сорока лѣтъ бывшій литературнымъ вожакомъ и законодателемъ великаго народа, выступилъ въ области критики въ качествѣ особаго гласа божія, въ качествѣ небеснаго посланника, подъемлющаго грѣхи міра на остріе меча на страхъ и назиданіе, подобно крохотному Голіафу, вооруженному маленькой ослиной челюстью, которой онъ сражается: ни преступленій, ни пороковъ, ни грѣховъ, никакихъ человѣческихъ заблужденій, пока съ вами я, Ральфъ Уальдо Эмерсонъ! Мораль завязла въ этомъ недурно устроенномъ человѣческомъ черепѣ и испортила его критическое

дарованіе. Онъ страдаетъ за Вольтера по поводу того, что тотъ сказалъ о „добромъ Іисусѣ“: „Да не услышу я больше никогда имени этого человѣка“; онъ цитируетъ и ссылается на Вэды, Багавату, Гету, Аклаки-Іаполи, Вишну Пурану, Кришну, Іоганидру, Коранъ и Библію въ своихъ эстетическихъ и философскихъ опредѣленіяхъ; онъ сожалѣетъ о легкомысленной жизни Шекспира съ чисто-пасторскимъ благочестіемъ, дѣлающимъ честь его прямолинейности. Этотъ человѣкъ, проклинающій все дурное и презрѣнное и вдохновенно аплодирующій всему хорошему и достойному въ жизни, въ продолженіе полъ-жизни человѣческой руководилъ литературой въ такой странѣ, какъ Америка, гдѣ ведется жизнь самая грѣшная и безнравственная, и гдѣ—кромѣ Бостона—попросту распрощались со всякой библейской добродѣтелью. Эмерсона, быть можетъ, можно было бы сравнить съ *Джономъ Рёскинымъ*, съ которымъ у него въ моралистическомъ отношеніи есть много общаго, но онъ далеко не обладалъ эстетическимъ чувствомъ послѣдняго. Подобно Рёскину, оперируетъ онъ въ области критики моралистическими понятіями, общепринятыми правилами, оправдываетъ именемъ Платона и проклинаетъ именемъ библіи. Его журнальныя статьи, въ общемъ, составляютъ чистѣйшую и честнѣйшую проповѣдь божественной эстетики на землѣ. Онъ критикъ и пасторъ, и пасторъ въ качествѣ критика. Онъ не осмѣливается сказать о *Гёте*... впрочемъ, позвольте лучше привести выдержку; очень характерно для критики то, чего не осмѣливается Эмерсонъ сказать о Гёте:

„Я не осмѣлюсь сказать о Гёте, чтобы онъ достигъ наибольшей вершины, съ которой геній можетъ вѣщать человѣчеству. Онъ не дошелъ до обожанія высшаго единства, онъ является неприступною крѣпостью для морали. Есть въ поэзіи болѣе благородные мотивы, нежели тѣ, которые онъ затрагивалъ. Есть писатели меньшаго таланта, голосъ которыхъ чище и больше захватываетъ сердце. Гёте никогда

не могъ стать дорогъ человѣчеству. Онъ никогда не посвящалъ себя чистой истинѣ, но лишь истинѣ, служащей прогрессу. Цѣль его, не болѣе и не менѣе, какъ завоеваніе природы всего міра, всемірная истина“. (*On Goethe, a lecrure, S* 19). Какая безнравственность! Какое преступленіе! И это говорится Эмерсономъ вовсе не въ шутку; отсутствіе у этого человѣка всякой ироніи — это наиболѣе „чистая истина“, какую я знаю.

Теперь, если желаете познакомиться съ тѣмъ, какъ критикуетъ онъ Шекспира, то прочтите *Representative men*, стр. 115. Шекспиръ—начнемъ хоть съ этого—„величайшій драматургъ въ мірѣ“, затѣмъ „духъ Шекспира открываетъ горизонты, за которые мы и до сихъ поръ не въ состояніи заглянуть“; „его произведенія словно упали къ нему съ неба“; „онъ создалъ мотивы всей современной музыки“; „его пріемы столь же изумительны, какъ и его идеи“; „въ отношеніи продуктивной силы, силы творчества, ему нѣтъ равнаго“; „наша литература, философія, мышленіе шексперизированы“. Панегирикъ *Тэна* Шекспиру—критика сравнительно съ этимъ!—Но вотъ Эмерсонъ ссылается на одного англійскаго автора, писавшаго о чудныхъ произведеніяхъ Шекспира, причемъ совершенно обкрадываетъ его драмы, какъ въ отношеніи содержанія, такъ и самаго текста; онъ ставитъ, повидимому, нѣсколько смѣлое положеніе, будто „разумѣется, ни одна изъ шекспировскихъ драмъ не есть исключительно его собственное созданіе“; цитируя, онъ утверждаетъ, что изъ 6.043 строкъ *Генриха* VI 1.771 строка написана другимъ, 2.373 написаны также другимъ, но передѣланы Шекспиромъ, и, наконецъ, только 1,899 строкъ написаны дѣйствительно самимъ Шекспиромъ. Какъ же теперь совмѣщаетъ Эмерсонъ это заявленіе съ „силой творчества Шекспира, въ которой нѣтъ ему равнаго“, съ его „изумительными пріемами“ и съ тѣмъ таинственнымъ обстоятельствомъ, что „его произведенія словно упали къ нему съ

неба"? „Что же", говоритъ Эмерсонъ, „всякая оригинальность лишь относительна"; „каждый мыслитель ретроспективенъ" (retrospective). „Нетрудно убѣдиться", говоритъ онъ дальше, „что все лучшее написанное и сдѣланное на свѣтѣ не есть произведеніе одного человѣка, а создано трудами тысячъ". А гдѣ же его Платонъ? А гдѣ же „человѣкъ создаетъ людей"? — Онъ нѣсколько мгновеній задумывается надъ этой относительностью оригинальности и продолжаетъ: „Ученый членъ законодательнаго собранія въ Вестминстерѣ или въ Вашингтонѣ говоритъ и подаетъ свой голосъ отъ имени тысячъ". Превосходная иллюстрація къ тому положенію, что всякая оригинальность относительна а каждый мыслитель ретроспективенъ! Впрочемъ, онъ не останавливается на этомъ, у него въ запасѣ много доказательствъ; теперь въ немъ встаетъ азіатъ, въ немъ проглядываетъ фетишистъ, критикъ исчезаетъ и снова является пасторъ. На той самой страницѣ, гдѣ онъ въ *литературномъ* очеркѣ уличаетъ автора въ воровствѣ, онъ находитъ поводъ дать слѣдующее поясненіе—о *Библіи*: „Наша англійская Библія служитъ прекраснымъ доказательствомъ силы и музыкальности англійскаго языка. Но она не была написана сразу однимъ человѣкомъ; цѣлые вѣка и многія церкви довели ее до такого совершенства. Никогда не было времени, чтобы не было въ ходу того или иного ея перевода. Наша литургія, удивительная по своей мощи и пафосу, является антологіей благочестія многихъ временъ и народовъ, переводовъ молитвъ и священныхъ формулъ католическаго богослуженія, которыя, въ свою очередь, собирались въ долгіе періоды времени изъ молитвословій и размышленій святыхъ и благочестивыхъ творцовъ всего міра". Въ заключеніе Эмерсонъ приводитъ изреченіе Гротіуса относительно молитвы Господней, которая также долгое время была въ употребленіи среди равновиновъ, пока не явился Христосъ и не „собралъ" ее.

Зачѣмъ же приводитъ Эмерсонъ такія объясненія этихъ

обстоятельствъ? Дабы указать, какъ обстоитъ дѣло съ вышеназванными ретроспективными мыслителями, дабы доказать полнѣйшую относительность всякой оригинальности и, наконецъ, дабы показать, какъ въ сущности невинно было то, что Шекспиръ укралъ и матеріалъ и текстъ своихъ произведеній у другихъ. Разъ это продѣлывалось съ библіей, то и вообще можно это дѣлать; Эмерсонъ ни звука не возразитъ противъ этого. А между тѣмъ фактъ тотъ, что въ наши дни за такой грубый литературный плагіатъ, къ какому прибѣгалъ Шекспиръ, писателю влетѣло бы отъ суда на орѣхи, а редакторъ, издававшій „Отче нашъ" подвергся бы крупнымъ непріятностямъ. Насколько культурнѣе гётевская истина „служащая прогрессу", нежели „чистая" истина Эмерсона! Для поэтовъ было бы несравненно легче сидѣть да писать по-шекспировски, нежели стараться все сдѣлать самимъ. Если бы можно было въ наши дни, не стѣсняясь, присвоить себѣ все, что найдется уже обдуманнаго и написаннаго въ произведеніяхъ напр., Гёте, да притомъ же сдѣлать это въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ Шекспиръ, то даже одинъ изъ „шляпочниковъ" Уотта Уитмана, пожалуй, создавалъ бы парочку *Фаустовъ* въ годъ, — причемъ, впрочемъ, никто не сказалъ бы, что такой поэтъ доросъ хоть по колѣно Шекспиру.

Ни одного слова осужденія не нашлось у моралиста Эмерсона для нѣсколько устарѣлой манеры Шекспира относиться къ чужой литературной собственности; наоборотъ, какъ философъ, онъ объявляетъ, что всякая оригинальность относительна, а какъ моралистъ,—что та же манера усвоена была въ библіи. За то, что́ Эмерсонъ находитъ основаніе осудить, такъ это нѣсколько размашистую частную жизнь Шекспира, его жизнь, какъ человѣка. Здѣсь Эмерсонъ снова даетъ доказательство ограниченности своихъ критическихъ способностей, снова проявляетъ бѣдность психологической проницательности своей. Какое дѣло критику какъ до денной, такъ и до ночной жизни писателя, поскольку она не отра-

жается на его твореніяхъ? Вопросъ вотъ въ чемъ: повредила ли легкомысленная жизнь Шекспира его произведеніямъ? Испортила ли она его творенія? Принизила ли она его чувства? Ослабила ли его творческую силу? Вопросъ этимъ болѣе чѣмъ исчерпывается. Именно въ запретной для Эмерсона и другихъ бостонскихъ эстетиковъ области пріобрѣлъ Шекспиръ то свое широкое познаніе сердца человѣческаго, ту свою проникновенную проницательность, которыми изо дня въ день восхищаются, видя въ немъ совершеннѣйшаго психолога, для котораго никакое страданіе, никакой грѣхъ, никакой родъ страсти не были чужды. И это интимное знакомство съ человѣческими пороками и заблужденіями, безъ котораго значеніе его произведеній, несомнѣнно, много убавилось бы, а искусство въ той же мѣрѣ стало бы ограниченнѣе,—это познаніе фактически извлекъ онъ для себя именно живя такъ, какъ онъ жилъ, собственной своей особой кидаясь въ самую пучину жизни и путемъ собственнаго опыта изучая каждую ступень,—часто не въ самомъ чувствѣ, а скорѣе въ страсти, въ безуміи. На это Эмерсонъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Ни однимъ словомъ не обмолвится онъ нигдѣ о необходимости или, по крайней мѣрѣ, о пользѣ личнаго опыта Шекспира въ жизни; его психологическая проницательность не простирается далѣе наименѣе человѣческаго въ человѣкѣ,—именно морали. Онъ только сама добродѣтель. Онъ сожалѣетъ о грѣховности Шекспира и сожалѣніе это покоится на основахъ добродѣтели. „*Shakespeare Society* установило", говоритъ онъ, „что Шекспиръ устраивалъ увеселенія и принималъ въ нихъ участіе. Этому факту какъ наихудшему, я не въ состояніи сочувствовать. Другіе достойные поклоненія люди жили въ нѣкоторой гармоніи со своими мыслями; этотъ же человѣкъ находился въ величайшемъ противорѣчіи со своими. Если бы онъ былъ менѣе великъ, если бы его можно было приравнивать къ другимъ великимъ писателямъ, какъ Бэконъ, Мильтонъ, Тассо, Сервантесъ, то мы могли бы от-

нести образъ жизни его къ темной долѣ человѣчества; но этотъ человѣчнѣйшій человѣкъ, онъ, давшій духовной дѣятельности новый толчокъ впередъ болѣе сильный, чѣмъ кто-либо до него, и поставившій знамена человѣчности впереди, вдоль всей дороги до самаго хаоса,—онъ ли могъ быть такъ неувѣренъ въ себѣ!—И вотъ все же въ міровой исторіи будетъ значиться, что величайшій поэтъ велъ низкую и безпутную жизнь, направлялъ свой геній на службу общественнымъ увеселеніямъ". (*Representative men*, стр. 135).

Обратите вниманіе на эту рѣчь; она весьма характерна для разсужденій и манеры письма у Эмерсона. Неприведенныя мѣста лишь оттѣняютъ это мѣсто; каждая страница у него изобилуетъ подобными интересными безсмыслицами. Во-первыхъ, онъ не можетъ сочувствовать тому, что Шекспиръ „веселъ"; этому всю жизнь свою Эмерсонъ не въ состояніи будетъ сочувствовать; это, по его мнѣнію, наихудшее, что есть все у того же Шекспира. Затѣмъ — въ той же самой книгѣ, въ которой говоритъ онъ о Наполеонѣ и Гёте!—онъ выступаетъ съ замѣчательнымъ изреченіемъ о томъ, что другіе достойные восхищенія люди жили въ нѣкоторой гармоніи со своими „мыслями" (*thought*), а Шекспиръ вотъ нѣтъ — къ сожалѣнію. Если бы вмѣсто „мысли" стояло *ученіе*, это положеніе, какъ таковое, еще было бы логично; но таковымъ, какъ оно есть, оно является безсмысленнымъ. Быть можетъ, Шекспиръ ужъ не такъ былъ *лишенъ мысли* во всемъ своемъ легкомыслiи; его сонеты, между прочимъ, показываютъ, какъ глубоко проникновенно отражались въ его душѣ его увлеченія. Да и возможно ли—не только въ отдѣльномъ случаѣ, но и вообще въ продолженіе всей жизни—жить въ легкомыслiи, предаваясь только легкомыслію, не имѣя ни стремленій иныхъ, ни желаній? Если же весь вопросъ въ томъ, чтобы жить согласно своему *ученію*, то въ такомъ случаѣ жизнь Шекспира гораздо ближе подходитъ къ идеалу человѣка, достойнаго восхищенія, нежели это допускаетъ Эмерсонъ.

Какъ трудно жить согласно своему ученію! Это было трудно даже „доброму Іисусу“ Эмерсона, который училъ любви и самоотверженію, и въ то же время срамилъ и называлъ бранными словами образованныхъ людей, имѣвшихъ большее число познаній, чѣмъ могъ бы вычислить Іисусъ при помощи знакомыхъ ему ариѳметическихъ дѣйствій. Эмерсону должно бы быть ясно, какъ трудно жить согласно своему ученію! Да и что желалъ бы онъ выкинуть изъ жизни Шекспира? Онъ вполнѣ оправдываетъ его въ томъ, что онъ присваивалъ себѣ чужую собственность; но онъ неумолимъ къ нему за то, что тотъ былъ „веселъ“ *(jovial)*; на стр. 126 той же статьи онъ, между прочимъ, устанавливаетъ тотъ „фактъ“, что Шекспиръ былъ „во всѣхъ отношеніяхъ порядочнымъ супругомъ“. Такъ въ чемъ же проявлялась его непозволительная „веселость“? Наконецъ, передѣлавъ на свой ладъ и весьма обстоятельно воровскія продѣлки Шекспира, Эмерсонъ все же называетъ его „величайшимъ поэтомъ“; но онъ не довольствуется этимъ, у него полонъ ротъ обвиненій противъ Шекспира - человѣка. Эмерсонъ немножко опрометчивъ какъ въ своемъ восхищеніи, такъ и въ своемъ неодобреніи; онъ беретъ черезъ край, переходитъ границы. Онъ восхищается Шекспиромъ, воспѣваетъ Шекспира, онъ даже возводитъ его въ *человѣчнѣйшаго человѣка* — въ той самой статьѣ, въ которой глубоко осуждаетъ именно человѣческую жизнь Шекспира, называя ее „низкой и безпутной“. Сопоставьте только то, что онъ говоритъ о Шекспирѣ, „направляющемъ свой геній на службу общественнымъ увеселеніямъ“ въ *предосудительномъ* смыслѣ — съ тѣмъ, какъ возвеличиваетъ онъ его въ качествѣ „тончайшаго писателя“, чьи произведенія являются „твореніями, словно упавшими къ нему съ неба“.

Вотъ то отсутствіе послѣдовательности, которое соединяется у Эмерсона со способностью *умѣть сказать*. Критика его, по моему, немножко слишкомъ неудовлетворительна и немножко слишкомъ дешеваго разбора; это критика, покоющаяся исключительно на пріобрѣтенномъ образованіи, а не на собственной склонности, полученной отъ природы. Сила Эмерсона въ его пониманіи морали; онъ проповѣдникъ въ критикѣ; его критическій талантъ въ силу этого, главнымъ образомъ, литературенъ. Онъ можетъ написать очеркъ о чемъ бы то ни было, можетъ разработать тему о „Безконечности Божества“ или весьма отличную отъ этого тему о „Табакѣ, какъ средствѣ противъ мышьяка“, — его литературныя способности тотчасъ же пускаются въ ходъ, по любому поводу, и онъ одинаково интересенъ какъ въ мистикѣ, такъ и въ реализмѣ. Способность Эмерсона написать замѣтку на любое заглавіе, его даръ умѣть сказать не составляютъ тайны для него самого; онъ признается въ этомъ во многихъ мѣстахъ своихъ статей и признаетъ это прекраснѣйшимъ даромъ писателя. Такъ о Шекспирѣ онъ, напр., говоритъ: „Главная заслуга Шекспира опредѣляется тѣмъ, что онъ лучше кого бы то ни было зналъ англійскій языкъ и умѣлъ сказать то, что хотѣлъ“. Объ Эмерсонѣ можно сказать: онъ зналъ англійскій языкъ и умѣлъ сказать то, что хотѣлъ; онъ даже умѣлъ въ разсужденіяхъ своихъ говорить вещи, къ предмету не относящіяся, но которыми онъ, въ силу своихъ литературныхъ способностей, дѣлалъ самый предметъ интереснымъ. Въ философской лекціи о Платонѣ онъ весьма литературно говоритъ намъ пять минутъ о Сократѣ. Онъ это дѣлаетъ хорошо, краснорѣчиво, умно; онъ овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, и мы слушаемъ съ интересомъ:

„*Сократъ*, человѣкъ низкаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе благородный, человѣкъ съ самой обыкновенной исторіей жизни, съ безобразіемъ лица столь выдающимся, что оно стало мишенью насмѣшекъ... Актеры на сценѣ копировали его на смѣхъ, горшечники изображали его некрасивую голову на своей посудѣ. Это былъ холодный огонь, соединеніе юмора съ полнѣйшимъ самообладаніемъ. Отсюда проистекаетъ его знаніе людей; онъ насквозь видѣлъ всякаго и

подрѣзалъ его въ каждомъ спорѣ—а въ спорахъ былъ онъ невыразимо занимателенъ... Юноши отнюдь не дичились его и приглашали его на свои празднества, куда онъ и ходилъ бесѣды ради. Онъ умѣлъ и выпить; это была крѣпчайшая голова въ Аѳинахъ, и, когда всѣ пившіе вмѣстѣ съ нимъ уже лежали подъ столомъ, онъ уходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, чтобы начать новый діалогъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, трезвымъ. Словомъ, онъ былъ тѣмъ, что называется въ простонародьѣ „старымъ воробьемъ".

Онъ чрезвычайно любилъ Аѳины, ненавидѣлъ деревню, никогда по доброй волѣ не покидалъ стѣнъ города, зналъ старинныя письмена, умѣлъ лавировать между народомъ и филистерами, и каждую вещь въ Аѳинахъ считалъ лучшей, нежели такую же вещь въ иномъ мѣстѣ. Какъ въ обхожденіи, такъ и въ рѣчахъ онъ напоминаетъ квакера, и, разсуждая по вечерамъ въ изящнѣйшемъ обществѣ, употребляетъ сравненія и уподобленія изъ числа обыденнѣйшихъ предметовъ отъ супового горшка до неудобоназываемыхъ предметовъ комфорта. Его мудрость напоминаетъ мудрость Франклина. Такъ доказалъ онъ кому-то, кто боялся пройти пѣшкомъ длинную дорогу до Олимпіи, что разстояніе это не больше ежедневной прогулки Сократа по комнатамъ".

„Просто старый дядя, съ огромными ушами и неутомимый болтунъ... Онъ очень бѣденъ, но закаленъ, какъ солдатъ, и можетъ существовать всего только нѣсколькими оливками или малостью хлѣба съ водою, когда не находится въ гостяхъ у друзей. Его потребности были удивительно ограничены, и никто не могъ жить такъ, какъ онъ. Онъ не носилъ нижняго бѣлья, платье его было и зимой и лѣтомъ одно и то же и всегда ходилъ онъ босой. Говорятъ, что онъ ради удовлетворенія своей потребности цѣлый день разговаривать съ образованными молодыми людьми, лишь отъ времени до времени возвращался къ своему рабочему станку и вырѣзалъ вещицы, плохія ли или хорошія, которыя и продавалъ.

Какъ бы то ни было, вѣрно лишь то, что единственнымъ наслажденіемъ его было разговаривать и что онъ, прикидываясь рѣшительно ничего ни о чемъ не знающимъ, подкапывался подъ всѣхъ искуснѣйшихъ ораторовъ и мыслителей въ Аѳинахъ и побѣждалъ ихъ. Никто не могъ отказаться отъ разговора съ нимъ, такъ былъ онъ искренень и дѣйствительно такъ желалъ все знать—человѣкъ, охотно дававшій опровергнуть себя, когда онъ разсуждалъ невѣрно, но столь же охотно опровергавшій другихъ, когда тѣ говорили неправильно. Ему не меньшее удовольствіе доставляло быть опровергнутымъ, какъ и опровергнуть.

„Неумолимый спорщикъ, который ничего не зналъ, но развитія котораго не достигалъ не одинъ человѣкъ, непобѣдимый, съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа, чье ужасающе-логическое мышленіе было въ непрерывной, спокойной и остроумной дѣятельности, такъ равнодушно и искусно прикидывавшійся, чтобы обезоружить наиболѣе осторожныхъ и самымъ любезнѣйшимъ образомъ повергнуть ихъ въ страшное сомнѣніе и смятеніе. Самъ онъ всегда зналъ выходъ, но не открывалъ его. Нѣтъ спасенія! Онъ тѣснитъ своего противника къ роковой дилеммѣ, играетъ Гиппіасами и Горгіасами, какъ мальчикъ—своимъ мячомъ. Тираннический реалистъ! Менонъ велъ диспуты разъ тысячу, и дѣлалъ это, какъ ему казалось, очень хорошо; но въ эту минуту онъ не знаетъ, что сказать; чародѣй-Сократъ околдовалъ его" (Representative men, стран. 41).

Все это интересно, отлично, литературно выражено, но здѣсь нѣтъ критики и ни тѣни глубины. Характеристика настоящаго Сократа должна бы быть совершенно иная, въ ней должна бы сказываться душа. Правда, Эмерсонъ, главнымъ образомъ, беретъ Сократа, для сравненія его съ его ученикомъ Платономъ, которому онъ поклоняется, а потому не можетъ относиться безпристрастно, но тѣмъ не менѣе въ этомъ наброскѣ нѣтъ ничего представляющаго намъ

данное лицо въ самой его сути: нѣтъ философа. Онъ ни единымъ словомъ не касается его образа мыслей, его позитивной философіи, ея въ основѣ этическаго характера; онъ представляетъ его, какъ „невѣжественнаго интеллигента“, уличнаго собесѣдника, болтуна, тунеядца. На аѳинскихъ улицахъ ходило въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Х. много „невѣжественныхъ интеллигентовъ“, почему же и ихъ имена не остались извѣстны черезъ двѣ тысячи лѣтъ? И почему имя Сократа ихъ пережило?—Дѣло въ томъ, что Эмерсонъ совершенно не въ состояніи проникнуть въ корень критикуемаго предмета; у него не хватаетъ психологическаго дара, проницательнаго, остраго взгляда и животрепещущей, нервной симпатіи, все постигающей. Онъ всегда охватываетъ предметъ лишь въ данный моментъ и находитъ въ немъ то самое, что можетъ въ немъ найти каждый тонкоразвитой человѣкъ, но не болѣе; что отличаетъ Эмерсона, какъ критика, отъ любого образованнаго и развитого человѣка, такъ это способности только и чисто литературнаго свойства.

Наполеона опредѣляетъ онъ какъ „житейскаго человѣка“. „Онъ не герой въ высшемъ смыслѣ этого слова“. „Человѣкъ толпы найдетъ въ немъ тѣ же силы и способности, какъ и у другихъ людей толпы“. „Общительность, хорошія книги, быстрота передвиженія, наряды, обѣды, безсчисленное множество слугъ, полнота индивидуальности, способность къ осуществленію идей, положеніе, которымъ онъ пользовался въ качествѣ благодѣтеля всѣхъ его окружающихъ, его утонченный вкусъ въ области искусства, любовь къ картинамъ, музыкѣ, статуямъ, дворцамъ и условной чести,—положительно все, что было дорого человѣческому сердцу въ девятнадцатомъ столѣтіи, было и у этого могущественнаго человѣка“. „Наполеонъ былъ божествомъ толпы, потому что онъ въ высшей степени обладалъ свойствами и силами толпы“. „Въ немъ нѣтъ никакихъ чудесъ и никакого колдовства; онъ работаетъ надъ мѣдью, деревомъ, желѣзомъ, надъ

землей и подъ землей, надъ зданіями, монетами, надъ войсками и генералами, и во всемъ является искуснымъ и ловкимъ начальникомъ“. „Онъ мужественъ, вѣренъ, самоотверженъ, способенъ вовремя стушеваться, онъ жертвуетъ всѣмъ ради своего предпріятія, деньгами, войскомъ, генералами, и никогда не обманываетъ себя, подобно обыкновеннымъ авантюристамъ, внѣшнимъ блескомъ своей славы и своихъ великихъ дѣяній“.

Страницы двѣ спустя даетъ онъ болѣе сжатый очеркъ характеристики Наполеона, гдѣ отчасти эта характеристика не сходится съ первой, отчасти же даже противорѣчитъ ей въ нѣкоторыхъ чертахъ:

„Бонапартъ былъ крайне бѣденъ великодушіемъ. Личность, наиболѣе высоко поднявшаяся въ наиболѣе культурное время и въ наиболѣе культурной въ мірѣ націи, не имѣетъ за собою заслуги быть правдивой и честной. Онъ несправедливъ къ своимъ генераламъ, эгоистиченъ, монополизировалъ и присваивалъ заслуги другихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, напр., Келлермана и Бернадотта... Онъ безпардонный лгунъ; его оффиціозный органъ Moniteurs и всѣ его бюллетени полны вещей, которымъ ему только хочется вѣрить. Да и хуже того. Онъ сидѣлъ, преждевременно состарившійся, на своемъ одинокомъ островѣ и хладнокровно подтасовывалъ факты, даты, числа... У него совсѣмъ не было совѣсти. Онъ могъ украсть, оклеветать, убить, утопить, отравить, если того требовали его интересы. Въ немъ не было благородства, одна лишь пошлая ненависть. Онъ былъ необычайно самолюбивъ, коваренъ, фальшивилъ въ карточной игрѣ, онъ былъ ужаснѣйшимъ сплетникомъ и вскрывалъ чужія письма; онъ въ восторгѣ потиралъ руки, когда узнавалъ такимъ образомъ маленькую тайну о мужчинахъ или женщинахъ, окружавшихъ его, причемъ давалъ почувствовать что „ему все извѣстно“. Онъ суетъ носъ во все, даже въ кройку дамскихъ нарядовъ и инкогнито подслушиваетъ на ули-

цахъ торжествующіе крики и восторженные отзывы о немъ толпы.

„Манеры его были грубы; къ женщинамъ онъ относился съ фамильярностью дурного тона, у него была привычка, когда онъ былъ хорошо настроенъ, щипать ихъ за щеки и дергать за уши; мужчинъ таскалъ онъ за уши и за бороду... Неизвѣстно, подсматривалъ ли онъ въ замочныя скважины, во всякомъ случаѣ въ этомъ не былъ онъ уличенъ. Короче говоря, когда разгонишь туманъ блеска и могущества, окружавшій его, то видишь, что его даже нельзя считать за джентельмена".

Но вина, „за каторую народъ въ концѣ концовъ отъ него отступился, не была виною Бонапарта", продолжаетъ далѣе Эмерсонъ; „онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать—*безъ нравственныхъ принциповъ*".

Вотъ оно какъ!

— При разсмотрѣніи Эмерсона, какъ *философа*, всегда слѣдуетъ помнить, что онъ унитарій. Во всемъ мышленіи его чувствуется подоплека христіанскихъ основныхъ принциповъ: человѣкъ, грѣхъ, наказаніе, Богъ. Какъ въ критикѣ онъ моралистъ, такъ въ философіи унитарій. Унитарная религія отводитъ для спекулятивной философіи лишь столько мѣста, сколько можетъ потерпѣть „либерально" настроенный служитель божій, съ другой стороны—она является защитою отъ наглаго метафизическаго радикализма. Между знаніемъ и вѣрой извивается унитарная философія, мудрая, какъ змій, невинная, какъ голубь; тутъ хватаетъ она яблоко отъ древа познанія добра и зла въ эдемѣ этого міра, тамъ—ревниво слѣдитъ за каждымъ запрещающимъ что-либо движеніемъ головы великаго фетиша. Тамъ, гдѣ унитарная философія не можетъ преодолѣть чего-либо спекулятивнымъ путемъ, тамъ ставитъ она пять человѣкъ, обязанныхъ *вѣрить*, и тогда въ вопросахъ, въ которыхъ позитивисты всего міра до сихъ поръ не смогли разобраться, унитарные философы вѣры разбираются въ промежуткъ времени, короче мысли чело-

вѣческой, доходя до конечныхъ результатовъ, еще никѣмъ не достигнутыхъ: до выводовъ и заключеній. Пріятная и умѣренная унитарная философія, эта тихая пристань и въ жизни, и въ смерти, упованіе, покой, услада усталому сердцу человѣческому, міросозерцаніе, самая сила котораго заключается въ слабости: какъ можно меньше разсужденія.

Эмерсонъ—унитарій. Его философія это полу-мышленіе, полу-вѣра, — никакихъ сомнѣній, никакихъ исканій, а съ самаго начала готовые философскіе выводы. Наблюденія, сопоставленія, опыты, гипотезы—все это не имѣетъ для него никакого интереса,—„философія это— Платонъ". (*Fortnightly Review, IX, 1883*). Этотъ человѣкъ, не создавшій никакой школы, не основавшій никакой системы, не продумавшій ни единой новой мысли, не *открывшій* никогда ни единой новой мысли, не создавшій ни одного, ни единаго оригинальнаго произведенія,—этотъ человѣкъ является единственнымъ философомъ Америки. Въ энциклопедіяхъ и словаряхъ онъ опредѣляется такъ: „Эмерсонъ Р. У., сѣверо-американскій писатель и философъ. Сочиненія: *Representatioe men*".

Чѣмъ же объяснить, что имя Эмерсона, главнымъ образомъ, ставится въ связь съ понятіемъ „мышленіе"? Во-первыхъ, тѣмъ, что онъ—единственный представитель философскаго образованія великой страны янки, во-вторыхъ же, тѣмъ, что онъ и дѣйствительно обладаетъ свойствами, давшими ему возможность завоевать расположеніе публики: онъ въ значительной степени литераторъ, онъ умѣетъ писать. У него счастливыя способности легкаго пера, и онъ умѣетъ съ тактомъ пользоваться ими. Онъ умѣетъ ввести удачнѣйшіе парадоксы въ тонкій и научно разрабатываемый философскій вопросъ; онъ мастеръ произносить славныя, заѣзженныя сентенціи, мастеръ мозаичной работы. Въ моментъ скуки поражаетъ онъ насъ какимъ-нибудь замѣчаніемъ, развѣвающимся словно шелковый флагъ на вѣтру, онъ поддерживаетъ нашу бдительность изящнѣйшими противорѣчіями,

будитъ вниманіе умнымъ положеніемъ, требуетъ участія нашей логической мысли, не смигая. Но онъ отнюдь не мыслитель. Онъ слишкомъ поверхностенъ и слишкомъ женственнен для мыслителя. Въ одной статьѣ Эмерсонъ самъ признается: „мнѣ доставляетъ удовольствіе высказывать то, что я думаю. Но спроси меня кто-нибудь, зачѣмъ я говорю именно такъ или почему это такъ, и я окажусь безпомощнѣйшимъ изъ смертныхъ". Для философіи, въ которой Эмерсонъ такъ сильно подчеркиваетъ чистѣйшую относительность всякой оригинальности, это указываетъ на нѣсколько ограниченный запасъ доказательствъ и основаній.

Въ чемъ заключается философія Эмерсона?

„Философія—это отчетъ, который даетъ себѣ человѣческій разумъ въ устройствѣ міра. Существуютъ два различныхъ факта въ ея основѣ: единство или тождество и множество или разнообразіе" *(Representatioe men, S. 27)*. Прекрасно! Итакъ, философія есть нѣчто съ одной стороны и нѣчто, діаметрально противуположное съ другой діаметрально противуположной стороны. Почему бы не такъ? Мы привыкли ко всему со стороны служителей философіи. „Мы сближаемъ всѣ явленія, чтобы постигнуть законы, связующіе ихъ", продолжаетъ Эмерсонъ нѣсколько туманно съ научной точки зрѣнія, „чтобы постигнуть ихъ внѣшнее многообразіе и внутреннее единство. Но каждый умственный актъ—само это постиженіе единства и множества—уже познаетъ многообразіе вещей. Немыслимо говорить или думать, не охвативъ и того, и другого. Мысль склонна искать единую причину для множества явленій... основное единство". И тутъ Эмерсонъ неожиданно цитируетъ изъ Веды: „Въ центрѣ солнца—свѣтъ, въ центрѣ свѣта—истина, въ центрѣ истины—Вѣчно-Сущій".

Не правда ли, если есть на свѣтѣ нѣчто, что ненавидитъ унитарный мыслитель, такъ это слѣдующее: не найдя послѣдовательной связи, притти къ выводамъ. Эмерсонъ затратилъ половину листа in oktavo для объясненія этой тайны мѣстонахожденія „Вѣчно-Сущаго"; онъ исходитъ изъ того, что Онъ здѣсь, онъ не боится заявить, что Онъ вотъ гдѣ, онъ почти утверждаетъ, что это Богъ. Такъ и хочется спросить, есть ли у него документальныя доказательства.

Далѣе, Эмерсонъ на цѣлыхъ $3^1/_2$ строкахъ поясняетъ, какимъ образомъ два выступающихъ въ философіи главныхъ элемента—положительный и субъективный, которые онъ приблизительно обозначаетъ понятіями дѣйствіе, бытіе и причина, Богъ — противуположны другъ другу. „Тенденція перваго изъ этихъ главныхъ элементовъ есть уклоненіе отъ организаціи (!), это чистое знаніе; тенденція второго есть высшая цѣлесообразность, или умѣнье пользоваться средствами, осуществленіе божества".

Послѣ этого опредѣленія—опредѣленія, въ которомъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ много задней мысли—у Эмерсона проскальзываетъ одна изъ его кратко, ясно *сказанныхъ вещей*, которыя сразу открываютъ, какъ глубоко унитарски настроено его сердце, какъ твердо стоитъ онъ какъ разъ между мышленіемъ и вѣрой:

„Каждый мыслитель, смотря по темпераменту и наклонностямъ, принадлежитъ тому или другому изъ этихъ боговъ нашего духа. По религіи склоняется онъ къ единству, по мысли или чувствамъ своимъ—къ многообразію. Слишкомъ быстрый шагъ къ единству или слишкомъ широкое тяготѣніе къ культу многообразія — вотъ двойная опасность спекулятивнаго мышленія".

Такъ виситъ и колеблется этотъ человѣкъ между небомъ и землей, причемъ чувствуетъ себя превосходно, и восклицаетъ, что опасность именно въ томъ и заключается, чтобы *не* висѣть между небомъ и землей. Идите сами и попробуйте.

Такъ въ чемъ же заключается, наконецъ, философія Эмерсона? Философія Эмерсона это—Платонъ.

Платонъ, по его мнѣнію, высшій мыслитель въ исторіи.

„Платонъ это—философія. Философія это—Платонъ". „Небудь болѣе самимъ собою, а будь платонистомъ". „Слава Платона покоится не на какомъ-нибудь силлогизмѣ, равно и не на мастерскомъ разсужденіи на подобіе Сократа, даже и не на какомъ-либо ученіи вродѣ ученія о безсмертіи души. Онъ болѣе, нежели ученый, наставникъ, геометръ и проповѣдникъ своеобразнаго ученія; онъ представитель человѣческой способности сознанія, привиллегіи силы духа. Онъ возвелъ всѣ факты на ступень соотвѣтственной высоты и каждому факту отвелъ пространство, охватывающее проистекающій отъ него ростокъ истины. Путь его идетъ всюду, не имѣя предѣла, но непрерывно рѣя вокругъ всей вселенной".—Среди „фактовъ", возведенныхъ Платономъ на ступень соотвѣтственной высоты, Эмерсонъ называетъ его ученіе о безсмертіи души и продолжаетъ: „То, что нисходитъ къ намъ отъ Бога, возвращается отъ насъ къ Богу обратно". Онъ любитъ Платона, потому что тотъ такъ сильно нуждается въ божествѣ. „Душа это—отъ природы свободный, освобожденный, божественный элементъ въ человѣкѣ; плоть не можетъ научить мудрости, только Богу это возможно". Онъ восхищается Платономъ, потому что тотъ въ такія древнія времена уже постигъ, что „поэзія, пророчество и глубочайшая прозорливость проистекаютъ отъ мудрости, въ которой не властенъ человѣкъ". Наконецъ, поклоняется онъ Платону какъ разъ за то самое, что онъ любитъ и чѣмъ восхищается: — за то, что онъ—величайшій богопочитатель: „Платонъ стоитъ между истиной и мыслью каждаго человѣка. Онъ проникъ въ міры, недоступные человѣку во плоти; онъ видѣлъ души въ адской мукѣ, онъ слышалъ судъ Господень... Я былъ пораженъ высшей степенью современности какъ въ формѣ его изложенія, такъ и въ его духѣ. Въ идеяхъ Платона—и ни въ чьихъ идеяхъ до него—находимъ мы весь, столь знакомый намъ, духъ Европы, со всей долгой исторіей ея войнъ и эволюціи искусства, въ нихъ, въ этихъ идеяхъ Платона, вся грядущая борьба за прогрессъ.

„Европа съ тѣхъ поръ распалась на тысячи историческихъ областей, но это не внесло никакого новаго элемента въ европейскую исторію Платона. Платонъ сталъ Европой и философіей и почти литературой... У Платона можно почерпнуть доказательства обѣихъ сторонъ любого вопроса".

Разберемъ немножко это изреченіе; оно тоже характерно для удивительной способности Эмерсона „сказать вещь". Натяжка въ отождествленіи Платона съ Европой, философіей и литературой не важна, ее можно и пропустить; она относится къ числу *американскихъ* гиперболъ, и въ ней есть свое достоинство, хотя бы въ качествѣ образца славнаго стиля янки. Взамѣнъ того, любопытно прослѣдить достоинство логическаго содержанія этихъ различныхъ положеній.

Что восхищаетъ Эмерсона въ Платонѣ, такъ это *безошибочность* его мышленія. Сама Европа цѣликомъ выполнила его предначертанія и не отступила отъ нихъ ни единымъ „новымъ элементомъ". При этомъ, разъ Платонъ „стоитъ между истиной и мыслью каждаго человѣка", то каждому человѣку приходится пройти сквозь или черезъ Платона, чтобы найти истину. Подходишь къ этому непогрѣшимому Платону и видишь, что у него находятся „доказательства для *обѣихъ сторонъ* вопроса", какъ за, такъ и противъ! Не смотря на даръ разсужденія, которымъ долженъ былъ, стало-быть, обладать Платонъ, разсужденія его все же были „отнюдь не мастерскія выходки", подобныя разсужденіямъ Сократа. Но, кромѣ того, Платонъ былъ настолько больше Сократа и любого въ мірѣ „геометра", что онъ прямо таки „представлялъ собою способность сознанія, привиллегію силы духа!"

Далѣе. Въ своей статьѣ о Шекспирѣ Эмерсонъ совершенно справедливо указываетъ, что всякая оригинальность относительна и каждый мыслитель ретроспективенъ. Онъ постулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Великіе люди узнаются скорѣе по характеру и объему, нежели по оригинальности".

„Нетрудно убѣдиться, что все сдѣланное или написанное на свѣтѣ геніями, не составляетъ работы одного человѣка, а является результатомъ работы цѣлыхъ тысячъ людей". И въ доказательство къ этому онъ даже приводитъ библію. Въ статьѣ же о Платонѣ, заключающейся въ той же самой книгѣ и являющейся одной изъ шести разсужденій, изъ которыхъ состоитъ его главное философское сочиненіе, Эмерсонъ проводитъ, наоборотъ, какъ разъ противуположное ученіе. „Платонъ — философія, а философія — Платонъ". „Онъ проникъ въ міры, недоступные человѣку во плоти". „Въ Платонѣ — зародышъ той Европы, которую мы такъ хорошо знаемъ въ ея долгой исторіи съ ея искусствомъ и войнами, въ немъ вся исторія грядущей борьбы за прогрессъ, заключенная въ идеяхъ Платона — *которыхъ никто не выражалъ до него*".

Между первымъ и послѣднимъ изъ приведенныхъ отрывковъ лежатъ не дни и годы, а также и не измѣнившееся философское міросозерцаніе; во времени между ними лежатъ 3—три—недѣли, а въ пространствѣ 95—девяносто пять—страницъ in oktavo.

Доказавъ, какъ можно яснѣе, какою оригинальностью обладалъ Платонъ, проникавшій въ иные міры и постигавшій судьбы цѣлой части свѣта, —чего до него никто не могъ постигнуть,—Эмерсонъ снова сбивается съ пути и снова ставитъ своего читателя втупикъ. Дѣло въ томъ, что Эмерсонъ въ концѣ концовъ и самъ-то хорошенечко не знаетъ, въ чемъ именно состояла оригинальность Платона. Произведенія его могли вѣдь быть и произведеніями другихъ писателей; конечно, до него никого не было, положительно никого; и однако же, всетаки и до него, можетъ быть, былъ кто-нибудь другой! Онъ говоритъ прямо: „Когда мы прославляемъ Платона, то этимъ самымъ мы словно прославляемъ цитаты изъ Солона, Софрона, Филолая". И прибавляетъ: „Пусть такъ. Каждая книга есть цитата, каждый домъ—цитата изъ всѣхъ лѣсовъ, рудниковъ и каменоломенъ, и каждый человѣкъ—цитата изъ своихъ предковъ".

Выводъ, къ которому въ концѣ концовъ приходишь, слѣдовательно, таковъ: цитируемый Платонъ сидѣлъ въ цитированномъ домѣ и цитировалъ цитаты изъ Солона, Софрона и Филолая, чтобы этимъ путемъ создать цитату, къ которой *до него* никто не имѣлъ не малѣйшаго отношенія!—Вспомнимъ слова самого Эмерсона: „не трудно убѣдиться, что наилучшее произведеніе „есть результатъ работы тысячъ". Но сочиненія Платона обнаруживаютъ же писателя „проникшаго въ міры, недоступные человѣку во плоти". Однако, если Платонъ не самъ создалъ свои произведенія, сколько же людей во плоти должны были гуртомъ остаться въ земномъ царствѣ въ то время, какъ тысячи платоновыхъ сотрудниковъ проникали въ иные міры? Надо думать, что въ Греціи, во времена Платона, люди во плоти были, по меньшей мѣрѣ, очень рѣдки. Только Сократъ, бѣдняга, былъ такимъ человѣкомъ, „невѣжественнымъ уличнымъ спорщикомъ", къ сожалѣнію, оказавшимся во плоти.

Эмерсонъ прочелъ Платона не безъ пользы. Онъ нашелъ у него и усвоилъ себѣ „обѣ стороны вопроса". Эти обѣ стороны дали ему возможность говорить самыя двойственныя вещи, какія когда-либо говорились мыслителемъ въ какой бы то ни было странѣ. Тотъ самый человѣкъ, который въ одномъ очеркѣ восхищается этой двойственностью въ Платонѣ, въ другомъ очеркѣ объявляетъ съ неменьшимъ восхищеніемъ: „Я люблю факты. Фактическое существованіе мухи стоитъ большаго, нежели сомнительное существованіе ангела". И въ обоихъ мѣстахъ человѣкъ сказалъ замѣчательную вещь.

Такъ въ чемъ же въ концѣ концовъ заключается философія Эмерсона? Въ концѣ концовъ философія Эмерсона какъ разъ такова, какой она здѣсь и представлена, не больше и не меньше. Это философія въ полтораста страницъ, которую продаютъ за одинъ шиллингъ въ переплетѣ. Это философія о „выдающихся людяхъ". Шекспиръ является предста-

вителемъ поэтовъ, Монтэнь—скептиковъ, Наполеонъ—житейскихъ людей, Гёте—писателей, Сведенборгъ—мистиковъ, а Платонъ—философіи. Всѣ эти люди были великими людьми, а потому—у нихъ можно кой-чему научиться. Занимаясь Платономъ, Эмерсонъ пришелъ къ нѣкоему пункту, который, не смотря на всѣ его противорѣчія, твердо стоитъ передъ читателемъ, „основное единство: Богъ и безсмертная душа". Такъ какъ Платонъ былъ тѣмъ, кто, въ глазахъ Эмерсона, открылъ какъ Бога, такъ и душу, то Платонъ и есть философія. У Эмерсона всенепремѣнно долженъ былъ быть Богъ, Богъ это самое жирное словечко, когда-либо попадавшее ему въ ротъ; будь онъ скандинавомъ, онъ бы написалъ его „Guud" (Бооггъ). Богъ и душа—итогъ его философіи; есть міръ—потому что есть Богъ. Эти чистыя истины составляютъ главнѣйшій результатъ его философическихъ изысканій. Въ этомъ состоятъ и всѣ его разсужденія.

Въ стремленіи своемъ доказать необходимую связь души съ Богомъ, Эмерсонъ еще разъ разбиваетъ вдребезги ученіе объ относительной оригинальности. Какъ только проникаетъ онъ въ область божественнаго, на него тотчасъ же нападаетъ чисто азіатская блажь и онъ говоритъ „мое почтеніе!" всѣмъ ранѣе изложеннымъ теоріямъ. „Нетронутая (*inviolate*) душа находится въ непрерывномъ телеграфическомъ общеніи съ первоисточникомъ всякой вещи", говоритъ онъ. И еще вразумительнѣе подтверждаетъ это, говоря: „Центральнымъ фактомъ является сверхчувственный разумъ, льющійся на насъ изъ невѣдомаго источника, дабы быть воспринятымъ религіознымъ настроеніемъ души, оградивъ себя отъ всякаго сліянія съ нашей собственной волей". На кой же прахъ нужны здѣсь „тысячи сотрудниковъ?" Разъ нетронутая душа очутится въ безвыходномъ положеніи, въ невозможности какъ-нибудь найтись, дать какой-нибудъ отвѣтъ на вопросъ, то вѣдь не обратится же она къ Платону за объясненіемъ, которое исходитъ, по словамъ Эмерсона, „фактически"

прежде всего изъ невѣдомаго источника, подобно телеграммѣ. Чувствуешь себя насквозь промокшимъ, читая объ этомъ источникѣ, который течетъ прямо на тебя. И словно самъ боясь, что телеграмма, пожалуй, не дойдетъ, Эмерсонъ даетъ въ себѣ волю унитарію, который и добавляетъ: „Поистинѣ, нечего намъ задаваться вопросами, на которые нѣтъ отвѣта". Поистинѣ, это нѣсколько странное положеніе въ устахъ мыслителя! Передъ самыми жгучими загадками стоитъ онъ смирно, ничего не допытывается, удаляется на покой, присоединяется къ псалмопѣвцамъ.—Что же касается безсмертія души, то Эмерсонъ доказываетъ его цитатой изъ Эмерсона: „Если корабль мой потонетъ, то онъ погрузится лишь въ другое море". Въ заключеніе Эмерсонъ цитируетъ еще нѣсколько строкъ изъ взглядовъ Фокса на вѣчность: „И былъ океанъ мрака и смерти, но былъ и безконечный океанъ свѣта и любви, затопившій океанъ мрака и смерти". Потому что душа безсмертна!

И вотъ съ подобной-то возней надъ морально-философскими вопросами Эмерсонъ попалъ въ мыслители. Все ученіе его заключается въ слѣдующемъ: душа въ тѣлѣ и Богъ въ небѣ. Чего онъ ищетъ у философовъ, такъ это „мудрости" въ томъ, что самъ онъ объявляетъ „ученіемъ о нравственности". Мудрость Платона безгранична, мудрость Бемена „здрава и прекрасна", Сведенборга, по его мнѣнію „плѣнительна", Монтэня — „безнравственна", Шекспира — „невѣроятна",—отъ мудрости требуетъ онъ извѣстныхъ свойствъ и опредѣленнаго значенія. Какъ будто научная философія заботится о какой-либо опредѣленной морали! Есть люди, которые такъ же не могутъ себѣ представить философію порока, какъ и философію добродѣтели. Моралистическая философія Эмерсона совершенно та же, что встрѣчается во всѣхъ унитарскихъ обиходныхъ сборникахъ проповѣдей (сборники Parker'a, Channing'a и др. проповѣдниковъ). Его философія, повидимому, такова же, какъ и всѣхъ порядочныхъ

людей отъ добродушнаго посыльнаго до добродѣтельнаго китолова. Эмерсонъ не даритъ собою моральную философію новымъ мыслителемъ, а лишь проповѣдникомъ. Способности у него были главнымъ образомъ литературныя; что бы онъ ни говорилъ и что бы ни писалъ, во всемъ проявлялъ онъ свой талантъ. Изъ него черпаютъ его соотечественники эпиграфы для своихъ доброкачественнѣйшихъ и невиннѣйшихъ книжекъ. Онъ сталъ Эзопомъ американской нравственной толпы.

Иногда литературный талантъ его заводилъ его на ложный путь; это было въ тѣхъ случаяхъ, когда ему казалось, что ему слѣдуетъ быть глубокомысленнымъ. Всѣ мы и такъ уже привыкли ко множеству непостижимыхъ, хотя и великолѣпныхъ вещей въ сочиненіяхъ философовъ; но особенно интересно видѣть, какъ ученый янки тужится надъ бездною премудрости. Вотъ образчики достойныхъ оракула выраженій Эмерсона, въ которыхъ, однако же, нашли какую-то глубину: „*Знаніе, это—познаніе, котораго мы не разумѣемъ*“.—Это такъ вѣрно, такъ вѣрно! Правда, я не понимаю изъ всего этого ни слова; но за Эмерсономъ въ этомъ случаѣ вѣчная истина. Не правда ли, онъ былъ бы неправъ, если бы сказалъ: Разумѣніе есть познаніе, котораго мы не знаемъ. Вотъ что значитъ перевернуть вопросъ вверхъ дномъ!—Другое выраженіе, если это возможно, еще замѣчательнѣе: „Подробности это—меланхолія“.—Да, разумѣется, подробности—меланхолія. Это знаетъ каждая самая ограниченная коночная кляча. Слыхано ли кѣмъ-нибудь, чтобы подробности были горною цѣпью или шторой? Да, скажите на милость! Хотѣлъ бы я посмотрѣть на того, кто скажетъ, что подробности меньше походятъ на меланхолію, чѣмъ на любой шелковый зонтикъ въ мірѣ! Итакъ, подробности это—меланхолія....

Ральфъ Уальдо Эмерсонъ умеръ въ 1882 г.

Само собою разумѣется, въ Америкѣ есть нѣсколько писателей, которые могутъ быть включены въ исторію литературы; въ этой работѣ моей, тѣмъ не менѣе, нѣтъ основанія производить подробный разборъ ихъ. Я выбралъ для нѣсколько болѣе подробнаго изложенія двухъ американскихъ писателей, ставшихъ довольно извѣстными у насъ на родинѣ, чтобы доказать, какъ сильно можно ошибиться, выбирая для переводовъ страны, а не литературу. Моя задача заключается въ томъ, чтобы указать, какую *духовную жизнь* отражаетъ и утверждаетъ въ народѣ такая литература, какъ въ Америкѣ, какія сѣмена она сѣетъ и какую жатву пожинаетъ. Уитманъ и Эмерсонъ считаются наиболѣе характерными національными представителями мѣстной литературы,—это незавидно для Америки; первый былъ неопредѣлившійся поэтъ, второй—сочинитель литературныхъ проповѣдей. Я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что американская литература нуждается во вліяніи иностранныхъ и много болѣе передовыхъ литературъ, изъ патріотизма обложенныхъ конгрессомъ крупнымъ налогомъ. Если бы литература пожелала послужить средствомъ къ движенію впередъ, она измѣнила бы и форму, и содержаніе. Но прежде всего для этого должны были бы появиться *скептики* въ этой великой странѣ, мужчины и женщины, сомнѣвающіеся въ томъ, чтобы Америка была наиболѣе культурной страной въ мірѣ. Національное самодовольство должно примолкнуть, патріотизмъ долженъ быть подавленъ. До сихъ поръ самое священное имя въ Америкѣ, это имя президента! Когда хоть немножко знакомъ съ тѣмъ, какіе геніи, какіе мужи обитали подъ сѣнью Бѣлаго Дома въ продолженіе многихъ поколѣній, то становится какъ-то не по себѣ за тотъ народъ, который способенъ канонизировать ихъ. Разъ американцы, даже въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ они отстали, взимаютъ плату, чтобы избѣжать руководства, то у наблюдателя является убѣжденіе, что нѣтъ ни искорки творчества въ современной духовной жизни этой страны.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЯ ИСКУССТВА.

ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА.

Переходя къ изобразительнымъ искусствамъ Америки, получаешь опять-таки то впечатлѣніе, что эти искусства крайне нуждаются въ постороннемъ вліяніи, которое давало бы имъ импульсъ. Они также являются плодомъ свойственной странѣ матерьялистической атмосферы, они внушены клерикальнымъ духомъ Бостона, взращены тупымъ патріотизмомъ. Американцы — народъ торговый, ихъ дѣло — купля и продажа, а не творчество въ области искусства и не оцѣнка искусства. Все касающееся торговыхъ и денежныхъ оборотовъ, тотчасъ находитъ глубокій откликъ въ ихъ сердцѣ, дыханіе же искусства, наоборотъ, проносится надъ ними, едва касаясь поверхности ихъ сознанія. Они никогда не даютъ себѣ покоя и у нихъ никогда не бываетъ времени вдуматься. Истый янки, обладающій дѣйствительно національнымъ вкусомъ, гораздо больше наслаждается обсужденіемъ патента въ Атенеумѣ, нежели оперой Вагнера, и если бы опера не относилась къ хорошему тону, то, можетъ быть, тамъ не бывало бы также ни дамъ, ни барышенъ. Американцы отнюдь не стоятъ *на стражѣ* искусства. Я не требую отъ нихъ, чтобы они создали свое искусство, но пусть они воспримутъ его, разъ оно само имъ представляется, пусть приладятъ его согласно собственному національному характеру, пусть переродятъ его по своему. Янки — народъ молодой, но достаточно взрослый, чтобы можно было ихъ тронуть искусствомъ, повліять на нихъ, во всякомъ случаѣ произвести на нихъ

впечатлѣніе. Сама природа въ странѣ такова, что должна бы вселять въ нихъ чувства прекраснаго; вѣдь смотрятъ же они на солнце и на море — на солнце, равнаго которому по силѣ нѣтъ въ иныхъ поясахъ — у нихъ бѣлыя звѣзды зимою и красныя грозовыя тучи въ теплыя лѣтнія ночи; въ ихъ лѣсахъ трепещетъ своеобразная, интенсивная жизнь, птичье пѣніе, крики животныхъ и осторожные шаги хитраго, крадущагося звѣря; вокругъ нихъ струятся краски, и благоуханія, и восхитительные звуки всего міра прерій, — но они ихъ не замѣчаютъ. Ничто не можетъ отвлечь занятую разсчетомъ мысль американца, никакая красота не можетъ заставить его забыть экспорта и рыночныхъ цѣнъ ни на одно мгновеніе. Во всѣхъ этихъ штатахъ втеченіе многихъ лѣтъ, быть можетъ, явится какое-нибудь исключеніе, но не много ихъ, очень, очень мало. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что американское искусство стоитъ такъ невысоко, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Къ этимъ-то людямъ, лишеннымъ иного чувства, какъ потребности желудка, является мѣстное искусство и стучится у ихъ дверей; отъ этихъ людей ждетъ оно поощренія. Оно не осмѣливается требовать хоть самаго жалкаго пониманія, даже если бы и было что понимать; оно встрѣчаетъ лишь наивнѣйшую оцѣнку и глупѣйшую критику. Наконецъ, этимъ же людямъ мѣстное искусство, волей или неволей, отдаетъ себя на судъ на выставкахъ. Въ Америкѣ есть много джентельменовъ, не умѣющихъ отличить пастели отъ *Cromo* или одну школу отъ другой, — но если только онъ можетъ перечислить рядъ президентовъ, знаетъ дату знаменитой битвы при Атлантѣ, вѣритъ въ Бога и обладаетъ милліономъ, то этого самого по себѣ достаточно, чтобы получить мѣсто члена жюри при выставкѣ картинъ.

Въ Америкѣ 88 академій искусствъ съ 190 профессорами, обучающими 3.000 учениковъ. Если бы только въ этой странѣ, такой молодой и обладающей такими прекрасными

средствами, доставали *мастеровъ* своего дѣла для преподаванія въ этихъ академіяхъ, и если бы еще были немножко поразборчивѣе въ выборѣ этихъ учениковъ изъ трехъ тысячъ! Но ничего подобнаго нѣтъ. Изъ американскихъ художниковъ, насколько я знаю, трое получили медали въ Европѣ, пожалуй, шестеро получили извѣстность и вполнѣ заслуженно. Конечно, можно было бы набрать съ десятокъ талантовъ среди собственно американскихъ художниковъ и тогда остальныхъ профессоровъ пришлось бы пригласить изъ другихъ странъ; но объ этомъ и думать нечего — вѣдь они должны быть прежде всего національны! А между тѣмъ тутъ наблюдается характернѣйшее явленіе, которое слѣдуетъ отмѣтить: какъ только всплываетъ на поверхность въ Америкѣ дѣйствительно значительный художникъ, онъ тотчасъ покидаетъ свою родину при первой возможности и уѣзжаетъ въ Европу. Вотъ что должно бы послужить указкой для американскихъ законниковъ, налагающихъ запреты, но этого тоже отнюдь нѣтъ; они предоставляютъ художникамъ разъѣзжаться. Слѣдствіемъ является то, что въ академіяхъ обходятся старичками, слишкомъ отжившими, чтобы предпринять переселеніе, или молодыми, подающими надежды диллетантами, — которые опять-таки создаютъ молодыхъ, подающихъ надежды, диллетантовъ.

Американская художественная выставка представляетъ весьма спутанное зрѣлище. Здѣсь не полагается никакой цензуры при выборѣ, а потому можно встрѣтить мастерскую вещь, геніальный набросокъ изъ старой культурной страны, рядомъ съ безвкуснѣйшей бездарностью изъ Дакотскихъ прерій. Да и къ чему послужила бы цензура? Жюри состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ городскихъ бургомистровъ и извѣстнаго числа зажиточныхъ людей, людей съ положеніемъ, потому что они богаты и крѣпко вѣруютъ въ Бога, но не имѣющихъ ни художественнаго развитія, ни пониманія, людей, которые развѣ только по утрамъ, передъ тѣмъ, какъ занять свое мѣсто въ жюри, получаютъ кой-какія указанія насчетъ

эстетики отъ своихъ женъ и дочерей, немножко занимающихся живописью. Американское искусство цѣликомъ представлено въ изображеніяхъ съѣстныхъ припасовъ: тутъ и яблоки, виноградъ и груши, тутъ и рыба и всевозможныя ягоды и ощипанные пѣтухи и сырые бычачьи окорока на всѣхъ стѣнахъ. Есть, между прочимъ, и крупные холсты, и рамы весьма вѣсской цѣнности; тутъ могутъ быть и рамы, у которыхъ на обратной сторонѣ кольца золотыя, филигранной работы. Эти картины не отправляются въ галлереи или на художественныя выставки, богатые люди покупаютъ ихъ у меблировщиковъ столовыхъ залъ. Потому что, разъ всѣмъ извѣстно, что эти картины идутъ въ ходъ, тотчасъ же открывается цѣлая промышленность, настоящая фабрикація пѣтуховъ и бычачьихъ окороковъ. Картины пишутся съ опредѣленнымъ намѣреніемъ изготовить мебель въ столовую; имъ придаютъ декоративный видъ, необходимый для украшенія стѣнъ, у нихъ яркія краски и рѣзкіе контуры фигуръ. Даже бычачьимъ окорокамъ придаютъ декоративный характеръ, съ удовольствіемъ украшая ихъ прекрасной розой или бантикомъ у обрубка кости. У мертвой птицы на доскѣ декоративно распластанныя крылья, каждое перышко написано великолѣпными красками, эти мертвыя крылья летятъ надъ доской такъ, что прямо любо-дорого. Если при этомъ у подобной картинки, мало-мальски прилично написанной, найдется въ уголкѣ болѣе или менѣе извѣстное имя янки, да еще она въ рамѣ, на которой нѣтъ ни пятенъ, ни царапинъ, то у нея живо найдется покупатель—богачъ увѣшиваетъ свою столовую рѣдкостями. У подобнаго американскаго жюри такъ мало художественной стыдливости, что оно принимаетъ и дѣтскія работы, *потому что* это дѣтскія работы, и даетъ имъ мѣсто, гдѣ придется, охотнѣе всего на видномъ мѣстѣ. На этихъ дѣтскихъ наброскахъ вѣшается билетикъ, на которомъ написано, что художнику двѣнадцать лѣтъ, и что онъ сирота: На угольной мазнѣ, изображающей двухъ пѣтуховъ, билетикъ

оповѣщаетъ публику о томъ, что художнику пятнадцать лѣтъ, что онъ глухонѣмой и хромой. Что за дѣло эстетикѣ до благотворительности? Въ качествѣ художника, я, не задумываясь, стащилъ бы со стѣны этихъ пѣтуховъ,—произведеніе калѣки. Эти картины прямо издѣваются надъ посѣтителемъ и убиваютъ окружающія произведенія. Стоитъ разъ бросить взглядъ на эту невозможную живопись, и ее уже никогда не забудешь, она разъ навсегда произвела впечатлѣніе своей нескладной пошлостью, она уже революціонизировалась у васъ въ глубинѣ вашей памяти и останется тамъ; невозможно окончательно раздѣлаться съ нею. Увидишь разъ въ жизни пару такихъ пѣтуховъ, и они изо дня въ день будутъ стоять у васъ въ глазахъ; они встаютъ передъ вами въ ту минуту, когда вы этого наименѣе ожидаете, они валятся на бумагу, на которой вы только что собрались писать, садятся на абажуръ, цѣпляются за стѣнной календарь, они такъ плачевно взираютъ на міръ, со своими необычайно тонкими лапами, что сердце разрывается, на нихъ глядя.

Разумѣется, есть и на американскихъ художественныхъ выставкахъ что-нибудь хорошее среди всей этой посредственности, особенно, если выставка охватываетъ весь союзъ. Лучшій родъ въ американской живописи это пейзажъ; въ немъ страна дѣйствительно обладаетъ крупными установившимися именами, людьми, достигшими истинной рутины въ изображеніи дуба.—На истинно американскомъ пейзажѣ постоянно видишь слѣдующее: дѣвица доитъ корову на зеленомъ лугу, возлѣ крупнаго лѣса, у голубой скалы, подъ чистымъ небомъ. Снова подъ иною личиной является лунный свѣтъ, царящій въ поэзіи. Этотъ пейзажъ американскіе художники создаютъ по памяти, причемъ все у нихъ идетъ гладко, безъ сучка и задоринки. Краски у коровы словно у колибри, лѣсъ состоитъ изъ отборнѣйшихъ деревьевъ, а скалы выстроились въ такомъ порядкѣ, что либо подножіемъ своимъ попираютъ землю, либо вершиной продырявливаютъ небо.

— Ахъ! такъ и хочется схватиться за верхушки этихъ скалъ и вытянуть ихъ посмѣлѣе къ небу! А въ небо такъ и хочется пустить облачко!

Жалкое и робкое искусство, полетъ въ лазурь, въ безмятежность міра, а главное —искусство по духу и содержанію совершенно подобное литературѣ. Если изображена пастушеская сцена, то въ этой пастушеской сценѣ всѣ безукоризненно одѣты; на воздухѣ можетъ быть хоть 100 градусовъ Фаренгейта, трава можетъ высохнуть отъ жары, но ни пастушокъ, ни пастушка не растегнутъ ни одной пуговки. Если изображена внутренность комнаты, то на стѣнѣ непремѣнно виситъ „Кроткій утѣшитель" и Георгъ Вашингтонъ, на роялѣ стоитъ открытый *Saukey*, а стѣнной календарь подъ зеркаломъ показываетъ 23 августа, воскресенье. Въ этомъ помѣщеніи сидятъ на мягкихъ креслахъ двое и любятъ другъ друга! — Долой пуговицы! Поставьте календарь на понедѣльникъ, на свободный, голубой[1]) понедѣльникъ, выпустите на сцену борьбу и радость жизни! Я не требую какихъ-то безумствъ или тяжкихъ грѣховъ—это все вопросы морали, вещи, рѣшаемыя каждымъ по своему,—я прошу жизни, живого тѣла подъ платьемъ, а это уже вопросъ искусства. Пусть эти влюбленные покажутъ намъ, что пульсъ ихъ бьется, а грудь трепещетъ; пусть они покажутъ намъ, что жизнь струится у нихъ подъ кожей, что плоть ихъ сжигаетъ пламя *человѣка*!

Одинъ лунный свѣтъ. То, о чемъ въ американской литературѣ говорится многоточіемъ, въ американской живописи говорится одеждой; дальше этого дѣло не идетъ, да и не пойдетъ, пока не получитъ новой руководящей нити.

Въ скульптурѣ Америка сильнѣе всего въ изображеніи животныхъ; кошка и собака—вотъ первое и послѣднее ихъ дерзновеніе, идя дальше, они дойдутъ и до негра. Индѣецъ въ военной одеждѣ, распятый Христосъ, бюстъ Вашингтона—

[1]) Понедѣльникъ, въ который не работаютъ.

вотъ въ наше время все снова и снова повторяемые въ американской скульптурѣ типы изъ жизни. Время отъ времени попадается вамъ на глаза гипсовая фигура, на которую невольно обратишь вниманіе, потому что на пьедесталѣ ея начертано нѣсколько словъ, вродѣ стишка. Фигура представляетъ собою образъ женщины, аккуратно прикрытой, невыразимой красоты,—американскую Венеру, съ таліей не толще дѣтской шейки, а стишокъ даетъ вамъ понять, что каждая женщина можетъ сдѣлаться столь же прекрасной, если выпьетъ столько-то бутылокъ Sarsaparilla Айера. Гипсовая фигура — реклама патентованнаго медицинскаго препарата.—Далѣе видимъ мы еще группу: женщина умываетъ лицо мальчику-подростку, а стишокъ оповѣщаетъ насъ о томъ, что каждый можетъ сдѣлаться такимъ же бѣлымъ, какъ этотъ мальчикъ, если станетъ употреблять извѣстный сортъ мыла. Произведеніе искусства рекламируетъ мыльный заводъ Пэра въ Бруклинѣ.

Осуждаешь эту профанацію, быть можетъ, сожалѣешь, что искусство такъ непосредственно служитъ рекламѣ; но въ то же мгновенье вспоминаешь, въ какой странѣ находишься, и начинаешь сочувственно привѣтствовать эти гипсовыя рекламы. Почему бы нѣтъ? Онѣ не безъ юмора, а иной разъ представляютъ собою и весьма остроумныя изобрѣтенія. Само собою разумѣется, онѣ не имѣютъ высокой художественной цѣнности, это просто объявленія, вывѣски; но эта не лунная лирика, онѣ изображаютъ жизнь, передаютъ состояніе, представляютъ какое-либо дѣйствіе. И, наоборотъ, что стану я дѣлать въ повседневной жизни съ индѣйцемъ? Индѣйцы даже понятія не имѣютъ о томъ, что въ жизни есть такое чудо, какъ мыло. Эти рекламныя художественныя произведенія—первые опыты національнаго искусства; они соотвѣтствуютъ журналистикѣ въ литературѣ и, подобно ей, представляютъ собою самое цѣнное, оригинальное въ американскомъ искусствѣ. Американское искусство способно каждаго лишить всякаго благороднаго честолюбія. Изображеніе добропорядочнаго покойнаго президента временъ короткихъ брюкъ, или болѣе или менѣе вѣрная копія съ Венеры Милосской до сихъ поръ являются его наивысшей задачей. О президентѣ извѣстно только то, что единственнымъ его талантомъ была честность, а о Венерѣ Милосской то, что передъ нею преклонялся весь міръ. Она стоитъ на всѣхъ окнахъ, красуется на всѣхъ полкахъ, возвышается надъ каждымъ пьянино, находится въ домѣ каждаго банкрота, воспѣта каждымъ поэтомъ. Въ Америкѣ она является наивысшимъ, что старается воспроизвести скульпторъ, въ Парижѣ она составляетъ чуть не весь Лувръ. Я не говорю о ея длинной шеѣ, которая могла бы быть короче; я не говорю и о ея драпировкахъ, которыя составляютъ декорацію, драпировкахъ, которыя скрываютъ вмѣсто того, чтобы прикрывать; я принимаю ее, какъ она есть,—какъ откровеніе. Чувство мое по отношенію къ ней—глубочайшая эстетическая радость; это поистинѣ красота почти безупречная. Но Венера Милосская слишкомъ далека душѣ моей. Она могла бы быть и закладкой для книги. Я никогда ни на одномъ рыбномъ рынкѣ не встрѣчалъ женщины, на лицѣ которой было бы такъ мало выраженія, какъ у нея. Когда человѣкъ стоитъ на какомъ-нибудь мѣстѣ, то стоитъ онъ на этомъ мѣстѣ на томъ или иномъ основаніи,—Венера же Милосская стоитъ на своемъ пьедесталѣ положительно безъ малѣйшей необходимости, стоитъ себѣ и только красива. Это—дѣвственная неприступная чистота; если я дотронусь до нея, я ее запятнаю. Я не люблю этой дамы, она лишаетъ меня всякой иллюзіи, убиваетъ во мнѣ всякій порывъ, наполняетъ меня пустымъ эстетическимъ наслажденіемъ, которое не обогащаетъ меня. Одна рука, а не то и обѣ руки только придали бы тѣлу ея цѣльность, которой ему не хватаетъ, цѣльность человѣка, который выражаетъ такъ мало. Съ нѣкоторой аффектаціей, съ нѣкоторымъ поэтическимъ „понима-

ніемъ искусства" можно, пожалуй, представить себѣ ея тѣло одушевленнымъ; въ слѣдующемъ столѣтіи впечатлительные люди, быть можетъ, почувствуютъ пульсъ и въ ея драпировкахъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ американскій скульпторъ напалъ на мысль оказать своей странѣ услугу; онъ былъ республиканцемъ въ политикѣ и патріотомъ по натурѣ,—а потому многіе стали думать, что не можетъ быть ему равнаго въ искусствѣ. Онъ высѣкъ пьедесталъ, человѣка, вытянувшагося во весь ростъ и колѣнопреклоненнаго негра; эти три вещи соединилъ онъ посредствомъ желѣзныхъ брусьевъ въ одну группу. Человѣкъ стоящій во весь ростъ—рабовладѣлецъ, въ рукахъ у него плеть, а когда человѣкъ держитъ плеть въ рукахъ, то онъ въ высшей степени рабовладѣлецъ. Негръ—рабъ, онъ стоитъ на колѣняхъ, онъ молитъ; а ужъ если негръ молитъ, то это, конечно, диво. И вся Америка нашла, что эта работа—диво. Художникъ оказался человѣкомъ съ свѣтлой головой, у него былъ на лицо великій талантъ изобрѣтательности, свойственный его соотечественникамъ: онъ высѣкъ чернаго негра изъ бѣлаго мрамора, а бѣлаго рабовладѣльца—изъ чернаго. Снова „Хижина дяди Тома", ни дать ни взять—„Хижина дяди Тома"! Госпожа Битчеръ-Стоу не могла яснѣе выразить словами, чѣмъ эта группа выражала камнемъ, какими *черными* варварами были обитатели южныхъ Штатовъ, разъ они могли заставлять этихъ *бѣлыхъ* созданій трудиться на хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ ради пищи, одежды и вознагражденія. А вся группа указывала на примѣръ свободолюбія и человѣколюбія сѣверныхъ Штатовъ, освободившихъ этотъ народъ отъ рабства. Художникъ былъ патріотомъ, а съ этого времени сталъ онъ весьма вліятельнымъ человѣкомъ, получилъ имя, почетъ, хорошія средства и положеніе въ свѣтѣ. Но эта группа не сообщала о томъ, что эта самая страна, освободившая тогда нѣсколько тысячъ негровъ, изо дня въ день держитъ 1 милліонъ 119 тысячъ своихъ собственныхъ дѣтей на положеніи рабовъ въ своихъ собственныхъ шахтахъ,—объ этомъ группа умалчивала *). Потому что она вовсе не должна была служить проповѣдью противъ рабства вообще; это отнюдь не входило въ планы скульптора; она, во-первыхъ, должна была служить политической рекламой для республиканской партіи, къ которой онъ принадлежалъ**), и, во-вторыхъ, должна была явиться предметомъ патріотическаго благоговѣнія всего его отечества. И этого она вполнѣ достигла: она произвела сенсацію, сдѣлалась извѣстнѣйшимъ произведеніемъ искусства всей страны.

Само собою разумѣется, что американская скульптура въ высшей степени стыдливая скульптура. И не думайте искать здѣсь человѣка безъ фиговаго листа! Даже маленькій ребенокъ, играющій своимъ башмачкомъ, не можетъ играть башмачкомъ безъ фиговаго листа, а стой въ Америкѣ *Ева* Дюбуа (Eve nouveau-née), то не долго простояла бы она тамъ безъ набрюшника. Во всѣхъ изобразительныхъ искусствахъ Америки—такъ же, какъ и въ ея литературѣ—царствуетъ величайшая щепетильность во всемъ, что касается обнаженнаго тѣла. Художники разсказывали мнѣ, что они никогда

*) Въ это число входятъ и совсѣмъ маленькія дѣти, работающія на металлургическихъ заводахъ, а эта работа еще тяжелѣе, чѣмъ въ рудникахъ. Дѣти отъ 6 до 15 лѣтъ; въ одной только области (въ Люцернскомъ county) до 3 тысячъ этихъ малютокъ заняты въ шахтахъ. Тамъ въ низахъ жара доходитъ до 95% *F.*; закономъ установленъ срокъ пребыванія тамъ ребенка безъ перерыва; они почти не посѣщаютъ школы, а вознагражденіе, получаемое ими, даже приблизительно не равняется платѣ, даваемой Южными штатами своимъ неграмъ (см. статистическія данныя *North American Review* 1884 г.). Въ этой же странѣ, гдѣ дѣтское рабство процвѣтаетъ съ такой необычайной силой, на стѣсненіе иммиграціи смотрятъ такъ же, какъ на средство оградить собственныхъ рабочихъ отъ безработицы. Не освободить ли лучше дѣтей, какъ освободили негровъ? *Такое* нововведеніе въ результатѣ дало бы работу отъ 7 до 800 тысячамъ взрослыхъ.

**) Другая партія, демократы, какъ извѣстно, противилась Освободительной войнѣ.

не рисуютъ съ натурщиковъ, что они даже не могутъ найти натурщиковъ, потому что это совершенно противъ бостонскихъ правилъ—стоять на натурѣ голымъ, что имъ все равно не разрѣшили бы писать голую натуру, даже если бы имъ и удалось подыскать натурщика. Можно себѣ представить, что значитъ угадывать, а не видѣть не только поры, всевозможные оттѣнки кожи, но и мускулы, и все тѣло. Что же послѣ этого мудренаго, если Венера Милосская кажется янки верхомъ возможной дерзости! Возьмемъ Эрштедскій паркъ въ Копенгагенѣ. Скульптурныя фигуры такой наготы, какъ тамъ, паркъ, разукрашенный такимъ образомъ и безъ фиговыхъ листковъ, ни въ какомъ случаѣ не потерпѣли бы нигдѣ въ Америкѣ, хотя бы какому-нибудь городу дважды отдавали его даромъ. Бостонъ со своей крикливой моралью заражаетъ всю Америку вліяніемъ своей грубой щепетильности, которая окрашиваетъ и искажаетъ воззрѣнія какъ художника, такъ и публики.—Обнаруживая величайшую стыдливость передъ рукою безъ рукава или ногою безъ чулка, американцы въ то же время поразительно нечувствительны къ тому художественному, духовному безстыдству, которое проявляется въ ихъ искусствѣ. Я подразумѣваю какъ ихъ криминальные разсказы, такъ и живопись для столовыхъ, да и добрую половину ихъ патріотической скульптуры вдобавокъ. Они, не задумываясь, принимаютъ на выставку невозможныхъ пѣтуховъ только потому, что ихъ написалъ калѣка, и всѣ находятъ это въ порядкѣ вещей, и зрители собираются передъ этой картиной. Въ эстампныхъ магазинахъ часто видишь забавнѣйшія картины, выставленныя на продажу,—дикія козы въ горахъ, напримѣръ, причемъ у каждой на рогахъ привязанъ шелковый бантикъ, или одинокую звѣзду, блещущую въ небесахъ и виднѣющуюся изъ окна комнаты, гдѣ все освѣщено полуденнымъ свѣтомъ. Въ С.-Луи, главномъ городѣ штата Миссури, и въ одномъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ страны, три года тому

назадъ была, напр., выставлена цѣлая партія хромолитографій, гдѣ можно было любоваться на вызолоченную воду, небесноголубыхъ овецъ и людей съ розовыми глазами. Когда искусство доходитъ до такого рода оригинальности, то зритель, конечно, умолкаетъ, онъ сраженъ. Онъ не смѣетъ даже улыбнуться, потому что все это вѣдь не шутка. Онъ стоитъ на американской почвѣ и созерцаетъ произведенія американскаго искусства; онъ долженъ наслаждаться откровеніями искусства, каковы бы они ни были, съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ которымъ онъ долженъ былъ наслаждаться музыкой патріотическихъ жестяныхъ дудочекъ, шествовавшихъ по улицамъ.

До извѣстной степени щепетильность американскаго искусства объясняется тѣмъ, что имъ преимущественно занимаются *женщины*. Это явленіе знаменательное, оно даетъ намъ понять взглядъ всего этого народа на искусство. Женщины въ Америкѣ руководятъ искусствомъ, подобно тому, какъ въ Германіи женщины руководятъ *своей* литературой—опустошая ее своей плодовитостью. Это либо дочери богатыхъ людей, обучившихся въ одной изъ 88 академій, либо замужнія дамы, которыя по собственному почину, въ силу скуки или ради хорошаго тона предались искусству у себя дома. Живопись въ Америкѣ превратилась просто въ женское рукодѣліе; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно посѣтить всего нѣсколько семействъ. Похоже на то, что американскія женщины считаютъ себя обязанными во что бы то ни стало произвести на свѣтъ пару цыплятъ. Женское вліяніе, порожденное въ свою очередь вліяніемъ Бостона, сильнѣйшимъ образомъ отражается на всемъ искусствѣ страны. И не только на изобразительныхъ искусствахъ,—оно сказывается и въ поэзіи, и на сценѣ. Въ Америкѣ женщина указываетъ, гдѣ долженъ стоять шкафъ *).

*) Норвежская поговорка. *Прим. пер.*

Я опять замѣчу, что безполезно было бы оправдывать американское искусство тѣмъ соображеніемъ, что, молъ, отъ него и ждать нечего, что такъ ему и нѣтъ возможности двинуться впередъ. Это будетъ принято за оскорбленіе и васъ попросятъ сунуться, сунуться только! Потому что въ этой странѣ нѣтъ сомнѣній; на американскомъ небѣ нѣтъ ни облачка. Никакому смертному здѣсь не приходитъ въ голову, чтобы искусство страны нуждалось въ примѣрахъ или какомъ-либо импульсѣ извнѣ; за то, чтобы ихъ же научили, они требуютъ $2^1/_4$ милліона въ годъ. На этотъ счетъ мнѣ замѣчали, что вѣдь и въ Европѣ навѣрно есть пошлина на произведенія искусства. Это возраженіе дѣлалось безъ всякой ироніи, совершенно чистосердечно; дальше этого мысль янки не идетъ. Но вѣдь нѣтъ ни одной страны въ Европѣ, которой менѣе приходилось бы страдать отъ наплыва чужого искусства, и—тѣмъ болѣе—нѣтъ ни одной страны въ Европѣ, которая обладала бы настолько хорошими матеріальными средствами, чтобы избѣжать пошлины. Въ государственной казнѣ лежитъ въ бездѣйствіи такой огромный капиталъ, что если бы пустить его въ оборотъ, онъ перевернулъ бы всю финансовую жизнь страны кверху дномъ. Онъ такъ великъ, что сами американцы становятся передъ нимъ въ тупикъ и не знаютъ, что дѣлать съ нимъ. Какъ извѣстно, этотъ капиталъ явился даже предметомъ раздора во внутренней политикѣ страны.

Надо признаться, что за послѣднее время замѣчается въ Америкѣ склонность къ значительному пониженію пошлины на предметы искусства. Интересно прослѣдить, насколько глубоко это стремленіе. Повидимому, оно проникаетъ вглубь не дальше того, какъ и въ 1846 году. Послѣдній билль о тарифѣ производитъ на меня совершенно такое же впечатлѣніе, какъ и предыдущій. Потому что не въ первый разъ появляется подобный тарифный *bill* въ Америкѣ. *Bill*, принятый въ одной сессіи конгресса, легко можетъ быть отчасти

или совершенно отвергнутъ слѣдующимъ конгрессомъ въ зависимости отъ характера даннаго президента или отъ политической окраски сената. Въ 1842 году пошлина на ввозъ предметовъ искусства была въ Америкѣ 30%, въ 1846 году она понизилась до 20%, а въ 1857 году она была вовсе уничтожена. Это продолжалось четыре года. Въ 1861 году ее снова подняли до 10%. Но въ 1883 году конгрессъ повелъ патріотическую борьбу; онъ пожелалъ „оградить“ собственное искусство страны и явить міру свою независимость; онъ обложилъ ввозъ предметовъ иностраннаго искусства пошлиною на цѣлыхъ 35%,—больше, чѣмъ когда-либо былъ онъ обложенъ. На этомъ теперь и стало дѣло. Тарифные билли появляются и исчезаютъ съ каждыми новыми выборами президента въ Америкѣ; ни въ коемъ случаѣ нельзя принимать ихъ за отрадные признаки развитія, это просто перелетныя птицы, продукты возникающихъ ситуацій. Вотъ почему и послѣдній билль объ уменьшеніи пошлины на предметы искусства отнюдь нельзя считать за проявленіе пробудившагося въ американцахъ стремленія къ вліянію извнѣ; онъ является просто неизбѣжнымъ слѣдствіемъ пониженія пошлины въ Соединенныхъ Штатахъ вообще. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы уменьшить устрашающій ростъ государственныхъ капиталовъ въ казнѣ, и на долю искусства упала капля, а на французскія вина и на китайскій фарфоръ полился дождь. Подобные билли нѣтъ-нѣтъ да и являются въ республикѣ, они представляютъ собою лишь выборные маневры той или иной политической партіи и возникаютъ не ради искусства, а ради французскихъ винъ или китайскаго фарфора.

Нѣтъ, все дѣло въ томъ, что Америка не интересуется искусствомъ; эта страна, въ которой искусство служитъ только для украшенія столовыхъ. Если мнѣ напомнятъ, что европейское искусство все же имѣетъ сбытъ въ Америкѣ, такъ это объясняется тою же слабостью, которую амери-

канцы обнаруживаютъ и къ европейскимъ орденамъ или титуламъ; этотъ демократическій народъ далеко не равнодушенъ къ такимъ вещамъ. Въ Вашингтонѣ, Бостонѣ и Нью-Іоркѣ страсть къ рангамъ такая же распространенная болѣзнь, какъ зубная боль или нервность; просмотрите только альбомъ автографовъ у любой современной вашингтонской *lady*, и вы увидите, сколько мѣстныхъ титулованныхъ особъ насчитываетъ она въ числѣ своихъ знакомыхъ: тутъ найдутся имена съ самыми необыкновенными титулами. Въ послѣдній разъ я ѣхалъ изъ Америки вмѣстѣ съ одною нью-іоркской дамой, которая предприняла путешествіе въ Европу съ единственной цѣлью откопать тамъ хоть какой-нибудь титулъ своимъ пра-пра-дѣдамъ, чтобы получить доступъ въ аристократическіе круги нью-іорскаго общества. Безъ новой визитной карточки это для нея невозможно, потому что она недостаточно богата.—Такъ же обстоитъ дѣло со сбытомъ европейскаго искусства въ Америкѣ. Американецъ только тогда можетъ назвать себя богатымъ, когда въ гостиной у него есть швейцарскія горы или итальянскій пастухъ; это придаетъ дому вѣсъ, какъ и титулъ. Только такой титулъ не облагораживаетъ никого. Такіе американцы, покупатели предметовъ искусства, достаточно богаты, чтобы совершить путешествіе въ Европу со всей своей семьей, пожить въ отеляхъ Парижа и на пароходахъ Рейна для завершенія своего образованія, которое въ дѣйствительности и не начиналось. Съ собою привозятъ они на память о путешествіи столько картинъ, сколько того требуетъ текущая мода. На слѣдующій годъ та же семья совершаетъ турнэ внутрь страны и привезетъ золотой слитокъ изъ Калифорніи и индѣйскую трубку изъ Уоминга,—опять-таки въ качествѣ сувенира, который въ модѣ. Одно стоитъ другого.

У американца есть деньги на пріобрѣтеніе предметовъ искусства, и онъ пріобрѣтаетъ предметы искусства; но у него нѣтъ художественнаго образованія, никакихъ художественныхъ стремленій. Въ печати обсуждается въ Америкѣ вопросъ, какъ бы оградить американскую жизнь отъ европейскаго искусства, объ этомъ толкуетъ вся руководящая пресса *). А ужъ если подобныя вещи возможны въ странѣ съ такимъ искусствомъ, каково американское, то это только доказываетъ, что духовное развитіе народа стоитъ ниже, чѣмъ самъ народъ можетъ себѣ это представить.

*) Чтобы привести хоть одинъ примѣръ, укажу на „Интернаціональное Обозрѣніе“ за 1879 г.

СЦЕНА.

I. ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО И АКТЕРЫ.

Искусство, въ которомъ Америка достигла наивысшаго совершенства, — безъ сомнѣнія, сцена. Актеры, и притомъ весьма талантливые, встрѣчаются тамъ и въ фарсахъ, и въ грубыхъ, топорныхъ комедіяхъ. У американцевъ,—кромѣ литературы и нѣкоторыхъ изящныхъ искусствъ,—сказывается сильно развитое чутье къ реализму; на сценѣ у нихъ жизнь такъ и кипитъ. Катятъ локомотивы, плывутъ пароходы, бѣшено скачутъ верхомъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ пушекъ и стрѣляютъ изъ револьверовъ,—о-о! какъ тамъ стрѣляютъ! Отъ порохового дыма иной разъ нестерпимо становится бѣдному зрителю. Весь тотъ шумъ, которымъ полны американскія газеты, является и на сценѣ. Но, конечно, въ этомъ шумѣ слишкомъ мало искусства, слишкомъ много вносится въ него грубой силы, чтобы произвести впечатлѣніе. Едва уносящійся локомотивъ увезетъ съ собою одно впечатлѣніе, а на смѣну ему уже стрѣляютъ пушки.

Во всей Америкѣ всего два, много три, театра съ постоянною труппою; обыкновенно театры сдаются странствующей труппѣ на одинъ или нѣсколько вечеровъ, большей частью на недѣлю. Эти труппы странствуютъ круглый годъ все съ тою же пьесой; объѣхавъ въ теченіе года всѣ американскія сцены, онѣ на слѣдующій годъ начинаютъ свой объѣздъ снова отъ береговъ Атлантическаго до береговъ Тихаго океана. Весьма мало возможности развивать свой врожденный талантъ въ этихъ странствующихъ труппахъ;

приходится, подобно поэтамъ, разъ навсегда усвоить свое дѣло и баста. Тѣмъ болѣе удивительно, что при подобныхъ условіяхъ въ Америкѣ все же появляются дѣйствительно значительные сценическіе таланты. Помимо нѣсколькихъ оперныхъ пѣвицъ, правда, получившихъ свое музыкальное образованіе въ Европѣ, а потому и развившихся подъ совершенно чуждыми вліяніями, есть три первоклассныхъ трагика, развившихся почти исключительно на собственной американской почвѣ,—это Кинъ, Бусъ и Мюрфи.

Двое послѣднихъ въ высокой степени достигли сходства съ европейскими исполнителями Шекспира, а это въ особенности цѣнно и прекрасно въ такой странѣ, какъ Америка, гдѣ такъ упорно борятся со всякимъ стороннимъ вліяніемъ въ области искусства. *Бусу* пришлось къ тому же на своемъ пути преодолѣть антипатію всей націи, потому что его братъ былъ убійцей Авраама Линкольна, а это обстоятельство, разумѣется, немало тормазило успѣхъ его таланта у публики. Эдвинъ Бусъ теперь уже рѣдко выступаетъ на сценѣ. Онъ нажилъ большое состояніе, а, кромѣ того, онъ и состарился. Притомъ же онъ ведетъ такую безпорядочную жизнь, что и по этой причинѣ становится все болѣе и болѣе невозможнымъ. Это могучая натура, въ искусствѣ его есть нѣчто мясницкое, а въ жизни любитъ онъ грубыя наслажденія — онъ пьяница. Его можно увидѣть пьянымъ въ самыхъ трудныхъ роляхъ; но играетъ онъ великолѣпно, пока не впадаетъ въ излишнюю небрежность.

Если есть что сказать объ особенностяхъ *Мюрфи*, какъ артиста, такъ это то, что онъ,—не смотря на дѣйствительно прекрасную передачу многихъ шекспировскихъ образовъ,—черезчуръ энергично дѣйствуетъ на сценѣ, занимаетъ слишкомъ много мѣста, слишкомъ суетится, производя впечатлѣніе паровика,—особенность, дарованная ему отъ рожденія самимъ Господомъ Богомъ, потому что онъ—американскій ирландецъ. Актеръ Мюрфи актерствуетъ не въ мѣру;

въ Ричардѣ III онъ обливается потомъ, въ Генрихѣ IV онъ выходитъ изъ себя. Но, можетъ быть, именно въ силу этого, публика и понимаетъ его гораздо лучше. Его искусство нѣсколько спеціально-американское, но вѣдь и играетъ онъ для американцевъ.

О Кинѣ, наоборотъ, можно замѣтить, что этотъ тонкій, симпатичный, длиннокудрый актеръ создалъ совершенно новаго и своеобразнаго Гамлета. У Кина глубоко самостоятельное дарованіе, въ его Гамлетѣ нѣтъ, пожалуй, ни единой черты, заимствованной у другого; зато видѣть его въ этой роли—истинное наслажденіе. Пораженный, видишь словно стараго знакомаго, котораго никакъ не можешь узнать, а въ сценахъ, гдѣ онъ сходитъ съ ума, испытываешь передъ мистическимъ искусствомъ его радостный трепетъ. Исполненіе роли Гамлета уже не одинъ разъ стоила Кину потери разума, три или четыре раза сидѣлъ онъ въ домѣ умалишенныхъ; но по выходѣ оттуда, снова возвращался онъ на подмостки и игралъ Гамлета—пока не повторялось то же. У него, во времена безумія, являлась навязчивая идея, что онъ—ничто, въ лучшемъ случаѣ—пылинка, точка. Поистинѣ, немного найдется американцевъ, у которыхъ подобная idée fixe! Въ игрѣ Кина—одна ужасающая правда, только глаза его, какъ два раскаленныхъ угля, прожигаютъ его голову и, благодаря имъ, такъ ясно видишь, какъ безуміе, крадучись, блуждаетъ у него подъ черепомъ. Онъ игралъ въ Англіи, но въ Англіи его не поняли, въ искусствѣ его было слишкомъ мало бифштекса. Онъ обратился къ своимъ соотечественникамъ, изъ которыхъ лишь лучшіе понимаютъ его. Изъ всѣхъ людей, видѣнныхъ мною въ Америкѣ, не встрѣтилъ я ни въ одномъ такого глубоко-художественнаго генія, какъ у Кина. Этотъ человѣкъ не только изображаетъ трагедію, трагическихъ личностей, трагическую жизнь, но само его исполненіе трагедіи является трагическимъ, потому что въ самомъ искусствѣ его видишь и слышишь тайный токъ подкрадывающагося безумія.

Въ исполненіи Гамлета видишь словно двѣ параллельныя трагедіи: самого Гамлета и исполнителя. И когда Кинъ появляется на сценѣ, преображая ее своимъ искусствомъ, то его трагедія не менѣе интересна, нежели все же нѣсколько тяжеловѣстный и крикливый трагизмъ Шекспира. У Кина его искусство врожденно, онъ появился на свѣтъ вмѣстѣ съ нимъ—и, несомнѣнно, когда-нибудь умретъ отъ него же.

Къ сожалѣнію, немного найдется въ Америкѣ артистовъ, подобныхъ Кину, хотя въ Америкѣ много актеровъ. Наилучшіе изъ нихъ—странствующіе ирландцы. Эти способные, умные, предпріимчивые, вороватые ирландскіе бродяги сдѣлались лучшими актерами въ странѣ. Въ фарсѣ ирландецъ неизбѣженъ; создался даже особый амплуа для него въ американскомъ фарсѣ, который такъ и называется ирландскимъ. Въ драмахъ, передѣланныхъ изъ криминальныхъ романовъ, онъ бываетъ слугою-сыщикомъ, разоблачающимъ все и всѣхъ; въ патріотическихъ военныхъ пьесахъ онъ—шпіонъ, проникающій въ тайны южныхъ штатовъ; въ драмахъ онъ въ самый критическій моментъ является ангеломъ-хранителемъ; въ любовныхъ пьесахъ онъ—богачъ и бываетъ обыкновенно провидѣніемъ для двухъ влюбленныхъ; безусловно, отъ хорошого ирландца зависитъ успѣхъ любой пьесы. Быть ирландцемъ уже само по себѣ есть роль. А актеръ на эти роли долженъ умѣть говорить по-англійски на ирландскій манеръ, такъ что едва можно понять его рѣчь, кромѣ того, у него должны быть рыжіе волосы, онъ долженъ быть гладко выбритъ и умѣть танцовать *Gig*. Ирландецъ на американской сценѣ вноситъ съ собою оживленіе, онъ прерываетъ объясненіе, которое уже добрыхъ четверть часа вяло тянется между двумя влюбленными. Зато быть ирландцемъ—очень благодарная роль; весь театръ почти всегда встрѣчаетъ его появленіе шумною радостью.

За весьма малыми исключеніями, въ американскомъ театрѣ, при ближайшемъ знакомствѣ, замѣчается удивительная

примитивность сценическаго искусства. Въ немъ слишкомъ много балаганщины. Представленія почти одни и тѣ же во всей странѣ. Въ *Grand* въ Нью-Іоркѣ видалъ я вещь, которая позднѣе давалась во второстепенномъ театрѣ въ Чикаго, и, наоборотъ, во второстепенныхъ сценахъ въ Чикаго видалъ я вещи, которыя шли въ *Grand* въ Бостонѣ. Даже на лучшей сценѣ Чикаго зачастую можно видѣть произведенія такого искусства, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы предложить публикѣ нашихъ самыхъ маленькихъ городковъ. Вина въ этомъ случаѣ нестолько на исполнителяхъ, сколько на пьесахъ. На американскихъ сценахъ есть много недюжинныхъ талантовъ, которымъ всю жизнь только и приходилось „создавать“ какого-нибудь ирландца или негра. Настоящая американская пьеса вовсе не составляетъ одного цѣлаго, отъ начала до конца, а состоитъ изъ нѣсколькихъ сценъ, которыя представляютъ собою отдѣльную пьеску каждая и не имѣютъ внутренней связи между собою. Вопросъ не въ томъ, чтобы произвести общее впечатлѣніе — это могло бы быть только въ томъ случаѣ, если бы локомотивъ проносился на сценѣ лишь послѣ послѣдней реплики,—вопросъ въ такомъ исполненіи каждаго даннаго положенія, чтобы оно само по себѣ производило впечатлѣніе и заставило бы зрителя апплодировать, плакать или смѣяться. Вопросъ не въ цѣльности пьесы, а скорѣе въ забавномъ діалогѣ, въ удачно сложившихся обстоятельствахъ, при которыхъ могъ бы показать себя ирландецъ. Пьесу съ началомъ и концомъ, съ драматическимъ содержаніемъ, можно очень рѣдко встрѣтить на американской сценѣ, а потому и черпаютъ они сюжеты для своихъ пьесъ изъ самыхъ невѣроятныхъ вещей. Не говоря о „Хижинѣ дяди Тома“, „Оливерѣ Твистѣ“ и „Битвѣ при Атлантѣ“,— американцы пишутъ драмы даже изъ жизни чикагскихъ анархистовъ; они могли бы состряпать пьесу на сюжетъ изъ адресъ-календаря, двухъ пѣтуховъ, Суэцкаго канала, наконецъ, даже таблицу умноженія превратили бы въ драму. И не перечесть, изъ чего только могли бы устроить драматическое произведеніе янки.

Типическимъ американскимъ представленіемъ является фарсъ. Фарсъ у нихъ непремѣнно обстановочный. Послѣ хорошаго ирландца, прежде всего требуется безумно трескучіе эффекты вродѣ пушечной пальбы и кровавой бани; а затѣмъ уже—декоративная обстановка. Декораціи имѣютъ на американской сценѣ такое большое значеніе, что о нихъ печатается наиболѣе жирнымъ шрифтомъ въ объявленіяхъ и афишахъ,— это называется, „реальная постановка“. Когда персоналъ получаетъ новые костюмы, то это подчеркивается, равно какъ и цѣна украшеній примадонны. Въ афишахъ постоянно оповѣщается, что никогда еще въ данномъ городѣ предстоящая пьеса не была такъ великолѣпно обставлена; а потому дирекція надѣется, что всѣ обитатели придутъ взглянуть на этотъ шедевръ.—Такъ какъ декораціи на американской сценѣ имѣютъ такое большое значеніе, а также въ виду того, что техника достигла наибольшаго совершенства у американцевъ, слѣдовало бы ожидать, что въ отношеніи декораціи они могутъ представить намъ какое-нибудь неслыханное чудо. Но это совершенно не такъ. У нихъ слишкомъ мало художественнаго чутья, чтобы привести въ гармонію внѣшніе эффекты постановки съ содержаніемъ пьесы; у нихъ не хватаетъ даже вкуса сгармонировать между собою отдѣльныя части декорацій. На лучшей сценѣ Нью-Іорка видѣлъ я обстановочную пьесу, истинное торжество декоративнаго искусства. Тамъ были скалы, хуже которыхъ я не видывалъ въ Норвегіи, картонный лѣсъ, картонные звѣри, картонныя птицы, картонный слонъ—не тяжеле часового ключика. Весь этотъ картонный міръ освѣщался вечернимъ солнцемъ, истиннымъ чудомъ американской техники. Оно полностью передавало силу свѣта американскаго солнца и заставляло зрителя забывать о томъ, гдѣ онъ находится; оно передавало постепенные переходы всѣхъ оттѣнковъ заката съ прямо-таки

обольстительной натуральностью: закатный свѣтъ, разливающійся всюду, яркій свѣтъ заливаетъ ландшафтъ; солнце все ниже и ниже, свѣтъ тускнѣетъ, ослѣпительный блескъ мѣди смѣняется мягкимъ золотомъ; солнце все ниже и ниже, свѣтъ становится холоднымъ и краснымъ, онъ дѣлается кровавымъ и гаснетъ за вершинами горъ, небо пріобрѣтаетъ зеленоваты тона, оно—словно бархатистая ткань, оно дѣлается пушистымъ. А солнце все дальше и дальше... И такое-то солнце заставили свѣтить на картонный пейзажъ, на горы и рѣки, дрожавшія и волновавшіяся отъ малѣйшаго дуновенія за кулисами. Это было непримиримымъ противорѣчіемъ! Пейзажъ былъ совершенно безжизненъ; единственнымъ живымъ существомъ въ немъ былъ, кромѣ солнца, одинъ человѣкъ. Человѣку этому нужно было пробраться за горы, стоявшія въ глубинѣ сцены, потому-что за этими горами жила его возлюбленная. И человѣкъ пустился въ путь.—Если это человѣкъ, которому необходимо перебраться черезъ горы и если у него всѣ пять чувствъ въ порядкѣ, то онъ по возможности и станетъ придерживаться одного направленія, не такъ ли? Однако, этотъ человѣкъ поступилъ иначе. Онъ ходилъ то туда, то сюда по картонному лѣсу, чтобы показать публикѣ, что онъ идетъ, шелъ мимо картонныхъ птицъ, не шевелившихся при его приближеніи, мимо картонной скалы, дрожавшей до самаго основанія отъ его шаговъ, перебирался черезъ картонный ручей, не замочивъ ногъ; перешедши черезъ родникъ, вернулся назадъ, сновалъ словно одержимый, метался, какъ безумный то туда, то сюда, то туда, то сюда,—пока не исчезъ, наконецъ, за одной изъ кулисъ. Подъ звуки тихой музыки солнце, наконецъ, закатилось, наступила ночь. Эта сцена продолжалась минутъ 8; а въ слѣдующемъ явленіи человѣкъ уже вернулся обратно и въ монологѣ, съ полъ-мили длиною, разсказалъ самому себѣ и публикѣ о томъ, какой длинный путь ему пришлось совершить, чтобы очутиться по сю сторону горъ,—между тѣмъ, какъ каждый присутствующій

въ театрѣ могъ бы голову отдать на отсѣченіе, что ничего подобнаго онъ *не* совершалъ.

Американцамъ совершенно неизвѣстны *подвижныя* сцены, благодаря которымъ человѣкъ, имѣющій надобность пробраться за горы, можетъ итти хоть цѣлыхъ 30 минутъ, не упираясь носомъ въ заднюю кулиссу и не забѣгая за кулиссы въ сторону.

Въ американскихъ театрахъ часто даются такъ называемыя „французскія“ пьесы; само собою разумѣется, что пьесы эти никогда и не видывали Франціи; только изъ газетъ почерпнули американцы свѣдѣніе, что въ отношеніи драматическаго искусства Франція стоитъ, пожалуй, не безмѣрно ниже Дакоты,—вотъ почему американцы играютъ французскія пьесы. Въ этихъ пьесахъ, всегда балаганныхъ и скоморошескихъ, видишь ту же самую декорацію, какъ въ колоніи тулонскихъ каторжанъ, такъ и въ квартирѣ марсельскаго гражданина въ той же пьесѣ, а въ пьесахъ болѣе американскихъ, нежели французскихъ, та же задняя декорація служитъ какъ для турецкаго гарема, такъ и для американской харчевни. Американцы вовсе не придерживаются того мнѣнія, что декорація должна находиться въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ пьесы. Если у нихъ есть что-нибудь для украшенія сцены, они ставятъ эти украшенія, не соображаясь съ тѣмъ, идетъ ли на сценѣ какое-нибудь приключеніе въ преріяхъ или городская драма.

Познакомившись поближе и изучивъ немного американское сценическое искусство, не проникаешься къ нему уваженіемъ; оно такъ мало обработано, у него нѣтъ школы. Если бы американцы могли представить себѣ такое сценическое искусство, какое создано Людвигомъ Баварскимъ, если бы они могли только вообразить себѣ такое великолѣпіе, какъ движущіяся кулиссы въ Urvasi, то они, можетъ быть, менѣе жирнымъ шрифтомъ стали бы оповѣщать публику о своемъ собственномъ восхитительномъ картонномъ лѣсѣ. Но янки

не знаютъ этого искусства, да и не желаютъ знать его; они отнюдь не желаютъ учиться этому чужому искусству. Ихъ самодовольство до крайности послѣдовательно.

II. НЕНАВИСТЬ КЪ ИНОСТРАННОМУ.

Въ нашихъ газетахъ отъ времени до времени попадается извѣстіе, что такого-то числа шли на сценѣ въ городѣ Нью-Іоркѣ ибсеновскіе „Призраки“, а такого-то числа въ одномъ изъ западныхъ городовъ Соед. Шт. играли Сарду. Это лишь наполовину истина. Я говорю отчасти изъ собранныхъ мною свѣдѣній, отчасти изъ собственнаго опыта. „Призраки“ *никоіда* не ставились въ Нью-Іоркѣ, а Сарду *никоіда* не играли ни въ одномъ изъ американскихъ городовъ *). Изъ „Призраковъ“ играли въ Нью-Іоркѣ только самыя незначительныя сцены, „просѣивали“ все „призрачное“ въ этой драмѣ, оставляя одинъ лишь остовъ, такъ что ее едва можно было узнать. Чтобы доказать всю грубость передѣлки этой пьесы, мнѣ достаточно сообщить, что въ искалѣченной заключительной сценѣ вставлено было нѣсколько стиховъ, которыми фру Альвингъ должна позабавить публику передъ опусканіемъ занавѣса. И такъ, постановку „Призраковъ“ на сценѣ нью-іоркскаго театра, по меньшей мѣрѣ, можно назвать лишь наполовину истинною. — Что касается Сарду, то я неоднократно видѣлъ имя его на американскихъ афишахъ; но было бы весьма ошибочно заключить изъ этого, что Сарду былъ дѣйствительно представленъ на сценѣ. Съ нимъ дѣло обстояло такъ же, какъ и съ Ибсеномъ: его драмы просѣивали, дробили ихъ на куски, упраздняли ихъ, дѣлали изъ нихъ безсчисленное множество отдѣльныхъ пьесокъ, вводили въ нихъ роль ирландца, въ которую входили какіе-нибудь

*) За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда Сарра Бернаръ ставила пьесу Сарду во время своихъ турнэ по Америкѣ.

стишки или Gig. Настоящій Сарду никогда не исполнялся ни на одной американской сценѣ — по крайней мѣрѣ, по-англійски и американцами.

Если бы исторія могла доказать, что даже Ибсенъ, даже Сарду и Дюма исполнялись и исполняются въ Америкѣ, то однимъ этимъ была бы доказана работа американскаго театра въ духѣ современности. Вопросъ таможеннаго обложенія на предметы иностраннаго драматическаго искусства являлся бы тогда лишь экономическимъ вопросомъ государственной казны. Но этотъ вопросъ обложенія отнюдь не является экономическимъ вопросомъ государственной казны. Онъ является съ начала до конца выраженіемъ національнаго самодовольства. На самомъ дѣлѣ къ современному драматическому искусству также относятся въ Америкѣ враждебно. Какъ, напр., ведутъ себя американцы, когда къ нимъ пріѣзжаетъ Сарра Бернаръ? Они подымаютъ крикъ и шумъ изъза высокой цѣны билетовъ, изъ-за того, что она не потрудилась научиться играть на англійскомъ языкѣ, изъ-за того, наконецъ, что она ни болѣе, ни менѣе, какъ полупомѣшанная женщина, у которой рѣшительно нечему поучиться разумному народу. Идутъ еще дальше. Пресса предостерегаетъ мѣстныхъ матерей отъ этой „безумной“; она держитъ змѣю при себѣ, говоритъ пресса, ночью она держитъ эту змѣю у себя на груди и способна въ любую минуту выпустить эту змѣю на свободу. Пресса идетъ еще дальше. Изъ чистѣйшаго патріотизма убѣждаетъ она публику не платить такихъ высокихъ цѣнъ за представленіе, а лучше приберечь свои денежки до слѣдующаго вечера, когда ей будетъ представленъ истинно-національный картонный лѣсъ. Неужто и это еще не все? — Вовсе нѣтъ! Пресса увѣщеваетъ всѣхъ порядочныхъ людей не ходить и не смотрѣть на Сарру Бернаръ; ибо — что касается частной жизни Сарры Бернаръ, — то да будетъ извѣстно, что у Сарры Бернаръ есть незаконный ребенокъ; слѣдовательно, ее нельзя терпѣть въ своемъ

домѣ, она все равно, что публичная женщина. — Доказательствомъ того, что я говорю сущую правду, можетъ служить, напр., самая распространенная газета въ Миннеаполисѣ — городѣ, величиной съ Копенгагенъ, — гдѣ подобное предостереженіе встрѣчается въ іюнѣ 1886 г.

Итакъ, великое современное сценическое искусство не имѣетъ свободнаго входа въ Америку, его такъ же нелюбезно встрѣчаютъ тамъ, какъ и прочія современныя искусства. Оно либо должно подходить подъ рубрику всеобщей бостонской морали, либо его „просѣиваютъ", калѣчатъ, американизируютъ. За послѣднее время замѣчается сильное движеніе въ пользу того, чтобы если не чѣмъ инымъ, то хоть неслыханной пошлиной стѣснить въѣздъ иностранныхъ актеровъ въ Америку. Въ декабрѣ собрана была делегація отъ американскихъ актеровъ, обратившаяся къ иммиграціонному комитету въ Вашингтонѣ съ просьбой защитить современную сцену отъ наплыва иностранцевъ. Безъ всякаго сомнѣнія, движеніе это наложитъ свою печать на новый законъ о пошлинахъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Двѣ крупныя восточныя газеты, *New Iork Herald* и *Ewening Post* высказались противъ этого взрыва патріотической эстетики, но не по художественнымъ соображеніямъ, а по чисто политическимъ. Обѣ эти газеты сторонницы свободной торговли вообще, и въ качествѣ таковыхъ оспариваютъ пошлину, чего бы она ни касалась. *New Iork Herald*, однако же, пишетъ: „Введеніе пошлины не было бы принято нами за счастливое событіе, но если оно состоится, мы всецѣло присоединимся къ этому шагу". Движеніе, руководимое наиболѣе извѣстными американскими артистами—Бусомъ, Джеффенсономъ, Барретомъ и еще однимъ посредственнымъ актеромъ по имени Букиколь, не можетъ пройти безслѣдно. Я искалъ имени *Кина* среди этихъ актеровъ патріотовъ, но не нашелъ его — вотъ еще доказательство его тонко-артистической души. Букиколь, наоборотъ, лишившись котораго, всякая сколько-нибудь порядочная сцена

могла бы только выиграть, говоритъ и пишетъ, какъ человѣкъ съ наибольшими художественными познаніями во всей странѣ: „Я вижу, что придетъ время", говоритъ онъ, „когда въ Лондонѣ будутъ организоваться труппы, которыя будутъ совершать турнэ въ Соединенныхъ Штатахъ. А такъ какъ наши любезные соотечественники всегда даютъ предпочтеніе иностранцамъ (!), то американскимъ артистамъ остается только удалиться въ преріи и чѣмъ-нибудь зарабатывать себѣ пропитаніе". Букиколь изъ Нью-Іорка продолжаетъ далѣе: „Я не понимаю, почему бы сдѣлать исключеніе для нашей профессіи, разъ торговля и промышленность обложены пошлиной. Я вѣрю, что движеніе, пущенное теперь въ ходъ, благородно, и надѣюсь, что оно приведетъ къ желаемому результату. Предлагая американской публикѣ англійскихъ и другихъ европейскихъ артистовъ, мы просто-на-просто даемъ ей пощечину. Американскіе актеры и актрисы безъ исключенія, лучшіе въ мірѣ, а между тѣмъ я знаю, что сотни изъ нихъ принуждены зарабатывать себѣ хлѣбъ иначе, благодаря иностранцамъ. Если бы мнѣ самому пришлось образовывать труппу, и я пожелалъ бы собрать труппу наилучшую во всѣхъ отношеніяхъ, то, конечно, выбралъ бы я однихъ только американцевъ на всѣ роли".

Къ этой мудрой рѣчи газета „Америка" прибавляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: „Наши артисты безусловно правы въ своемъ стремленіи. Діонъ Букиколь выразилъ здравое чувство и мнѣніе американцевъ вообще, а слова его имѣютъ наибольшій вѣсъ, какъ слова человѣка, который самъ принадлежитъ къ тому сословію, о которомъ говоритъ, а потому и знаетъ вопросъ основательно".

Такимъ образомъ, то малое количество драматическаго искусства, которое Европа до сей поры имѣла честь внушить Америкѣ, стараются свести на нѣтъ. И мѣстные актеры торжественными криками ура сопровождаютъ это величественное движеніе вспять. Отсталъ только одинъ артистъ, величайшій изъ всѣхъ,—Кинъ.

Единственный драматургъ, произведенія котораго — въ противуположность Ибсену и Сарду—стараются въ Америкѣ представлять полностью, это Шекспиръ. Нѣсколькими словами можно объяснить, почему именно янки дѣлаютъ исключеніе ради *Шекспира*. Шекспиръ—всемірный геній, великій, старый учитель. Міръ страстей, изображаемый имъ, гораздо грубѣе и проще нашего, его любовь, гнѣвъ, отчаяніе и наслажденіе потрясаютъ своею несложною силой. Мы понимаемъ, что эти яркія чувства безъ оттѣнковъ, безъ переливовъ, принадлежатъ отжившимъ людямъ прошедшихъ временъ,—а потому Шекспиръ не современный психологъ. Мое скромное мнѣніе заключается отнюдь не въ томъ, что Шекспиръ устарѣлъ, скромное мнѣніе мое то, что онъ просто старъ. Въ чувствахъ его такъ мало осложненій, они возникаютъ по внѣшнему поводу и развиваются, не поддаваясь случайнымъ и противурѣчивымъ побужденіямъ. Психологія Гамлета—оазисъ, но и въ этомъ оазисѣ есть маленькія пустыни. Построеніе драмы такъ же просто и несложно у Шекспира, какъ и изображаемыя имъ чувства; по сравненію съ современными драматургами онъ отличается прямо восхитительной наивностью. Такъ, напр., въ „Оттело“ происходятъ удивительнѣйшія вещи только изъ-за того, что носовой платокъ упалъ на полъ. Шекспиръ—не современный драматургъ, но онъ драматургъ вѣчный.

Шекспира исполняютъ на американскихъ сценахъ во-первыхъ, потому, что онъ великій старый учитель и исполняется на сценахъ всего міра, во-вторыхъ, потому, что онъ—древность, что произведенія его написаны до 1700 года, а въ-третьихъ, еще потому, что на Шекспира смотрятъ въ Америкѣ, какъ на полу-американца, какъ на національную собственность. Когда узнаешь, что янки пытались даже Наполеона III сдѣлать американцемъ, то не особенно удивляешься и тому, что Шекспира постигла та же участь. Онъ этого достоинъ, право, кажется, онъ заслуживаетъ этого. А

потому и вѣшаютъ портретъ его надъ сценой. Да и почему бы не повѣсить его? Шекспиръ былъ такимъ человѣкомъ, какого не постыдилась бы ни одна нація. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ поступаютъ съ похвальной предусмотрительностью. Если надъ сценою вѣшаютъ портретъ иностранца или во всякомъ случаѣ человѣка, въ подлинности американскаго происхожденія котораго все-таки можно сомнѣваться, то надъ сценою же желаютъ видѣть и пару портретовъ другихъ людей, въ американскомъ происхожденіи которыхъ ни одна душа не могла бы усомниться, а потому и вѣшаютъ пару другихъ. А такъ какъ у Америки нѣтъ драматическихъ писателей, то можно было бы подумать, что всего болѣе кстати повѣсить рядомъ съ Шекспиромъ величайшихъ актеровъ страны. Но ихъ мы тамъ не увидимъ, — ни Кина, ни Буса, ни Мэри Андерсонъ. Рядомъ съ Шекспиромъ висятъ *Георгъ Вашингтонъ* и *Авраамъ Линкольнъ*. Видя эти лица, сразу чувствуешь, что Шекспиръ попалъ въ высшей степени художественную компанію! Это снова только патріотизмъ. Американская сцена не должна заниматься тѣмъ, что волнуетъ современность, весь міръ,—она прежде всего должна поставлять на рынокъ *американскій* товаръ; сцена должна быть патріотической, и не только патріотической, но и республиканской и демократической въ отношеніи политики. На представленіяхъ 4 іюля чуть не съ опасностью жизни узнаешь по опыту, до чего грузно-патріотичны американскія сцены.

Нерѣдко случалось, когда я сидѣлъ, бывало, въ американскомъ театрѣ и отъ скуки просматривалъ объявленія въ программѣ, что меня вызывалъ изъ моего равнодушія внезапный взрывъ одобренія со стороны зрителей, апплодисменты и крики браво, потрясавшіе театральную залу. Что же такое произошло? Смотрю на сцену—нѣтъ, ничего особеннаго, какой-то человѣкъ стоитъ и говоритъ монологъ въ $^1/_2$ мили длиною. Тогда я съ величайшимъ удивленіемъ

спрашиваю у сосѣда, по какому поводу такъ расшумѣлись О! отвѣчаетъ мой сосѣдъ, хлопая въ ладоши такъ, что едва можетъ говорить,—о, повторяетъ онъ, Георгъ Вашингтонъ! наконецъ произноситъ онъ.—Оказывается, что человѣкъ тамъ на сценѣ дѣйствительно произнесъ имя Георга Вашингтона впродолженіе монолога. Этого было достаточно. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно. Вся эта человѣческая масса была наэлектризована, поднялся шумъ хуже, чѣмъ на котельномъ заводѣ; всѣ кричатъ, вопятъ, стучатъ зонтами и палками по полу, швыряютъ бумажные шарики въ тѣхъ, кто не оретъ вмѣстѣ съ ними, бросаютъ носовые платки и свистятъ—все это только изъ-за имени Георга Вашингтона! Казалось бы, можно слышать имя Георга Вашингтона, не теряя при этомъ разсудка на цѣлыхъ пять минутъ; но это можетъ казаться только до тѣхъ поръ, пока не знаешь американскаго патріотизма. Американцы такъ горячи въ своемъ патріотизмѣ, что даже драматическое искусство не можетъ избѣгнуть его позорнаго и сквернаго дѣйствія. Искусство заключается въ томъ, чтобы вплести въ монологъ имя Георга Вашингтона! А обязательный долгъ человѣка и гражданина—апплодировать этому имени, едва услышавъ его.

Чего именно и не хватаетъ американскому театру, такъ это *духа* художественности. Есть въ немъ и недюжинныя силы, и шекспировскія драмы, но духа нѣтъ. Тотчасъ же чувствуешь этотъ недостатокъ духовнаго настроенія, какъ только войдешь въ американскій театръ. Въ немъ не чувствуешь себя, какъ въ храмѣ культуры, какъ въ воспитательномъ учрежденіи, а скорѣе, какъ въ ловко разукрашенномъ балаганѣ, гдѣ видишь обстановочныя бездѣлушки и слышишь ирландскія остроты. Тамъ каждую минуту мѣшаютъ. Съ галлереи сыпятся вамъ на голову папиросные окурки и орѣховая скорлупа; служители снуютъ вокругъ и кричатъ, предлагая воды, которую носятъ на доскѣ или сластей—въ мѣшкѣ; идетъ купля-продажа; звенятъ деньгами, шепчутся,

говорятъ вслухъ, разсказываютъ другъ другу о рыночныхъ цѣнахъ и урожаѣ пшеницы. Затѣмъ является человѣкъ и раздаетъ репертуаръ на будущую недѣлю; репертуаръ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому же духу, которымъ проникнуто и все остальное, онъ совершенно похожъ на американское банковское свидѣтельство (см. ниже). Все—предпріятіе, скоморошество, бездушіе.

GRAND OPERA.
Недѣля съ 28-го февраля. Новая великолѣпная комедія:
„НАШЪ СВАДЕБНЫЙ ДЕНЬ",
посвящается высокому ученію о томъ, что
ЛЮДИ СОЗДАНЫ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЪ ЖЕНИТЬСЯ И БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ.

№ 27.153. По отношенію къ копіи 1887.

БАНКЪ ВЕСЕЛАГО СМѢХА

уплачиваетъ обладателю сего **смѣхомъ** за каждую **минуту**, составляющему для всякаго стоимость въ **сто долларовъ** $^{100}/_{00}$, за присутствіе на моихъ представленіяхъ.

МАРГАРИТА ФИШЪ,
комическая актриса.

S. 100,00.

Эта публика вовсе не чувствуетъ своей доли отвѣтственности за неудачи и слишкомъ грубыя ошибки, какія могутъ случиться на сценѣ; она не предъявляетъ никакихъ требованій къ искусству, потому что сама слишкомъ мало художественно образована; она хочетъ только забавляться и упиваться патріотизмомъ. А потому у артистовъ слишкомъ мало извнѣ побудительныхъ причинъ для усовершенствованія, для достиженія высшаго. Они встрѣчаютъ мало пониманія, а еще меньше могутъ ожидать разумной критики. Это слишкомъ часто кладетъ весьма замѣтную печать на представленіе. Исполнители громко говорятъ другъ другу колкости, а публика обыкновенно забавляется этимъ. Теодора, ужъ лежа мертвая на смертномъ одрѣ съ закрытыми глазами, вдругъ

открываетъ глаза и снова ихъ закрываетъ—и этому публика обыкновенно смѣется. Актеровъ отнюдь не станутъ освистывать, если они умышленно и чтобы вызвать смѣхъ, разбиваютъ созданную съ такимъ трудомъ иллюзію зрителя. Наоборотъ, ни на одной американской сценѣ не задумываются передъ тѣмъ, чтобы отнять у зрителя иллюзію. Въ „Оливерѣ Твистѣ" видѣлъ я господина, идущаго по улицѣ безъ шляпы. Сцена представляла собою лондонскую улицу, но человѣкъ, игравшій въ пьесѣ роль благодѣтеля Оливера, очевидно, хотѣлъ показать себя публикѣ человѣкомъ съ простонародными обычаями. Вотъ почему онъ оставлялъ свою шляпу дома, когда выходилъ на улицу съ цѣлью кого-нибудь благодѣтельствовать.—Въ пьесѣ національнаго характера видѣлъ я слѣдующее: сцена представляла военный лагерь. Молодой воинъ входитъ въ лагерь; это ирландецъ, а слѣдовательно и шпіонъ; онъ открылъ важныя вещи и ему непремѣнно нужно послать депешу къ своимъ друзьямъ въ другой лагерь. Разумѣется, ему не представляется возможности это сдѣлать. Вдругъ онъ хватаетъ лукъ, лежащій на полу—зачѣмъ же, между прочимъ, лежитъ здѣсь на полу лукъ? Вѣдь это не индѣйское побоище, это современная война съ огнестрѣльнымъ оружіемъ—тѣмъ не менѣе, онъ хватаетъ лукъ, насаживаетъ депешу на стрѣлу, натягиваетъ тетиву—и стрѣляетъ. Стрѣла падаетъ. Стрѣла падаетъ на полъ, тутъ же. Всѣ мы сидѣли и видѣли, что стрѣла упала именно тутъ. Ну, разумѣется, вамъ кажется это вполнѣ достаточнымъ основаніемъ предполагать, что стрѣла не могла попасть въ въ другой лагерь? Ничуть! У ирландца нашелся человѣкъ, который стоялъ и разсказывалъ, какой путь совершила стрѣла; какъ она пронизывала воздухъ, летѣла все дальше и дальше, разрѣзала эфиръ, подобно лучинкѣ, сверкала, свистѣла, достигая цѣли—и, наконецъ упала прямо къ ногамъ союзниковъ въ другомъ лагерѣ! Тогда янки въ театрѣ захлопали со всѣхъ сторонъ—Сѣверные Штаты были спасены! А стрѣла

лежала себѣ на полу.—И этотъ казусъ со стрѣлой отнюдь не случайность; я нарочно провѣрялъ это представленіе; пьеса шла каждый вечеръ, но со стрѣлой дѣло каждый разъ обстояло не лучше; какъ только ею стрѣляли, она падала на полъ. Но разъ она все-таки пролетала пять съ половиною англійскихъ миль, не было никакого основанія подымать шумъ изъ-за этого. Зато этого и не дѣлали.

Къ вещамъ, уничтожающимъ всякую иллюзію въ американскомъ театрѣ, принадлежитъ также смѣна обстановки на сценѣ прямо на глазахъ публики, при полномъ освѣщеніи; это происходитъ на открытой сценѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этомъ ни въ какомъ отношеніи нѣтъ надобности, это совершается такимъ образомъ во *всѣхъ* случаяхъ. Когда знаешь, изъ какого множества отдѣльныхъ, не имѣющихъ между собою связи, сценъ состоятъ американскія пьесы, то легко можешь себѣ представить, до какой степени часто происходятъ эти смѣны декорацій на открытой сценѣ. Поминутно опоминаешься и теряешь иллюзію.—Сидишь и смотришь на сцену, изображающую улицу въ Санъ-Франциско. Вдругъ появляются два человѣка, хватаютъ каждый по половинѣ этой улицы и растаскиваютъ эти половины каждый въ свою сторону, такъ что всякій сидящій въ театральной залѣ видитъ это; ни одной лампы при этомъ не гасятъ. Слѣдующая сцена представляетъ Миссисипи. При перемѣнѣ декораціи рѣку раздѣляютъ, растаскиваютъ обѣ половины Миссисипи—и вода стала стѣною по сторонамъ, какъ сказано въ писаніи. Ни одна лампа не погашена; электрическій свѣтъ съ фанатической жестокостью озаряетъ эту картину разрушенія.

Итакъ, драматическое искусство въ Америкѣ также нуждается въ духѣ художественности, въ нѣкоторомъ просвѣщеніи, въ дуновеніи чистаго искусства.

ВЛІЯНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ.

I. ПОНЯТІЯ О СВОБОДѢ.

Долгое время всеобщимъ обычаемъ нашей журналистики было считать американскую *свободу* образцомъ того, чѣмъ должна быть и чѣмъ будетъ свобода. Господи Боже! Журналисты сами не вѣдаютъ, что творятъ! Лѣвые кричатъ изъ принципа, правые протестуютъ по привычкѣ, это безпрерывное пререканіе, которое лишь въ самыхъ рѣдчайшихъ случаяхъ построено на личномъ опытѣ.

Если только собрать воедино мелкія черточки, уже приведенныя мною раньше, то и въ нихъ достаточно скажется *духовная* свобода американцевъ: они преслѣдуютъ газету за то, что она признала парламентарную глупость, совершенную конгрессомъ; они заставляютъ ученика *коммунальной* школы просить прощенія у Іисуса Христа за то, что онъ бросалъ бумажные шарики во время урока ариѳметики; они подвергаютъ бойкоту автора за то, что тотъ немножко приподнялъ завѣсу съ шарлатанства въ добродѣтеляхъ американокъ; они заставили замолчать другого писателя за то, что книга его носила отпечатокъ европейскаго вліянія; они накладываютъ пошлину въ 35% на произведенія современной культуры; уродуютъ сочиненія Зола и не терпятъ ихъ въ книжныхъ лавкахъ *); они запрещаютъ художникамъ рисовать пастуха съ разстег-

*) Въ октябрѣ мѣсяцѣ былъ, наконецъ, разрѣшенъ ввозъ въ Америку „La terre", запрещенный ранѣе „по причинѣ безнравственности этой книги".

нутой пуговицей; они поносятъ Сарру Бернаръ за то, что артистка, какъ человѣкъ, разстегнула одну пуговицу—достаточно однихъ этихъ немногихъ примѣровъ, приведенныхъ наудачу, чтобы показать намъ, какого рода духовной свободы придерживается Америка.

Если мы теперь обратимся къ *соціальной* свободѣ, то ее тоже иллюстрируютъ нѣсколько черточекъ, которыя также уже были приведены здѣсь; гражданскій долгъ состоитъ въ томъ, чтобы апплодировать при имени Вашингтона; безнаказанно можно кидать въ человѣка окурками и орѣховой скорлупой только за то, что онъ не обезумѣлъ, услыхавъ это имя; иммигрантъ зачастую долженъ отрицать свое иностранное происхожденіе, поступая на службу къ янки; освобождая нѣсколько тысячъ африканскихъ полуобезьянъ, они одновременно подвергли свыше милліона маленькихъ бѣлыхъ дѣтей рабству, защищаемому закономъ; дама безъ средствъ и безъ титула не имѣетъ доступа въ извѣстные круги общества. Нѣсколько наивно представлять подобную свободу образцомъ свободы вообще. Эта свобода весьма условная.

Свобода въ Америкѣ прежде всего такъ же несообразна и лишена гармоніи, какъ и все въ этой странѣ. Тотчасъ же замѣчаешь, что она не является плодомъ долгаго и постепеннаго развитія, а, во многихъ отношеніяхъ,—лишь результатомъ стремительнаго рѣшенія какого-нибудь конгресса. Она безформенна, лишена равновѣсія и внутренней связи. Она въ Америкѣ настолько вольна, что можно застрѣлить человѣка среди улицы за то, что онъ въ лавкѣ бранился въ присутствіи женщины; но она не настолько вольна, чтобы можно было плевать на полъ или оставить непотухшую сигару—отнюдь нѣтъ! Американская свобода настолько же до смѣшного мелочна и узка въ пустякахъ, насколько она, въ силу государственнаго устройства, широка и либеральна въ крупномъ. Когда, напр., эмигрантъ высаживается въ Нью-Іоркѣ, у него тотчасъ же отбираютъ финскій ножъ, кото-

рый онъ носитъ въ ножнахъ и которымъ рѣжетъ табакъ для своей трубки, но оставляютъ при немъ револьверъ, хотя бы по револьверу въ каждомъ карманѣ, если ему угодно, потому что револьверъ- національное оружіе.

Свобода въ Америкѣ далеко не всегда добровольная, но зачастую бываетъ принудительная, требуемая закономъ. Конгрессъ засѣдаетъ и придумываетъ законъ, насколько человѣкъ обязанъ быть свободенъ, вмѣсто того, чтобы опредѣлить, насколько *не долженъ* человѣкъ злоупотреблять свободой. Въ Америкѣ наталкиваешься на цѣлый рядъ примѣровъ такой законопринудительной свободы. „День Вашингтона", напр., является такимъ подневольнымъ праздникомъ, который переворачиваетъ все школьное дѣло на изнанку гораздо больше любого церковнаго праздника; но въ этотъ день обязаны быть свободными. Въ 1868 году появился въ республикѣ одинъ писатель, высказавшій свою вѣру въ монархическій строй; человѣка этого звали Фредъ Никкольсъ, а книга его носила заглавіе *Thoughts* (Мысли). Человѣку этому плохо пришлось: онъ не выполнилъ свою обязанность—быть свободнымъ. Къ нему такъ отнеслись въ газетахъ и въ народныхъ собраніяхъ, что ему пришлось, ради защиты своей совѣсти, уѣхать въ путешествіе по Мексикѣ,—а оттуда онъ уже никогда ни возвращался. Требуется, видите ли, чтобы даже въ мысляхъ человѣка заключалась извѣстная доля свободы, иначе ему приходится прогуляться въ Мексику.— Къ законопринудительной свободѣ относится и тотъ родъ обязательной свободы, которую народный патріотизмъ самъ наложилъ на себя. Купецъ, не закрывшій своей лавки 4 іюля, такъ или иначе поплатится за это; человѣкъ, не теряющій головы при имени Георга Вашингтона, также поплатится за это. Иностранецъ отнюдь не чувствуетъ себя свободнымъ въ предѣлахъ Америки, его симпатіи и мнѣнія предписываются ему, и ему остается только либо подчиниться, либо нести на себѣ всю тяжесть послѣдствій, потому что

предъ нимъ—деспотизмъ свободы, деспотизмъ тѣмъ болѣе нестерпимый, что исходитъ онъ отъ самодовольнаго, неинтеллигентнаго народа. Въ Америкѣ не отличаютъ понятій демократизма и свободы; чтобы поддержать сплоченную демократію, охотно жертвуютъ свободой. Утонченное, горячее стремленіе къ свободѣ со стороны отдѣльной личности оскорбляется всячески. Чтобы подорвать эту личную жажду свободы въ своихъ гражданахъ, Америкѣ въ концѣ концовъ удалось создать стадо фанатическихъ автоматовъ свободы, составляющее американскую демократію.

Словомъ, свобода въ Америкѣ—свобода съ большими, зіяющими прорѣхами; даже съ формальной точки зрѣнія она сильно отстала отъ свободы многихъ другихъ странъ. Это въ особенности касается тѣхъ областей, гдѣ выступаетъ религіозная тупость и патріотическій фанатизмъ. Я сообщу крупную, характерную черту свободы духовной и соціальной жизни Америки, замѣчательную, какъ примѣръ, и картинно иллюстрирующую эту свободу, а въ то же время объясняющую духъ правосудія, воцарившійся въ Америкѣ.

Въ предложеніи объ ограниченіи иммиграціи находится слѣдующій параграфъ: „Въѣздъ въ страну строго воспрещается соціалистамъ, анархистамъ и нигилистамъ... потому что эти люди возмущаютъ рабочія массы, которыя дѣлаются уже недовольны поденною платою. Америка—не мѣсто для соціалистической пропаганды".—Дѣло въ томъ, что Америка не мѣсто и для духовнаго и соціально-политическаго развитія; она стоитъ тамъ же, гдѣ стояла и въ блаженный день провозглашенія своей независимости. Упомяните въ Америкѣ слово *анархизмъ*—и человѣкъ съ обыкновеннымъ американскимъ образованіемъ тотчасъ же перекрестится. Подъ анархизмомъ разумѣетъ онъ динамитъ, и ничто иное, какъ динамитъ. Тамъ не понимаютъ, что анархизмъ есть научная теорія, ученіе, которое признается даже передовыми людьми; они, впрочемъ, и не желаютъ разговаривать объ этомъ;

анархизмъ это динамитъ, анархиста надо вѣшать! Въ этомъ—зіяющая трещина американской свободы, трещина, поддерживаемая именно сплоченной демократіей и царящая въ Америкѣ въ видѣ своего рода абсолютизма, подавившаго свободу. Во время анархистскаго процесса 1886 года эта трещина превратилась въ пропасть. Въ то время люди всевозможныхъ сословій, отъ тѣхъ, которые тѣмъ или другимъ счастливымъ случаемъ превратились въ милліонеровъ изъза урожая пшеницы, до тѣхъ, которые не сумѣли бы прочесть книгу или подписать свое имя,—всѣ американцы пришли и тайно приговорили этихъ семерыхъ анархистовъ къ смертной казни. Прочли ли они хоть слово о томъ, что такое анархизмъ?—Ни одинъ изъ сотни, ни одинъ изъ тысячи; они знали только, что эти семеро были *обвинены* въ томъ, что бросили бомбу. Этого было достаточно. Вотъ какова американская свобода. Она требуетъ только именно извѣстной дозы свободомыслія отъ человѣка, ни болѣе, ни менѣе. Къ нарушенію этой нормы какъ въ ту, такъ и въ другую сторону она нетерпима, какъ средневѣковый деспотъ. Она слишкомъ консервативна, чтобы сдвинуться съ мѣста; зато и стоитъ она на томъ же, на чемъ стояла 200 лѣтъ назадъ; время нимало не измѣнило ея формъ. Потому что это демократія, установленная закономъ. Если появится писатель, вѣрящій въ монархическій строй, то онъ оказывается недостаточно свободнымъ, американцы изгоняютъ его изъ своей страны; если изъ среды ихъ черни возникнетъ субъектъ, вѣрящій въ анархизмъ, какъ въ идеальнѣйшую форму общежитія, которая когда-либо установится, то субъектъ этотъ оказывается *слишкомъ* свободнымъ, американцы его вѣшаютъ. Все, что стоитъ выше или ниже въ высшей степени узкихъ мозговъ Георга Вашингтона, наказывается изгнаніемъ или смертной казнью. Такимъ образомъ американская свобода является свободою не для человѣка, не для личности, но свободою *en masse* и для всѣхъ.

Въ „America“ была недавно замѣтка слѣдующаго содержанія: „Наконецъ, является нѣкоторая надежда на то, что герои Сѣнного рынка получатъ памятникъ за свой смѣлый поступокъ въ майскую ночь, полную событій. Модель памятника для рынка только что закончена художникомъ и вскорѣ будетъ прислана въ Нью-Іоркъ для отливки изъ бронзы. Статуя имѣетъ 8 футовъ въ высоту и изображаетъ полицейскаго служителя, стоящаго на стражѣ закона; говорятъ, что памятникъ этотъ—замѣчательное произведеніе искусства. Давно пора привести въ исполненіе намѣреніе воздвигнуть этотъ памятникъ. Хотя никакимъ памятникомъ невозможно было бы выразить благодарности, которой обязаны жители Чикаго по отношенію къ этимъ людямъ, пожертвовавшимъ жизнью своей на защиту закона, все же хорошо, что у нихъ будетъ памятникъ въ ознаменованіе этого событія“.

Само же событіе, о которомъ идетъ рѣчь, во-первыхъ, выказываетъ наиболѣе характерныя черты американской „свободы“, а во-вторыхъ—является самымъ яркимъ примѣромъ чисто американскаго правосудія. 4 мая 1886 года на одномъ многолюдномъ митингѣ на Сѣнной площади въ Чикаго невидимою рукою брошена была начиненная динамитомъ бомба, которой убито было пять и ранено двое полицейскихъ служителей *). Никому не извѣстно, кто это сдѣлалъ; это могъ быть и кучеръ, и пасторъ, и членъ конгресса, точно такъ же, какъ и анархистъ. На слѣдствіи почти выяснилось—замѣтимъ между прочимъ,—что приготовленія для метанія бомбы совершались самими властями у полицейскаго служителя, чтобы подстроить основаніе для привлеченія къ суду вожаковъ анархистовъ. Между тѣмъ наудачу забрали семь человѣкъ изъ вожаковъ анархистовъ за семь жертвъ бомбы, и пять изъ нихъ приговорили къ смерти

*) На остальныхъ пострадавшихъ при этомъ случаѣ власти не нашли нужнымъ обратить вниманіе.

за пятерыхъ убитыхъ бомбой, и двухъ—къ пожизненному тюремному заключенію за двоихъ, только раненыхъ бомбой. Око за око! Зубъ за зубъ! Практическое и жалкое американское правосудіе! Одинъ изъ повѣшенныхъ анархистовъ, Парсонъ, даже не былъ на Сѣнной площади въ тотъ вечеръ, когда бомба была брошена—„нѣтъ", возразили ему, „но вѣдь ты же анархистъ?"—„О, да!" отвѣчалъ Парсонъ.

Едва встрѣтивъ идею, свободные американцы вѣшаютъ ее. Съ того момента, какъ редакторъ Списъ опубликовалъ свои потрясающія описанія каменноугольныхъ копей въ Огіо, онъ сдѣлался опаснымъ человѣкомъ, за которымъ стали слѣдить, человѣкомъ отмѣченнымъ, предназначеннымъ къ смертной казни. И еще прежде, чѣмъ семь идеалистовъ успѣли охладѣть на своихъ висѣлицахъ, демократическая, свободная чернь всей земли янки воздвигаетъ памятникъ великому патріотическому подвигу — повѣшенія идей. И газеты находятъ, что пора это сдѣлать.....

II. ПРАВОСУДІЕ И ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Нельзя придумать болѣе полной и вѣрной иллюстраціи для американскаго правосудія и соціальной свободы, какъ эта исторія съ анархистами. Со всей своей возмутительной грубостью она удивительно характерна для всего американскаго общества сверху до низу. Она рисуетъ намъ этотъ народъ, состоящій изъ низшихъ типовъ человѣка въ Европѣ, народъ, который приговариваетъ къ смерти лучшихъ представителей идеи въ своей странѣ за то, что тѣ придерживаются мнѣній, совершенно недоступныхъ широкой, крикливой массѣ. Она показываетъ намъ, какъ американскій судъ, при явномъ подкупѣ, и подъ давленіемъ назойливой и невѣжественной толпы готовъ судить кузнеца, вмѣсто булочника. Наконецъ, она показываетъ намъ и то, какихъ преступленій наиболѣе боится страна, называемая Америкой: преступленій незауряд-

ныхъ, которыхъ толпа не въ состояніи понять, — *идейныхъ* преступленій. Одного обвиненія въ политическомъ преступленіи было достаточно, чтобы погубить семь человѣкъ, и наоборотъ — преступленія болѣе простого, грубаго, а потому и удобопонятнаго характера не производятъ никакой сенсаціи. Убійство въ подворотнѣ съ цѣлью грабежа, явное, ежегодное хищеніе казенныхъ лѣсовъ членами конгресса, ловко подстроенный подлогъ желѣзнодорожнаго короля, неслыханный крахъ банка призидента Гранта и его зятя въ Нью-Іоркѣ — за подобныя преступленія можно въ Америкѣ откупиться при помощи вѣсскихъ связей, по извѣстной таксѣ, или инымъ соотвѣтственнымъ экономическимъ путемъ, частнымъ образомъ. Но за проповѣдь соціальныхъ идей, идущихъ въ разрѣзъ съ мнѣніями демократической деспотіи свободы, полагается смертная казнь.

Замѣчательной чертой американскаго правосудія является то, что оно совершенно безсильно противъ крупныхъ обмановъ. Не потому, чтобы въ странѣ не было законовъ, запрещающихъ обманы, и не потому, чтобы не могли выслѣдить преступника; а только въ силу невѣроятной подкупности блюстителей закона. Замѣчательно характерна также для всей идейной жизни американскаго народа, для его интересовъ и образа мышленія то пристрастіе, чтобы не сказать симпатія, которое обнаруживаетъ публика къ болѣе крупному мошенничеству. Считается проявленіемъ духовнаго генія янки — выполнить *ловкое (smart)* мошенничество; газеты заявляютъ, что это было славно обработано. Законы далеко не строги въ этой области; американскіе законы въ этомъ случаѣ составлены „въ духѣ соглашенія". Два, три недавнихъ происшествія въ Америкѣ, взятыхъ наудачу, пояснятъ, что именно я разумѣю.

За шесть дней до моего послѣдняго отъѣзда изъ Америки, одинъ кассиръ въ нью-іоркскомъ банкѣ укралъ изъ своей кассы 200 тысячъ долларовъ. Ну, что же, — поймали его? —

Нѣтъ. — Куда же онъ уѣхалъ? — Въ Канаду — И теперь онъ тамъ? — Да, онъ и теперь тамъ. — 14 ноября прошлаго года исчезъ обладатель банка *Valparaiso* въ Омахѣ; звали его Сковилль. Онъ прибавилъ себѣ 300 тысячъ долларовъ къ тѣмъ, какими обладалъ самъ, и совершилъ это слѣдующимъ образомъ: съ цѣнными бумагами, подлежавшими уплатѣ въ его банкѣ, произвелъ онъ „addition", — понятіе, встрѣчаемое, конечно, только въ мѣстной американской финансовой наукѣ, — такъ что бумаги эти поднялись вдвое противъ ихъ первоначальной стоимости; затѣмъ, Сковилль вложилъ ихъ въ нѣсколько болѣе крупныхъ банковъ, въ которые онъ обыкновенно вкладывалъ деньги. Потомъ онъ исчезъ. Куда же онъ уѣхалъ? — Въ Канаду. — И онъ все еще тамъ? — Да, онъ все еще тамъ. — Конада — это вѣрное мѣсто, неприкосновенное убѣжище, гдѣ не можетъ быть схваченъ ни одинъ мошенникъ. Между Соединенными Штатами и Канадой нѣтъ соглашенія о выдачѣ преступниковъ. Сковилль находится въ полнѣйшей безопасности. Послѣ одной ночи и одного дня въ вагонѣ онъ очутился въ странѣ, гдѣ американскій уголовный законъ уже не могъ его настичь. — Но что же дѣлаютъ Соединенные Штаты? А Соединенные Штаты дѣлаютъ то же, что и всегда въ подобныхъ случаяхъ: они дѣйствуютъ и ведутъ переговоры „въ духѣ соглашенія". Они отправляютъ въ Канаду уполномоченнаго и поручаютъ ему объясниться съ мошенникомъ! Если онъ вернетъ $^2/_3$ похищеннаго, то остальную треть можетъ оставить себѣ. „И остаться на свободѣ?" спрашиваетъ Сковилль. — „Вернуться и остаться на свободѣ!" отвѣчаетъ Америка своему возлюбленному дѣтищу. — Сковилль совсѣмъ было согласился пойти на эти условія, но вдругъ раздумалъ. „Мнѣ нужно поговорить съ женой", сказалъ онъ. И уполномоченный, у котораго вѣрно тоже была жена, конечно, понялъ, что, когда дѣло идетъ о 300 тысячахъ долларовъ, то человѣку необходимо переговорить объ этомъ съ женой. И такъ Сковилль

посовѣтовался съ женою. „Нѣтъ!" сказала жена. И не могло быть никакого недоразумѣнія относительно того, что она сказала „нѣтъ".—И уполномоченный долженъ былъ вернуться обратно со своимъ порученіемъ. Мистриссъ Сковилль, которая была, въ сущности, то же самое, что и мистеръ Сковилль, отвѣтила Америкѣ „нѣтъ".

Какъ же было принято это дѣло въ Америкѣ? Такъ оно и осталось, забытое изъ-за новыхъ мошенничествъ такого же рода, мошенничествъ, къ которымъ Америка примѣняла тотъ же самый порядокъ въ силу того же „духа соглашенія". Но газеты напечатали передовицы объ этомъ великолѣпномъ проявленіи геніальнаго духа янки; онѣ нѣсколько разъ повторили, что это ловко обдѣлано, въ высшей степени ловко, послѣ чего все это кануло въ вѣчность.

Насколько жестоки и неумолимы американскіе законы относительно политическихъ преступленій, настолько же мягки и снисходительны они въ отношеніи преступленій грубыхъ, въ отношеніи простыхъ мужицкихъ грѣховъ, на которые способенъ каждый продувной фермеръ изъ преріи, одинъ изъ моихъ знакомыхъ — издатель анархистскаго листка, и почта отказываетъ ему пересылать его газету, боясь замарать себя. А въ Нью-Іоркѣ издается *Police Gazette* (Полицейская газета), самая грязная въ мірѣ, органъ почти исключительно посвященный позорнѣйшимъ преступленіямъ въ Штатахъ,—убійствамъ, разврату, изнасилованіямъ, кровосмѣшенію, побоищамъ, грабежамъ и мошенничеству, часто съ возмутительнѣйшими иллюстраціями, напечатанными на красной бумагѣ, — этотъ листокъ охотно разсылается почтой. У *Police Gazette* 60 тысячъ подписчиковъ, ее найдешь и въ гостиницѣ, и въ парикмахерской, и въ клубѣ; она пользуется исключительнымъ вниманіемъ американцевъ. Въ ней говорится о преступленіяхъ, понятныхъ каждому, о тупыхъ грѣхахъ, которые можетъ совершить каждый фермеръ изъ преріи при помощи простого кирпича.

Иностранецъ, вникнувъ въ статистику преступленій въ Америкѣ и пересмотрѣвъ судебные процессы, будетъ пораженъ изумленіемъ, до чего грубы и безъидейны преступленія, совершаемыя въ Америкѣ. Онъ все сильнѣе и сильнѣе будетъ утверждаться въ томъ убѣжденіи, что онъ находится въ странѣ отсталой даже въ отношеніи преступности. Въ тысячѣ изъ тысячи одного случая онъ тщетно будетъ искать утонченнаго, если можно такъ выразиться, интеллигентнаго момента въ этихъ преступленіяхъ; онъ найдетъ ихъ менѣе похожими на современныя преступленія, нежели тѣ злодѣянія древнѣйшихъ временъ, о которыхъ ему приходилось читать когда-то. Въ самомъ выполненіи преступныхъ замысловъ въ Америкѣ замѣчается много ловкости; но идея преступленія, его мотивъ, его мысль и побудительная причина въ большинствѣ случаевъ служатъ лишь доказательствами сохранившагося въ народѣ дикаго звѣря, котораго не могла укротить несуразная и негармоничная свобода. Возьмемъ преступленіе, свойственное всѣмъ странамъ, мошенничество—я подразумѣваю подлогъ, высшій родъ воровства—подлогъ въ Америкѣ носитъ совершенно иной характеръ, нежели въ другихъ странахъ, не говоря, конечно, объ исключеніяхъ. У насъ подлогъ обыкновенно объясняется плохими экономическими условіями; въ Америкѣ же подлогъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ совершается въ силу дѣйствительно бѣдственнаго положенія—это знаетъ каждый, кто хоть нѣсколько ознакомился съ криминальными исторіями въ Америкѣ. Нѣтъ, подлогъ въ Америкѣ прежде всего имѣетъ причину въ свойственномъ американцамъ пристрастіи къ деньгамъ, отложеннымъ про черный день — хотя бы къ малѣйшимъ суммамъ такого рода—въ стремленіи къ экономической самостоятельности, къ обезпеченію. Кассиръ изъ банка бѣжитъ съ кассою въ Канаду не потому, что вознагражденіе его плохо; онъ получаетъ отъ 12 до 25 кронъ ежегоднаго жалованья; онъ бѣжитъ съ кассою въ Канаду, потому что не можетъ удержаться и не присвоить денегъ, видя ихъ въ своихъ рукахъ, потому что его американская кровь такъ и толкаетъ его украсть ихъ, потому что *безъ* этихъ денегъ онъ только кассиръ въ банкѣ, тогда какъ *съ* этими деньгами онъ входитъ въ денежную аристократію, — которая и составляетъ дворянство Америки. Онъ дѣлается истымъ американцемъ, онъ можетъ швырять доллары направо и налѣво, можетъ элегантно одѣваться, щеголять золотыми кольцами и украшеніями, обѣдать въ ресторанахъ, быть на виду въ какомъ-нибудь городѣ въ преріи, — это единственное доступное ему честолюбіе, и чтобы удовлетворить это куцое честолюбіе онъ не остановится ни передъ какими средствами; оно то и толкаетъ его, въ концѣ концовъ, на мошенничество. Въ преступленіи его нѣтъ интеллигентности: онъ обкрадываетъ кассу, садится на курьерскій поѣздъ по Эрійской желѣзной дороги, мчится день и ночь и выходитъ изъ вагона въ Канадѣ американскимъ дворяниномъ.

Печать той же простоты лежитъ на всѣхъ американскихъ преступленіяхъ. Пусть иностранцу дадутъ прислушаться къ процессамъ, разбираемымъ въ американской ратушѣ, чтобы онъ получилъ безошибочное понятіе о ихъ духѣ, и если онъ постарается найти хоть единую тонкую психилогическую черту въ голубыхъ полицейскихъ листкахъ рапортовъ,— это почти всегда будетъ тщетно. Внимательно разсматривая національныя преступленія въ Америкѣ, какъ и при разсмотрѣніи другихъ жизненныхъ явленій, опять-таки приходишь къ тому выводу, что даже и въ преступленіяхъ это страна опустившаяся и отсталая. Даже въ злодѣйствахъ своихъ она не современна. Злодѣйства эти напоминаютъ злодѣйства индѣйцевъ и первыхъ голландскихъ піонеровъ. Скальпируютъ перваго попавшагося человѣка, встрѣтившагося на пути, расхищаютъ банкъ, чтобы имѣть карманныя деньги на лакомства, распарываютъ животы пятилѣтнимъ дѣтямъ и насилуютъ ихъ, грабятъ жалкаго бѣднягу-поденщика только

для того, чтобы завладѣть его грошами — американскія газеты ежедневно пестрятъ сообщеніями о подобныхъ звѣрствахъ этого свободнаго народа. Американскія преступленія лишены всякаго формальнаго изящества, грѣхъ имѣетъ въ этой странѣ характеръ грубаго безстыдства, подобіе которому можно найти лишь вернувшись въ давно прошедшія историческія времена; въ нихъ отнюдь нѣтъ даже моментовъ благородства и идеи. Какъ же могло не произвести сенсаціи въ подобной странѣ такое преступленіе, въ какомъ были обвинены анархисты! Такъ оно и случилось, конечно. Каждый благомыслящій азбучный герой восклицалъ: распни, распни его! Демократическая прислуга — обоего пола — покупала портреты анархистовъ и „вѣшала" ихъ у себя на окнахъ. Торговцы выпускали объявленія такого рода: „Такъ какъ мы *за* то, чтобы анархисты были повѣшены, то у насъ такой большой спросъ, что мы можемъ продавать самый лучшій сортъ риса по девяти центовъ за фунтъ".

И ни одинъ изъ тысячи не зналъ даже, что такое анархизмъ, ни одинъ изъ тысячи. Мы безусловно не должны вѣрить тому, что американцы просвѣшенная нація, какъ мы представляемъ это себѣ обыкновенно.

III. ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО.

По моему, дѣло обстоитъ такъ, что было бы прямо чудомъ, если бы американцы были просвѣщеннымъ народомъ. Я принимаю во вниманіе, что американцы — новая нація, состоящая изъ разнообразнѣйшихъ и зачастую наименѣе просвѣщенныхъ элементовъ народонаселенія другихъ странъ съ темпераментомъ всѣхъ градусовъ широты; я не упускаю изъ вида и того, что американцы, разсматриваемые, какъ нація, представляютъ собою фактически лишь искусственный продуктъ, скорѣе только экспериментъ, нежели результатъ; я знаю, что даже самый истый янки есть только сынъ своего

отца, чей прадѣдъ былъ бѣжавшимъ крѣпостнымъ изъ Европы; знаю и то, что 75% теперяшняго населенія Америки составляютъ люди — мужчины и женщины — чьи родители 50 лѣтъ тому назадъ потеряли осѣдлость въ старомъ свѣтѣ, и чьи дѣти еще не имѣли времени пріобрѣсти эту осѣдлость въ новомъ. Вѣдь одинъ переѣздъ черезъ океанъ еще не дѣлаетъ человѣка просвѣщеннымъ. А между тѣмъ насъ серьезно хотятъ увѣрить именно въ этомъ. Во всякомъ случаѣ у насъ въ Норвегіи одинъ фактъ болѣе или менѣе долгаго пребыванія человѣка въ Америкѣ, означаетъ то, что человѣкъ этотъ знаетъ кое-что побольше, чѣмъ Отче Нашъ. Хорошо еще, если онъ не забылъ при этомъ и Отче Нашъ! — Даже въ самомъ истомъ янки сказывается врожденная наслѣдственность отъ его предковъ эмигрантовъ; въ крови у него прежде всего — стремленіе добыть себѣ матерьяльныя блага, — потому что единственнымъ стремленіемъ первыхъ переселенцевъ и было — добыть себѣ матерьяльное благосостояніе; только за этимъ явились они въ эту страну. Господствующія черты передались потомкамъ. Образованіе, положительныя науки, знанія — все это идетъ лишь кое-какъ, пока не добыты хорошія средства, а когда хорошія средства добыты, учебный возрастъ пропущенъ. Если бы американцы были просвѣщеннымъ народомъ, это противорѣчило бы всѣмъ законамъ природы.

Хотѣли извлечь самыя вѣсскія заключенія изъ того обстоятельства, что въ Америкѣ *свободная школа*. Я пришелъ къ глубочайшему убѣжденію, что образованіе, получаемое въ этихъ школахъ отнюдь не соотвѣтствуетъ огромнымъ затратамъ на нихъ. Даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ учащіе такъ и учащіеся совершенно не знаютъ—говорю, дабы использовать вышеупомянутый мною примѣръ— о существованіи телеграфа въ Норвегіи въ 1883 г., въ низшихъ же школахъ едва ли даже знаютъ вообще о существованіи Норвегіи; знаютъ, что есть Скандинавія, которая

въ то же время и Швецiя. Познакомившись немножко поближе со свободными школами Америки, приходишь къ горькому разочарованiю. Входишь туда съ величайшими надеждами, приближаешься со страхомъ и трепетомъ; школы—настоящiе дворцы, залы такъ высоки и обширны, что приходится чуть ли не прибѣгать къ географическимъ познанiямъ своимъ, чтобы изъ нихъ выбраться. Какъ только постучишься и входишь—весь классъ подымается! Это тотчасъ же наводитъ на странное подозрѣнiе: наталкиваешься на мысль, что дѣти давно уже привыкли къ подобнымъ посѣщенiямъ. И это впечатлѣнiе не покидаетъ васъ во все продолженiе осмотра; даже учитель обращаетъ большое вниманiе на посѣтителя. Онъ съ улыбкой идетъ мнѣ на встрѣчу, подаетъ мнѣ руку, онъ *радъ меня видѣть*, онъ желаетъ знать откуда я и даетъ—только ради меня, хотя бы то былъ урокъ англiйскаго языка—болѣе или менѣе полное понятiе о „славныхъ скандинавахъ", объ открытiи ими Америки, о ихъ трудолюбiи, ихъ способности американизироваться, ихъ участiи въ войнѣ за освобожденiе. Мнѣ приходилось слышать о замѣчательныхъ короляхъ, которыхъ мы когда то имѣли, о великихъ спортсменахъ и епископахъ, именъ которыхъ я до тѣхъ поръ никогда не слыхивалъ, о городѣ Спитсбергенѣ, гдѣ люди ходятъ въ тюленьихъ шкурахъ, о такомъ множествѣ рыбы, что приходится молить Бога отъ нея избавиться, о горахъ, передъ которыми даже у лысаго волосы встаютъ дыбомъ. Я слышалъ также и о конькобѣжцѣ Акселѣ Паульсенѣ. Этотъ человѣкъ фактически наиболѣе извѣстный норвежецъ въ Америкѣ; его ноги сдѣлали изъ него великаго человѣка, его портретъ былъ помѣщенъ въ *Police Gasette*. Если ты, какъ скандинавъ, хочешь поддержать свою нацiональную честь и славу въ Америкѣ, скажи только, что ты—соотечественникъ Акселя Паульсена. Если ты тѣмъ или инымъ способомъ запишешься въ родню этого человѣка, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что американцы устроятъ въ твою честь празднество.

Сидѣть и слушать свѣдѣнiя, даваемыя въ американскихъ свободныхъ школахъ—не лишено удовольствiя. Сообщенiе этихъ свѣдѣнiй не есть методическое преподаванiе даннаго предмета, оно прежде всего является для учениковъ занимательною *бесѣдою*, въ которую между прочимъ вплетены и положительные научныя истины. Хотя этотъ методъ обученiя достоинъ похвалы, потому что дѣлаетъ обученiе интереснымъ для ученика, а школу—привлекательной для него, но у него есть та дурная сторона, что онъ легко вовлекаетъ обученiе въ область абстракцiи, онъ заставляетъ обращаться ко всевозможнымъ вещамъ, превращая ученiе въ чистѣйшую забаву, прививая привычку къ шуткамъ, къ анекдотамъ въ которые вплетены между прочимъ и научныя свѣдѣнiя. Учитель—американецъ, онъ прирожденный ораторъ, онъ говоритъ рѣчь, бросаетъ на скамьи кончики и обрывки знанiй учащимся, поминутно спрашивая, поняли ли его дѣти и прося ихъ не забывать сказаннаго. Такимъ образомъ часъ, предназначенный для одного предмета, легко можетъ превратиться въ часъ преподаванiя для любого изъ прочихъ. Я иду въ школу въ субботу и намѣренно выбираю часъ предназначенный „реторикѣ", я хочу познакомиться съ американской реторикой. Но я уже искушенъ опытомъ: на вопросъ, откуда я, я не сморгнувъ отвѣчаю, что я—нѣмецъ. Но и тутъ я поступилъ необдуманно: къ сожалѣнiю, на учителя нисходитъ по этому случаю вдохновенiе, онъ настроенъ реторически, урокъ превращается въ проповѣдь, рѣчь идетъ о всевозможныхъ вещахъ и наконецъ останавливается на Германiи. Но въ каждомъ замѣчанiи заключено отрывочное, болѣе или менѣе научное свѣдѣнiе то о томъ, то о другомъ; интересный ералашъ знанiй, почерпнутыхъ изъ учебниковъ, газетной мудрости, словарей и листковъ воскресной школы. Рѣчь эта всегда строго нравственна, чтобы не сказать религiозна. Преподаванiе ведется въ этихъ „свободныхъ отъ религiознаго обученiя" школахъ совершенно въ томъ же

ортодаксально-религіозномъ духѣ, какъ и въ нашихъ народныхъ школахъ *). Даже тогда, когда учитель—ораторъ—впродолженіе урока затрагиваетъ европейскія дѣла, говоритъ о свободомысліи, анархизмѣ и иныхъ соціальныхъ напастяхъ, онъ всегда позаботится о томъ, чтобы извлечь нравоученіе изъ этого; немножко доброй воли—и князь Бисмаркъ становится республиканцемъ, а Вольтеръ—архіепископомъ въ Будапештѣ. Фактическая мораль торжествуетъ надъ самимъ фактомъ.—Потерявъ время за урокомъ для реторики, я за то узналъ, что первые стѣнные часы были изобрѣтены въ Германіи въ 1477 г.—что, пожалуй, и правда, а также то, что Фердинандъ Лассаль умеръ въ 1864 г., обратившись къ Богу,—что, пожалуй, ложь.

Безъ всякаго сомнѣнія, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ ведется гораздо болѣе основательно въ американскихъ коммунальныхъ школахъ, нежели въ нашихъ народныхъ; назову, напр., арифметику, картографію, каллиграфію, исторію и географію Америки и декламацію. Признаюсь также, что мои свѣдѣнія о преподаваніи въ Америкѣ очень неполны. Я, можетъ быть, не прослушалъ всѣхъ предметовъ и, само собою разумѣется, не обошелъ всѣхъ школъ. Я только интересовался этимъ предметомъ, потому что школьное дѣло въ Америкѣ,—какъ и въ другихъ странахъ,—наиболѣе обрисовываетъ духовную жизнь страны и ея проявленія. Я разспрашивалъ учениковъ, говорилъ съ учителями и учительницами, осмотрѣлъ главнѣйшія пособія и пришелъ къ глубочайшему убѣжденію, что американскія свободныя школы стоятъ дороже, чѣмъ заслуживаютъ. Тамъ преподается безбожное количество предметовъ; есть тамъ, какъ вы видѣли, и декламація, и реторика, да, даже „философія“ значится въ росписаніи; но я былъ пораженъ, насколько эта бездна пре-

*) Проф. *Ровсинда* въ своей книгѣ объ американскихъ школахъ говоритъ: „Патріотизмомъ и религіозностью проникнуто здѣсь все“ (стр. 10).

мудрости растягивается скорѣе въ ширь, чѣмъ въ глубь. При всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ американцами—впродолженіе многихъ лѣтъ и въ различнѣйшихъ дѣлахъ мнѣ немало довелось имѣть сношеній съ ними—я никогда не замѣчалъ, чтобы напр., философія, изучаемая ими въ школѣ, замѣтно проникла въ глубину ихъ мозга. А чтобы провести параллель съ другой страной, возьмемъ,—оставляя въ сторонѣ Норвегію,—хотя бы Ирландію. Я не меньше встрѣчалъ образованныхъ людей, какъ среди дѣтей, такъ и взрослыхъ, въ Ирландіи, нежели въ Америкѣ, хотя бы въ самой глубинѣ страны. Лично я ставлю главнымъ образомъ въ упрекъ американской школѣ то, что она совершенно не даетъ свѣдѣній о чужихъ народахъ, чужихъ государствахъ, о современной культурѣ Европы и Азіи, о мірѣ. Приходишь къ убѣжденію, что американскія школы слишкомъ патріотичны, чтобы знакомить учениковъ со всемірной исторіей. Только въ особыхъ случаяхъ, при посѣщеніи кѣмъ нибудь школы, учитель даетъ отрывочныя свѣдѣнія изъ всеобщей исторіи; онъ держитъ рѣчь, говоритъ о всевозможныхъ вещахъ, перебираетъ всѣ эпохи культуры, называетъ Моисея, Наполеона и Акселя Паульсена.

Какое же соотношеніе существуетъ между затратами на свободныя школы въ Америкѣ и образованіемъ, получаемымъ въ нихъ? Во что обходятся американскія свободныя школы? Прошу обратить вниманіе на то, что слово „свободныя“ обозначаетъ свободныя отъ платы, т.-е. *свободныя* школы—это значитъ *безплатныя* школы. Эти американскія свободныя школы, быть можетъ, самыя дорогія школы въ мірѣ. А между тѣмъ наговорено такъ много прекрасныхъ словъ объ этихъ школахъ именно потому, что онѣ „безплатны“. Когда американецъ хочетъ восхитить иностранца тѣмъ, какія великолѣпія находятся въ его странѣ сравнительно съ другими странами, онъ прежде всего укажетъ на необычайную политическую свободу, а затѣмъ на свободныя, т.-е. безплатныя

школы. Пріѣдетъ ли иностранецъ въ незнакомый городъ и купитъ ли себѣ „путеводитель“ (*city guide*), то непремѣнно найдетъ тамъ среди достопримѣчательностей города свободную, т.-е. безплатную школу. А между тѣмъ Америка, при всемъ томъ, выплачиваетъ ежегодно 200 милліоновъ долларовъ за эти безплатныя школы. Это одна изъ самыхъ крупнѣйшихъ статей расходовъ въ странѣ. И въ эту сумму еще не входятъ расходы на воскресныя школы,—расходы, которые съ каждымъ годомъ все съ большей и большей стремительностью растутъ по мѣрѣ того, какъ страна становится все болѣе католической. Итакъ, далеко невѣрно называть эти школы безплатными. Онѣ не болѣе безплатны, чѣмъ всякія иныя общественныя школы другихъ странъ. Когда наши газеты и янки въ Америкѣ желаютъ доказать, что эти школы дѣйствительно безплатны, то прибѣгаютъ къ невѣрному положенію, будто въ Америкѣ только наиболѣе состоятельные жители платятъ школьный налогъ, бѣдное же народонаселеніе посылаетъ своихъ дѣтей въ школу, ничего не взнося за это. Это разсужденіе слишкомъ поверхностно. Какъ будто самый бѣдный, самый голодный отецъ въ городѣ не платитъ своей доли школьнаго налога! Онъ выплачиваетъ этотъ налогъ, когда покупаетъ фунтъ мяса съ воза, даже когда взноситъ свой *licence* мяснику на бойнѣ, когда зажигаетъ газъ у себя вечеромъ, когда выпиваетъ стаканъ воды, онъ платитъ свой школьный налогъ и тогда, когда идетъ по улицѣ при свѣтѣ электричества. Но, скажутъ наши газеты и янки въ Америкѣ, налогъ на воду подлежитъ инымъ правиламъ и относится къ другому бюджету. Это такая вещь, которую можно сказать, но которой нельзя доказать убѣдительно. Въ каждомъ американскомъ городѣ—какъ, впрочемъ и въ каждомъ *township* въ странѣ—есть своя касса. Касса эта наполняется налогами, каждый налогъ является уплатой за роскошь, предоставляемую городомъ своимъ гражданамъ, и суммы эти расходуются администраціей на общественное

благо или зло. Такимъ образомъ городъ—это цѣлый штатъ въ миньятюрѣ, а штатъ—это цѣлый организмъ. Изъ-за крупнаго школьнаго налога, возложеннаго на отдѣльныхъ состоятельныхъ лицъ, получается то, что менѣе состоятельные обременены налогами иного порядка, которые иначе могли бы взноситься одними болѣе состоятельными, не будь у нихъ школьнаго налога. Налоги распредѣлены по состоянію, по доходамъ; на такого-то падаетъ столько-то, *потому что* онъ богатъ, но столько-то падаетъ и на тебя, *хотя* ты и бѣденъ. И ты уплачиваешь школьный налогъ.

Чтобы получить болѣе ясное понятіе о томъ, насколько тяжелы американскіе школьные налоги, сравнимъ школьный бюджетъ одного изъ нашихъ городовъ со школьнымъ бюджетомъ соотвѣтственнаго по величинѣ американскаго города. Въ Копенгагенѣ на школы расходуется 1 милліонъ 300 тысячъ кронъ, въ Миннеаполисѣ—городѣ той же величины—3 милліона 300 тысячъ кронъ, т.-е. на 2 милліона больше. Да еще сюда не входятъ расходы на духовныя школы. Въ результатѣ американскія школы, повидимому, ни въ какомъ отношеніи не соотвѣтствуютъ тѣмъ необычайно широкимъ экономическимъ жертвамъ, которыя ради нихъ приносятся. Будучи уже взрослыми, ученики этихъ школъ сидятъ въ Атенеумѣ и услаждаютъ душу свою сообщеніями о патентахъ и сыщичьими подвигами, и несмотря на всю ту „философію“, которую слышали они когда-то изъ устъ учителя, отошлютъ иностранца, спрашивающаго ихъ о Гартманѣ, къ американцу—пастору Эмерсону.

Я утверждаю, что въ американскомъ народѣ нигдѣ не видно, чтобы его неслыханно дорого поставленное школьное дѣло приносило блестящіе плоды въ отношеніи духовнаго и умственнаго развитія; видишь ясно, что американцы стоятъ на очень низкой ступени просвѣщенія, зачастую граничащей съ полнымъ невѣжествомъ. То, что они, наоборотъ, опередили насъ въ нѣкоторыхъ предметахъ, какъ, напр.,

въ ариѳметикѣ и отечественной исторіи, вовсе не способствовало ихъ умственному развитію въ качествѣ народа вообще. Ихъ мелочныя познанія ничтожнѣйшихъ событій ихъ собственной исторіи, напр., постоянное чтеніе о знаменитыхъ, будто бы, военныхъ подвигахъ, быть можетъ, немало способствовало развитію въ нихъ самодовольства и сдѣлало янки еще болѣе патріотичными, чѣмъ раньше. Что же касается ихъ искусства въ счетѣ, то оно ужъ во всякомъ случаѣ не ослабило, если не усилило ихъ грубую алчность и ихъ врожденное стремленіе возиться съ матерьяльными цѣнностями. Мальчикъ янки не вырастетъ, не попытавшись надуть кондуктора трамвая, проѣхавшись безъ билета, а когда вырастетъ и приметъ участіе въ выборахъ, то продаетъ открыто свой голосъ за столько-то и столько-то долларовъ и центовъ.

IV. ЦЕРКОВЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ.

Въ американскихъ университетахъ курсъ теологіи читается три года. Замѣчательно, что курсъ медицины на ряду съ этимъ продолжается самое большее одинъ годъ, а во многихъ университетахъ даже всего только четыре мѣсяца *). То, что тамъ есть и студенты-медики, прошедшіе болѣе чѣмъ одинъ курсъ, то, что есть въ Америкѣ доктора и замѣчательные ученые (Томасъ, Адамсъ и мн. др.), отнюдь не мѣшаетъ человѣку, прошедшему четырехмѣсячный курсъ, примѣнять на практикѣ свое невѣжество среди своихъ согражданъ. Секретарь комиссіи Раухъ энергично, но тщетно старался искоренить это научное мошенничество. Ему не удалось ни истребить, ни разсѣять этой стаи „коллегъ по медицинѣ", дѣйствующихъ бокъ-о-бокъ съ коллегами по медицинѣ и „профессоровъ", тѣснящихся вокругъ профессоровъ;

*) См. Official report of the Illinois State Board of health, 1888.

сила шарлатанства слишкомъ велика въ Америкѣ.—„Конечно, можно встрѣтить въ видѣ исключенія достойныхъ профессоровъ, бдительно слѣдящихъ за наукой, образованныхъ докторовъ; но общій *уровень* медицинскаго образованія въ Америкѣ стоитъ постыдно низко... Европейскія учрежденія этого рода несравненно лучше нашихъ, потому что они старше, и хотя многое можно поставить въ упрекъ монархіямъ (!)—онѣ поощряютъ медицинскія знанія. Профессорское званіе въ этой отрасли является тамъ обыкновенно наградой за заслуги, способности, познанія, тогда какъ мы видимъ на нашихъ медицинскихъ кафедрахъ толпу пресмыкающихся медицинскихъ политикановъ, посредственностей, а сплошь да рядомъ и невѣждъ, чье преподаваніе „медицины" заключается въ бахвальствѣ, неясныхъ предположеніяхъ, религіозныхъ пошлостяхъ и медицинскомъ жаргонѣ" (America).

Одинъ годъ относится въ этомъ случаѣ къ тремъ годамъ, какъ время къ вѣчности. Одинъ годъ на изученіе того, какъ спасти людей отъ временной смерти, три года на изученіе того, какъ заслужить вѣчную жизнь. Или вѣрнѣе: одинъ годъ на изученія того, какъ спасти людей для временной жизни, три года на изученіе того, какъ предостеречь ихъ отъ вѣчной смерти. *Honny soit, qui mal y pense!*

Въ Америкѣ встрѣчаешь болѣе интенсивную, болѣе активную церковную жизнь, нежели можно было бы ожидать. Въ этой странѣ, гдѣ такъ всецѣло царитъ матерьялизмъ, развивается, такъ сказать, въ противовѣсъ, или вознагражденіе за него, религіозная пропаганда столь горячая, что ее, по существу, можно лучше всего сравнить съ культомъ чая у англичанъ. Америка—богатая страна, гдѣ денегъ хватитъ на все; самый черный негръ, самый грѣшный зулусскій кафръ не окажутся слишкомъ дороги для американскаго капиталиста, воспламененнаго прозелитствомъ. Америка богатая страна! Тутъ есть и пасторы, и церкви, и ревнители нравственности, и лютеранскія учрежденія, и бѣлые кресты, и

кружки молодежи и всевозможныя нравственныя затѣи въ такомъ количествѣ, что болѣе бѣдная страна можетъ представить себѣ все это только въ воображеніи. — И что же? — Свобода въ ней все-таки такъ неблагородна, правосудіе такъ извращенно, преступленія такъ грубы? — Да, все-таки!

Ради ясности проведемъ параллель. Въ Копенгагенѣ, если считать всѣ молельни и часовни и даже Вифлеемскій корабль, всего 29 церквей. Если же сосчитать всѣ и маленькія и большія церкви Миннеаполиса — города одинаковой величины съ Копенгагеномъ—то въ немъ найдется 146 церквей. Вотъ какъ много Бога въ Америкѣ! Церкви богато разукрашены, раскошно разукрашены; въ Миннеаполисѣ напр. есть церковь, которой одинъ богатый человѣкъ пожертвовалъ оконную раму въ 500 долларовъ. Мягкій, пріятный полусвѣтъ проникаетъ тамъ въ разноцвѣтныя стекла оконъ, мягкія, глубокія кресла, громадные органы, ковры на полу, полированныя двери, полированныя люди, полированное слово Божіе. Въ дождливую погоду, право, очень пріятно присутствовать при богослуженіи въ американскихъ церквахъ. Проповѣдь отнюдь не норвежская, шведская или датская, — она американская, въ ней не теологія, а мораль, бостонская мораль, какую только и можетъ выносить каждый человѣкъ въ шелку и бархатѣ. Проповѣдь представляетъ собою сплошь интересную рѣчь, даже пересыпанную шутками, на которыя вся паства отвѣчаетъ громкимъ смѣхомъ — при величайшей корректности. Обыкновенно изъ этихъ рѣчей нельзя почерпнуть и тѣни поученія; въ этомъ онѣ похожи на наши проповѣди; но въ нихъ отчасти есть логика, человѣческій языкъ, поясните льные примѣры, и въ этомъ онѣ не всегда напоминаютъ наши проповѣди. Такимъ образомъ онѣ не поучаютъ, но занимаютъ. Въ этомъ и есть ихъ заслуга. Я лично въ Америкѣ много разъ предпочиталъ — даже имѣя даровой билетъ въ театръ въ карманѣ — провести вечеръ въ церкви вмѣсто того, чтобы итти въ ихъ театральныя лавочки. Тогда какъ

театръ можетъ предложить только безстыжее искусство, полу-искусство, антиискусство, — церковь предлагаетъ вамъ рѣчь, въ которой вы во всякомъ случаѣ слышите красивый языкъ, при этомъ вы не рискуете задохнуться отъ порохового дыма и голову вашу не осыпятъ окурками. И всѣ люди, приходящіе въ церковь, всегда самые обходительные люди города, самые красивые люди, на которыхъ прямо пріятно смотрѣть. Замѣчу мимоходомъ, что американцы необыкновенно красивый народъ. Въ общемъ едва ли найдется страна, гдѣ было бы столько красивыхъ лицъ. Можетъ случиться, что какой-нибудь нашъ любознательный лейтенантъ спроситъ, не испортила ли наружности народа вѣчная возня американцевъ съ денежными дѣлами, со счетами, со спекуляціями и т. д.? — Можетъ быть. Вѣдь намъ такъ мало извѣстно о первоначальномъ американскомъ народномъ типѣ, положенномъ въ основу первыми поселенцами; у насъ такъ мало возможности сравнить и посмотрѣть, насколько янки теперь обветшали. Во всякомъ случаѣ они и теперь просто красивые люди, съ прекрасно развитыми формами тѣла и энергичными лицами. Особенно хорошо сохраняются у нихъ глаза, чего нельзя сказать о европейцахъ. Въ Европѣ очки составляютъ чуть не часть одежды; въ Америкѣ же очень рѣдко встрѣтишь человѣка въ очкахъ. Если же и встрѣчаются на востокѣ люди въ очкахъ, то это, по большей части, негры. Эти негры, надо думать, немного читали въ школѣ, но очевидно и это немногое имъ трудно было вынести.

Американцы — усердные посѣтители церкви. Наибольшее число этихъ посѣтителей, разумѣется, составляютъ женщины; но и значительная часть мужчинъ достаточно политична, чтобы ходить въ церковь. Для янки, если онъ желаетъ выдвинуться въ свѣтѣ, совершенно необходимо состоять въ добрыхъ отношеніяхъ съ церковью; равнодушіе къ церкви и ея высшей и низшей жизни, т. е. къ ея небеснымъ и земнымъ дѣламъ, что опять-таки значитъ только земнымъ — это равно-

душіе непремѣнно бываетъ наказано. Если фабрикантъ пожертвуетъ кирпичъ на поправку попорченной стѣны въ церкви, то имя его будетъ громогласно помянуто въ слѣдующей воскресной проповѣди и онъ тотчасъ же получитъ благодарность какъ бы прямо отъ Бога. Если же другой фабрикантъ, наоборотъ, не пошлетъ столько-то людей для поправки стѣны, то *его* имя ни въ коемъ случаѣ не будетъ упомянуто въ проповѣди. Бо́льшая часть американцевъ достаточно умна, чтобы понять, какъ сильно дѣйствуетъ эта реклама посредствомъ церкви. И они пользуются ею. Янки неохотно откажетъ пастору въ чемъ-нибудь; помогать ему выгодно. Торговцы уступаютъ ему 10% со своихъ товаровъ, *потому что* онъ пасторъ; желѣзнодорожныя компаніи уступаютъ ему проѣздной билетъ за полцѣны, также *потому, что* онъ пасторъ. Если пасторъ придетъ къ работодателю и попроситъ его пристроить человѣка, то работодатель достаточно уменъ, чтобы не отказать ему, если у него есть на то хоть малѣйшая возможность; онъ неохотно откажетъ ему даже въ томъ случаѣ, если рабочій штатъ его въ настоящую минуту совершенно полонъ. Для этого работника опять таки весьма важно поэтому поддерживать дружелюбныя отношенія съ ближайшею церковью. Этотъ взаимный обмѣнъ воздѣйствія, это взаимная помощь и поддержка кирпича и слова Божія дѣлаютъ американскую церковь такой мірской,—что именно и соотвѣтствуетъ матеріалистическому духу страны. Она является на помощь настолько же, насколько сама пользуется помощью. Она придаетъ большое значеніе роскошному убранству, и душа, подарившая ей паникадило или вышитый золотомъ кошель для сбора изъ зеленаго шелка съ маленькимъ настоящимъ брилліантомъ на кончикѣ,—эта душа принесла жертву свою недаромъ. Если лѣсопромышленникъ не закрываетъ глазъ на земныя нужды церкви, на ея недостатки и потребности, которыя я опять-таки назову ея низшею жизнью, то этотъ лѣсопромышленникъ привлечетъ покупателей, у него образуется кліентура.

Съ каждымъ годомъ пасторы пріобрѣтаютъ все больше и больше значенія въ Америкѣ; католицизмъ съ особенной силой распространяется въ странѣ, и очень можетъ быть, что современемъ тамъ отъ прежняго не останется и камня на камнѣ. Это настолько очевидно, что въ Миннеаполисѣ, который является до нѣкоторой степени скандинавскимъ городомъ, цѣлыхъ 21 католическихъ учрежденія, тогда какъ всѣ другія церковныя общины вмѣстѣ насчитываютъ ихъ всего только два. Когда ѣдешь по желѣзной дорогѣ къ востоку, то проѣзжаешь города сплошь католическіе. Видишь церкви, большія школы, университеты, дѣтскіе пріюты, огромные монастыри — все католическое. Въ деньгахъ католическія церкви въ Америкѣ отнюдь не нуждаются; ихъ снабжаютъ средствами по большей части ирландцы, самая многочисленная партія страны, а ирландцы всегда лучше всего умѣютъ справиться съ дѣломъ; они, пожалуй, отличаются наибольшей приспособляемостью и умѣютъ приладиться ко всѣмъ условіямъ жизни.

Изъ того, что передъ выборами пасторовъ въ Америкѣ нанимаютъ разъѣзжать по околотку и говорить рѣчи въ пользу того или иного кандидата, изъ того, что пасторы такимъ образомъ становятся политическими дѣятелями, уже видно, какою крупною силой являются пасторы и въ этой области, въ которой другіе люди понимаютъ гораздо больше, чѣмъ они. Въ этомъ также сказывается въ янки наслѣдственность отъ ихъ праотцевъ-переселенцевъ. „Твой Богъ да будетъ моимъ Богомъ, только смерть разлучитъ насъ!“ Вовсе не абсолютная вѣра побуждаетъ народныя массы слѣдовать за ихъ пастыремъ; кромѣ матеріальныхъ выгодъ, связанныхъ съ этимъ, ими двигаетъ традиціонное правило, родъ религіозной наслѣдственности. У американцевъ ихъ религіозное вѣрованіе получило особую окраску, дѣлающую его своеобразнымъ; оно стало у нихъ вѣрой, которую наша теологія, вѣроятно, окрестила бы удобопонятнымъ словомъ

вѣры по привычкѣ, но которую, пожалуй, ближе можно обозначить словомъ „наслѣдственная вѣра, труизмъ". Вѣрятъ, потому что вѣрили раньше, потому что вѣра эта вошла въ плоть и кровь многихъ и многихъ поколѣній. Поэтому и вѣрятъ — не абсолютно, а фактически. То же впечатлѣніе труизма у американцевъ получается и въ ихъ церквахъ. Чужеземному грѣшнику очень успокоительно наблюдать за ихъ спокойнымъ, положительнымъ способомъ поклоненія Богу. Они идутъ въ церковь такъ же, какъ на какую-нибудь общественную лекцію, находятъ себѣ мѣсто, садятся въ глубокія, покойныя кресла, облокачиваются и слушаютъ,— между тѣмъ, какъ пасторъ, въ продолженіе положеннаго времени хлопочетъ о спасеніи ихъ душъ. Ни слезъ, ни волненій, которыя, быть можетъ, вызвала бы абсолютная вѣра; съ другой стороны—нѣтъ и равнодушія. Все, повидимому, принимается въ серьезъ; тутъ нѣчто среднее между раскаяніемъ и хвалебнымъ гимномъ, между кирпичемъ и словомъ Божіимъ, короче говоря—труизмъ. И этотъ труизмъ можетъ стать до такой степени жизненнымъ, что иностранцу не приходитъ въ голову, что онъ мертвъ; но это, быть можетъ, настоящій, такъ сказать, единственный настоящій видъ труизма янки. У янки онъ неподдѣленъ, неподдѣленъ и живъ. Онъ проявляется не въ притворствѣ, а въ легкой радости, въ заинтересованности. Проживешь нѣкоторое время въ Америкѣ и начинаешь мало-по малу понимать, что для бо́льшей части янки Господь Богъ почти такъ же милъ, какъ и Вашингтонъ,— а этимъ Господь Богъ можетъ быть вполнѣ доволенъ!

Но такое усердное посѣщеніе церкви въ Америкѣ отнюдь нельзя принимать за показателя высокой нравственности американцевъ. Какое множество славныхъ янки продѣлываетъ самыя скверныя дѣла въ субботу, а на другой день отправляется въ церковь. Но вѣдь янки — человѣкъ, а люди вездѣ похожи другъ на друга. Незамѣтно, чтобы американскіе пасторы, со всѣмъ пріобрѣтеннымъ ими могуществомъ,

способствовали развитію значительнаго и сильнаго нравственнаго чувства у членовъ своихъ общинъ. Состояніе нравственности въ Америкѣ вѣрнѣе можно измѣрить ея свободой, правосудіемъ и преступленіями, плоды же принесенные имъ на этой почвѣ отнюдь недостойны похвалы.

Американская мораль это — деньги.

У насъ много и очень красиво говорилось о религіозной свободѣ въ Америкѣ. На самомъ дѣлѣ эта свобода не простирается такъ далеко, какъ мы привыкли это думать. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, въ странѣ, называемой Америкой, рѣшаютъ вопросъ деньги. Если человѣкъ богатъ, то онъ можетъ скорѣе заботиться о своихъ лошадяхъ и экипажахъ, нежели о пасторѣ, и никто не осудитъ его за это; но если человѣкъ бѣденъ, то прежде хлѣба насущнаго долженъ онъ позаботиться о пасторѣ. На бѣднаго человѣка будутъ очень косо смотрѣть, если онъ обойдется безъ пастора. Американская мораль это—деньги.

Въ Америкѣ есть человѣкъ по имени *Ингерсолль*. Этому человѣку позволяютъ безпрепятственно разъѣзжать по американскимъ дорогамъ и читать такъ называемыя свободомысленныя рѣчи. Я, со своей стороны, не хочу назвать ихъ рѣчами свободными отъ мыслей, но все же скажу, что въ рѣчахъ этого человѣка очень мало мысли. Тѣмъ не менѣе Ингерсолль объѣзжаетъ Америку вдоль и поперекъ и проповѣдуетъ безбожіе по билетамъ, стоимостью въ 1 долларъ. Никто не задерживаетъ его на пути. Напротивъ. Кондукторъ желѣзнодорожнаго поѣзда, съ которымъ онъ ѣдетъ, полагаетъ, что ему игрою случая довелось везти великаго человѣка. А когда Ингерсолль выходитъ изъ вагона, онъ тотчасъ же можетъ прочесть извѣщеніе о своемъ прибытіи въ экстренныхъ добавленіяхъ къ мѣстнымъ газетамъ. Потому что Ингерсолль—полковникъ, слѣдовательно—патріотъ, онъ—адвокатъ, слѣдовательно, ораторъ, и онъ богатъ, слѣдовательно—все! Онъ—владѣлецъ значительныхъ помѣстій.

Есть тамъ и другой человѣкъ по имени Беннетъ, по сравненію съ Ингерсоллемъ человѣкъ болѣе интеллигентный, Беннетъ, редакторъ *The Fruth Seeker* (Искатель истины), авторъ двухъ большихъ книгъ о сравнительномъ изученіи вѣроисповѣданій, не говоря о множествѣ болѣе или менѣе мелкихъ сочиненій, — этотъ человѣкъ сидѣлъ въ американскихъ тюрьмахъ за свое свободомысліе. Почему же сидѣлъ онъ въ американскихъ тюрьмахъ за свое свободомысліе?— Потому что онъ не былъ полковникомъ — патріотомъ, — не былъ адвокатомъ — ораторомъ, — и потому что онъ былъ бѣденъ. Въ одномъ памфлетѣ онъ сказалъ правдивое слово о религіозномъ шарлатанствѣ американцевъ; это было ужъ черезчуръ; Ингерсолль никогда этого не дѣлалъ. Когда Ингерсолль говорилъ правдивое слово объ американцахъ, то правдивое слово это относилось лишь къ Ветхому Завѣту; онъ никогда не указываетъ на особые недостатки у своихъ соотечественниковъ, не находитъ ни единой тучки на небѣ Америки; онъ самый плоскій патріотъ въ своемъ отечествѣ. А Беннета отправили въ тюрьму. Фактъ тотъ, что человѣкъ этотъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы спастись отъ тюрьмы.

Есть тамъ и еще одинъ человѣкъ—*Пэрль Джонсонъ*. Онъ изобрѣлъ безумную идею, будто есть отдѣльные люди, представляющіе собою существа съ полигамическими наклонностями, онъ написалъ книгу, въ которой защищалъ до нѣкоторой степени свободную любовь—въ тюрьму его! Онъ былъ исключительно теоретикомъ, этотъ несчастный; онъ жилъ въ предмѣстьѣ Нью-Іорка и никогда не зналъ даже по имени ни одной женщины, кромѣ своей матери; но все равно—въ тюрьму его! Онъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы хотя бы добиться слѣдствія.

Американская мораль это — деньги.

Какъ противорѣчіе этому послѣднему примѣру понятій о морали, сложившихся въ Америкѣ, интересно прослѣдить,

какимъ образомъ примѣняется та же мораль, въ той же странѣ—къ *женщинамъ*.

Женщина въ Америкѣ пользуется властью, которую всего вѣрнѣе можно опредѣлить, какъ верховную. Если она идетъ по улицѣ, у нея—кромѣ самаго права на тротуаръ—право на внутреннюю его сторону; если двѣнадцать человѣкъ мужчинъ и одна женщина очутятся вмѣстѣ на лифтѣ, то двѣнадцать мужчинъ стоятъ съ обнаженными головами при спускѣ или подъемѣ лифта изъ-за этой одной женщины; если въ трамваѣ пятьдесятъ пассажировъ на-лицо, и входитъ женщина, одинъ изъ мужчинъ долженъ встать и уступить ей свое мѣсто; если женщина является свидѣтельницей на судѣ, показаніе ея равняется показанію двухъ мужчинъ; если мужчина, по неосмотрительности, выругается въ присутствіи женщины, онъ тотчасъ же обязанъ извиниться передъ нею. На американскихъ фермахъ мужъ по утрамъ встаетъ первый; только тогда, когда онъ уже разведетъ огонь въ печкѣ, поставитъ воду на огонь и подоитъ коровъ въ хлѣву, подымается и его супруга. Человѣкъ, у котораго есть жена, можетъ привлечь къ судебной отвѣтственности китайца, у котораго идетъ стирка, за то, что тотъ развѣсилъ для просушки свои подштанники на такомъ мѣстѣ, гдѣ его жена можетъ увидать ихъ. Жена, хотя бы она жила на средства мужа, вправѣ наложить арестъ на маленькую картинку Корреджіо, изображающую нагого пастушка, въ самой спальнѣ своего мужа; доказательствомъ этому можетъ послужить появившееся два года тому назадъ сообщеніе изъ Чикаго. Итакъ—дабы исчерпать вопросъ—если бы на улицѣ Карла Іоганна стояла лошадь и подмигнула бы кассиршѣ стоящей у кассы въ книжномъ магазинѣ Паша, то этой кассиршѣ, будь она американка, стоило бы только подмигнуть, въ свою очередь, полицейскому, и полицейскій, будь онъ также американецъ, тотчасъ же арестовалъ бы лошадь... Въ Америкѣ женщина можетъ безнаказанно дѣлать вещи

непозволительныя. Въ противуположность Пэрлю Джонсону, только проповѣдывавшему свободную любовь и наказанному за это, американскія женщины *практикуютъ* свободную любовь и остаются на свободѣ. Мужъ предпринимаетъ путешествіе по желѣзной дорогѣ, онъ въ отсутствіи, онъ не даетъ извѣстій о себѣ; три-четыре мѣсяца спустя убитая горемъ „вдова" является къ судьѣ и заявляетъ что-нибудь вродѣ слѣдующаго: „Я бы очень просила развода", говоритъ она, „мужъ мой предпринялъ путешествіе по желѣзной дорогѣ, и съ тѣхъ поръ не возвращался домой". Блѣднѣя отъ состраданія, судья отвѣчаетъ: „Что это за человѣкъ! Онъ такъ долго не былъ дома!" И уже послѣ онъ спрашиваетъ— только чтобы немножко соблюсти форму: „А сколько же времени прошло съ его отъѣзда?" — „Три мѣсяца!" отвѣчаетъ „вдова", собравъ послѣдній остатокъ силъ — „*Granted divorce!*" пишетъ судья, и „вдова" разведена.

Стоитъ только послѣдить нѣкоторое время за американскими газетами, чтобы убѣдиться, насколько несравненно легче въ Америкѣ получить разводъ женщинѣ, нежели мужчинѣ. Въ большихъ городахъ въ субботнемъ номерѣ газеты всегда имѣются особыя страницы, посвященныя разводамъ; извѣстія о разводахъ печатаются въ формѣ докладовъ изъ залы суда и всегда оканчиваются неизмѣннымъ: „Granted divorce!" И большинство разводовъ совершилось по требованію женъ. Одного того, что мужъ отсутствовалъ три, четыре мѣсяца, не высылая домой денегъ, достаточно, чтобы лишить его жены; впрочемъ, въ этихъ расторженіяхъ брака рѣшеніе обыкновенно зависитъ исключительно отъ прихоти судьи, отъ того, какъ лично онъ взглянетъ на дѣло.

Въ церквахъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, встрѣчаешь тотъ разрядъ американокъ, которыя насчитываютъ наименьшее число разводовъ въ своей жизни, а потому являются и самыми избранными женщинами города. Приличнѣйшіе люди, прекраснѣйшіе люди, на которыхъ смотрѣть — прямо

эстетическое наслажденіе. Зачѣмъ онѣ сидятъ здѣсь? Едва ли затѣмъ, чтобы поддерживать и охранять наивысшую нравственность. Вѣдь американки—люди, а люди вездѣ похожи другъ на друга. Онѣ сидятъ здѣсь въ силу своего труизма. Имъ интересно послушать, какъ отнесется Господь Богъ къ послѣднимъ происшествіямъ тамъ, въ преріяхъ, или здѣсь— въ городѣ, что скажетъ имъ вообще обо всемъ этомъ пасторъ въ своей рѣчи. Онъ разскажетъ имъ все до ниточки, онъ подтвердитъ все сказанное вырѣзками изъ газетъ, извѣстіями, полученными имъ отъ редактора изъ *Locals*, частными свѣдѣніями отъ лицъ, которыя могли бы пересчитать всѣ эти дѣла по пальчикамъ. „Мой другъ разсказывалъ мнѣ надняхъ", говоритъ онъ, — и разсказываетъ, что именно говорилъ ему надняхъ его другъ. Тутъ посѣтительницы церкви настораживаютъ ушки. Слѣдуетъ или какая-нибудь новость, или шутка. Какъ ради того, такъ и ради другого стоитъ насторожить ушки—при соблюденіи величайшей корректности.

Что еще, кромѣ этого, побуждаетъ американокъ усердно посѣщать церковь? Кромѣ труизма, ихъ побуждаетъ къ этому тотъ фактъ, что онѣ этимъ ничего не теряютъ. У нихъ есть время для такого религіознаго развлеченія, имъ не о чемъ безпокоиться. У истой американки нѣтъ дома, о которомъ нужно было бы позаботиться, нѣтъ мужа, которому нужно было бы помогать, дѣтей, которыхъ нужно было бы воспитывать; за два первыхъ года замужества еще можетъ случиться, что у нея родится двое дѣтей—по неосторожности; но больше уже не будетъ. А когда онѣ сидятъ въ церквахъ въ 30, 35 лѣтнемъ возрастѣ, у нихъ больше нѣтъ такихъ дѣтей, о которыхъ нужно пещись. У нихъ вообще не о чемъ пещись, онѣ—люди безъ дѣла. Занятія ихъ сводятся къ тому, чтобы утромъ до полудня полечить свои нервы, до двухъ часовъ написать произведеніе искусства въ краскахъ, до шести часовъ—читать „Хижину дяди Тома", до восьми часовъ—

гулять. Время отъ времени это ежедневное расписаніе ихъ занятій мѣняется. Три или четыре раза въ недѣлю онѣ, можетъ быть, вынуждены,—несмотря на тяготы по занятію искусствомъ, которыя онѣ несутъ на себѣ,—вынуждены урвать отъ восьми до одиннадцати часовъ для участія въ женскихъ конгрессахъ. Этого вѣдь ужъ нельзя же упустить; Господу Богу извѣстно, до какой степени это необходимо!

Итакъ, американки берутъ на себя слѣдующія жизненныя задачи на этомъ свѣтѣ: имѣть нервы, писать произведенія искусства въ краскахъ, питаться негритянской поэзіей, гулять и бывать на конгрессахъ. Родить дѣтей имъ, наоборотъ, совершенно некогда. Произведя на свѣтъ двухъ бумажныхъ пѣтуховъ, онѣ полагаютъ, что этимъ уже выполнили свою миссію материнства. Онѣ во что бы то ни стало хотятъ избѣжать дѣтей; онѣ не въ состояніи кормить ребенка грудью, онѣ не желаютъ этой муки. Слѣдствіемъ является то, что янки направляютъ всю свою изобрѣтательность на изысканіе средствъ, предохраняющихъ отъ дѣторожденія. Средства эти такъ же наизусть извѣстны женщинамъ Америки, какъ лютеранскій катехизисъ извѣстенъ нашимъ. Если бы, не взирая на эти средства, все же случилось—по неосторожности—несчастье, то есть еще одинъ выходъ: въ той самой странѣ, гдѣ человѣка за теоретическую проповѣдь свободной любви во имя нравственности сажаютъ въ тюрьму,—врачи открыто публикуютъ о своей спеціальности—искусственномъ удаленіи плода. И никто не преслѣдуетъ ихъ за это. Наоборотъ. У нихъ наилучшая репутація; американки посѣщаютъ ихъ. Если тѣмъ не менѣе все пойдетъ наперекоръ всѣмъ планамъ—вѣдь можно же притти къ врачу на какихъ-нибудь 4—5 мѣсяцевъ *слишкомъ* поздно,—то несчастіе все же совершается. На свѣтъ является настоящій ребенокъ, ни дать ни взять—безстыжій форменный младенецъ. А это, конечно, несчастье. Вѣдь съ такимъ младенцемъ не добьешься предсѣдательства на женскомъ конгрессѣ. И это

терзаетъ мать. Кормить его она тѣмъ временемъ тоже отказывается, и вмѣсто того, чтобы самой возиться съ груднымъ молокомъ, она предоставляетъ мужу ходить въ стойло и доить корову для ребенка.... Ежегодно изо всѣхъ смертныхъ случаевъ въ Соединенныхъ Штатахъ 50% падаетъ на дѣтей ниже пятилѣтняго возраста. Докторъ медицины Вольфъ, главный врачъ одной изъ крупнѣйшихъ больницъ въ Соединенныхъ Штатахъ (въ Чикаго), совмѣстно со многими изъ своихъ коллегъ, открыто заявилъ, что такое несоотвѣтственно большое количество смертныхъ случаевъ среди дѣтей надо приписать нежеланію американскихъ матерей кормить дѣтей своей грудью. Изъ 100 дѣтей, родившихся живыми, умираетъ въ Америкѣ 40, не достигши годоваго возраста. (Въ Норвегіи, насколько мнѣ помнится, 10). Стеклянные заводы въ Соединенныхъ Штатахъ производятъ ежегодно свыше 10 милліоновъ рожковъ.—Съ того дня, какъ янки окончательно запрутъ свои двери для иммигрантовъ, у нихъ останутся только немногія отсталыя индіанки для поддержанія народонаселенія...

И вотъ, когда въ церкви сидятъ американки,—красивыя, славныя 30—35 лѣтнія женщины, на которыхъ смотрѣть—прямое эстетическое наслажденіе, имъ-таки приходится подводить кой-какіе счеты съ своимъ небеснымъ Вашингтономъ. И онѣ дѣлаютъ это съ полнѣйшимъ самообладаніемъ. Эти люди не подымаются надъ уровнемъ общепринятой американской морали; но они и не отталкиваютъ ее. А въ этомъ все дѣло.

V. ЭТИКЕТЪ.

Обычаи въ Америкѣ, повидимому, тѣ же, что встрѣчаются и въ Англіи; въ особенности въ восточныхъ крупныхъ центрахъ Америки этикетъ имѣетъ наибольшее формальное сходство съ англійскимъ. Въ *Society*—обществѣ—англійскія

развлеченія, англійское обхожденіе, англійскій спортъ по тончайшей модѣ. Скачки, собачьи состязанія, боксъ, охота, игра въ мячъ и въ крикетъ остались самыми излюбленными и фешіонебельными развлеченіями на воздухѣ; культъ чая и миссіонерства, ростбифъ, приличное обхожденіе и обсужденіе рудниковыхъ и желѣзнодорожныхъ спекуляцій—вотъ излюбленныя духовныя развлеченія за дверьми „салоновъ". Ньюіоркскій щеголь можетъ поспорить съ лондонскимъ бѣлизной своего бѣлья, желтымъ весеннимъ пальто и голубыми мозгами, а бостонскія дамы изъ богатыхъ домовъ едва ли уступятъ какой-нибудь англійской *Lady* въ умѣньѣ провести свою собственную особу по полу до стула и съ тактомъ поддержать бесѣду, пока не споткнется. Большая часть обитателей западно-американскихъ городовъ высмѣиваетъ англичанъ, ихъ банки, ихъ престарѣлую королеву и въ особенности ихъ англійскую рѣчь; но на самомъ дѣлѣ американцы питаютъ величайшее почтеніе къ Англіи и съ благоговѣніемъ перенимаютъ чистый и неподдѣльный британскій этикетъ, занесенный въ страну янки англійскими эмигрантами. Попавши въ Вашингтонъ, замѣчаешь, что здѣсь это чувствуется еще сильнѣе, чѣмъ въ любомъ иномъ мѣстѣ Америки. Англійскій духъ и тонъ царствуютъ здѣсь какъ среди юныхъ, такъ и среди старыхъ членовъ *Society*. Зачастую въ какой-нибудь дочери супруги вашингтонскаго богача словно воплощается частичка чисто британскаго секретаря посольства; она ровно въ мѣру медлительна въ своихъ пріемахъ, достаточно флегматична въ манерахъ и выраженіяхъ и шепелявитъ удивительно мило. Правда, случается, что подобная особа сбѣжитъ иной разъ въ Канаду съ какимъ-нибудь неотразимымъ негромъ—конюхомъ своего отца; но это надо разсматривать какъ случай атавизма, какъ безсознательный возвратъ къ ветхому человѣку, къ натурѣ янки, преодолѣвающей всякое воспитаніе.

То, что дѣлаетъ американскій этикетъ національнымъ и

отличаетъ его отъ англійскаго, именно и есть въ буквальномъ смыслѣ слова—натура янки; несмотря на его внѣшнее сходство съ англійскимъ, онъ все же въ корнѣ своемъ американскій. Англичане—аристократы, а американцы—демократы, и эти различные основные инстинкты у обоихъ народовъ опредѣляютъ различіе ихъ проявленій и придаютъ особый характеръ ихъ этикету. Разница чувствуется даже между обитателями американскихъ штатовъ и англійской Канады. Когда ѣдешь по желѣзной дорогѣ и проведешь одну ночь въ американской, а слѣдующую въ канадской гостиницѣ, то тотчасъ же замѣчаешь, насколько у канадцевъ больше уваженія къ личности въ ихъ поклонѣ, больше интеллигентности въ ихъ отвѣтѣ, нежели у янки. Вѣдь такъ немного нужно, чтобы обнаружить эту разницу: чуть замѣтный оттѣнокъ искренности въ манерѣ предложить вамъ стулъ, нѣсколько менѣе кровожадные пріемы при подачѣ вамъ счета уже вызываютъ въ васъ симпатію и производятъ свое дѣйствіе, какъ выраженіе иного и болѣе высокаго развитія духа. Духъ американцевъ лишенъ аристократизма; этотъ духъ насквозь проникнутъ демократизмомъ, онъ весь направленъ къ равенству, весь расположенъ къ воспріятію только общаго уровня, онъ привыкъ выражать себя внѣ всякаго благородства; однимъ словомъ, американцы лишены духовной пластики. Янки можетъ изучить англійскій хорошій тонъ до тонкости, онъ можетъ знать весь формальный этикетъ, какъ свои пять пальцевъ, но тѣмъ не менѣе останется тѣмъ же неизмѣннымъ сыномъ прерій, онъ никогда не станетъ аристократомъ по темпераменту. У англичанъ есть традиціи, у нихъ въ крови есть врожденные элементы духовнаго благородства, американецъ же, наоборотъ,—это человѣкъ съ сегодняшняго дня, выскочка, самъ образовавшій себя и обучившійся обхожденію; онъ напоминаетъ человѣка съ аристократическимъ именемъ, но съ самой пошлой, обыденной фамиліей, скажемъ,—Эрнстьерне Ольсенъ; какъ бы

высоко ни подняло его это Эрнстьерне въ отношеніи англійскаго лоска,—Ольсенъ снова тянетъ его назадъ къ его національной стадно-негритянской сущности.

Американцы на самомъ дѣлѣ такъ мало аристократы, что даже ихъ послѣдняя знаменитая война была въ сущности войною противъ аристократіи. Она была, пожалуй, не болѣе войною за нравственность *) или войною за освобожденіе негровъ, нежели войною съ цѣлью истребленія южной аристократіи. Было бы немножко наивно представить себѣ, чтобы цѣлый народъ, въ особенности такой народъ, какъ американцы, до безумія увлекся войной—изъ чувства оскорбленной нравственности. Это отдаетъ Бостономъ, это звучитъ бабьими сказками. Если дѣйствительно изъ нравственнаго чувства воевали янки съ югомъ, то почему же они послѣ этого цѣлую четверть вѣка терпѣли такую открытую организованную безнравственность, какъ абсолютную общественную форму въ Штатѣ Утахъ въ самомъ сердцѣ Америки?—Война получила наименованіе освободительной. Почему бы нѣтъ? Войнѣ надо дать то или другое христіанское основаніе, оффиціальное названіе, а потому она и называется войною за освобожденіе. Но поговорите-ка съ солдатами и офицерами, бывшими на этой войнѣ, и спросите ихъ, что прежде всего заставило ихъ сражаться, что воспламенило ихъ духъ, и вы получите отъ этихъ солдатъ и офицеровъ отвѣтъ въ высшей степени отличный отъ отвѣта Гранта въ его мемуарахъ или въ мемуарахъ разныхъ другихъ Грантовъ. Когда полковникъ янки держитъ рѣчь въ „день декораціи“, то рѣчь эта вся сплошь посвящена побѣдамъ демократіи надъ „проклятой аристократіей“; когда умеръ генералъ Логанъ, то американская пресса уговаривала вдову его написать книгу объ этомъ демократическомъ побѣдителѣ „проклятыхъ южныхъ аристократовъ“. Спросите у ветера-

*) См. Бьернсона: „Одноженство и многоженство“, 14.

новъ сѣверныхъ штатовъ, что побуждало ихъ убивать женщинъ южанокъ, жечь плантаціи въ Миссури, душить стариковъ горячей золой, вбивать ржавые гвозди въ лобъ поросятъ южныхъ штатовъ, наносить глубокія раны саблей въ бока лошадей, коровъ плантаторовъ и подливать керосину въ раны,—спросите солдатъ и офицеровъ, было ли все это сдѣлано изъ нравственнаго чувства и ради освобожденія рабовъ!—Война велась противъ аристократіи и велась со всею бѣшеной ненавистью демократовъ къ знатности южныхъ плантаторовъ. Тѣ же самые Сѣверные Штаты—высоко-нравственные Сѣверные Штаты—которые стремились тогда раздавить южную аристократію, сами спекулировали рабами; бостонскія женщины забыли объ этомъ. Богачи Сѣверныхъ Штатовъ обладали громадными пространствами на югѣ; когда разразилась война, южные плантаторы должны были сѣверу огромныя суммы. Стало обычнымъ правиломъ, чтобы восточно-американскіе богачи давали южнымъ плантаторамъ ссуды въ счетъ осенняго урожая, ссуды подъ залогъ самихъ плантацій и негровъ. Вотъ такъ нравственность! Вотъ такъ святое стремленіе дать свободу дядѣ Тому!

То, что интеллигентность американцевъ проявляется такъ формально правильно и въ то же время совершенно лишена внутренняго благородства, душевной поэзіи, кладетъ отпечатокъ и на ихъ этикетъ. Онъ лишенъ внутренняго содержанія, изъ него удаленъ символическій смыслъ. Какъ американцы безусловно предпочитаютъ зрѣлище борьбы между двумя извѣстными боксерами представленію Сарры Бернаръ въ *Ruy Blas*, такъ и во всѣхъ ихъ пріемахъ и въ проявленіяхъ этикета сквозитъ та же самая духовная неразвитость; въ ихъ поклонахъ, ихъ одеждѣ, въ тонѣ общества, даже въ самой уличной жизни большихъ городовъ царитъ эта пустота духовной жизни. Если пойдешь вечеромъ по лучшей улицѣ американскаго города и выберешь гуляющую парочку, за которой послѣдуешь вплотную, незамѣтно при-

слушиваясь къ ея разговору, то получишь ясное представленіе о господствующихъ интересахъ народа этой страны. Если повторишь этотъ опытъ каждый вечеръ въ продолженіе нѣкотораго времени, постоянно выбирая себѣ новую парочку, то изъ послѣдняго разговора вынесешь совершенно то же впечатлѣніе, что и изъ перваго, причемъ оба разговора будутъ обнаруживать ту же самую, лишенную духовнаго богатства, интимную жизнь и будутъ придерживаться тѣхъ же предметовъ интереса: дѣловыхъ предпріятій, борьбы, спорта, погоды, семейныхъ обстоятельствъ, катастрофъ на желѣзной дорогѣ, арестовъ. Хотя бы это была парочка влюбленныхъ, — бесѣда не приметъ изъ-за этого иного характера. Дама вся въ шелку, у нея самый національный костюмъ; вкусъ ея выражается въ подборѣ самыхъ несоотвѣтственныхъ и отчаянныхъ красокъ: на томъ же лифѣ черныя, синія, бѣлыя и красныя пуговицы; огненно-золотистый шарфъ на одномъ боку, развѣвающіяся желтыя ленты, банты на самыхъ неподходящихъ мѣстахъ; — американки одѣваются ослѣпительно; самъ Соломонъ не одѣвался съ такимъ великолѣпіемъ! — Парочка національна: какъ дамы любятъ рѣзкіе переходы отъ темнаго къ кричащей яркости, такъ что блескомъ красокъ онѣ способны убить всякій внутренній разумный смыслъ своей одежды,—такъ въ мужской одеждѣ есть своя чисто-національная дисгармонія, безъ которой она не была бы американской. Янки покупаетъ себѣ шляпу въ 10—15 долларовъ, а самъ преспокойно носитъ при этомъ пару брюкъ, на которыхъ не хватаетъ пуговицъ тамъ, гдѣ у брюкъ не должно нехватать пуговицъ. По шляпѣ онъ—Эрнстьерне, а по штанамъ—Ольсенъ. Въ жаркое время года и не ждите увидѣть сюртукъ или жилетъ на истинномъ янки; онъ безо всякаго стѣсненія разгуливаетъ себѣ по улицамъ со своею дамою и безъ этихъ принадлежностей туалета.

Днемъ въ американскомъ городѣ на улицахъ лихорадочное

оживленіе. Дѣльцы поспѣшными шагами снуютъ туда-сюда, въ банки и изъ банковъ, въ крупные торговые дома и изъ нихъ, къ кліентамъ и отъ кліентовъ; пустые омнибусы катятъ на мѣста, увлекаемые хромоногими мулами; дамы засѣдаютъ въ „конгрессахъ“, дебатируютъ вопросъ о превращеніи Докаты изъ территоріи въ штатъ; сынъ, надежда семьи, отправляется въ Атенеумъ и читаетъ рапорты о патентахъ; репортеръ газеты стоитъ на перекресткѣ и прислушивается, нѣтъ ли гдѣ пожара или убійства, ловитъ матеріалъ для утренняго номера; а щеголь по ремеслу, *„dude“*, съ своимъ воротникомъ, высотою съ маншетку и со своей золоченой тростью, сидитъ безъ сюртука гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ и надуваетъ фермера на азартной игрѣ.

Послѣ обѣда характеръ улицы мѣняется; въ шесть часовъ городъ гуляетъ. Изъ каждаго угла выползаетъ на волю дитя человѣческое; банки закрываются; Атенеумъ закрываетъ свои сокровища до слѣдующаго утра, дамы гуляютъ и увлекаютъ своихъ лейтенантовъ, какъ только можно увлечь лейтенанта; а щеголь по ремеслу уже обдѣлалъ свое дѣльце и общипалъ глупаго фермера, какъ только можно общипать глупаго фермера. И хромоногіе мулы тащатъ по улицамъ уже полные омнибусы, и пивныя наполняются жаждущими нѣмцами всѣхъ странъ, и фабрики запираютъ свои большія желѣзомъ окованныя двери, и толпы закоптѣлыхъ рабочихъ съ оловянными судками въ рукахъ снуютъ по переулкамъ, и мальчикъ-газетчикъ пронзительнымъ голосомъ выкрикиваетъ извѣстіе о чудеснѣйшемъ убійствѣ въ городѣ Канзасѣ! Тутъ наступаетъ великая минута для щеголя, цѣлый день ждалъ онъ этого часа; первое шелковое платье, показавшееся на Николлетскомъ авеню, настраиваетъ его. Ходить и пялить глаза на новѣйшій фасонъ сюртука, громко болтать о двухъ боксерахъ, только что расквасившихъ носы другъ другу, сказать нѣсколько остротъ на своемъ жаргонѣ, устремиться

за какой-нибудь несчастной грѣшницей полусвѣта,—вотъ и всѣ интересы его жизни. Попадаются и талантливые люди между этими франтами, красивые мужчины, остроумные, находчивые янки, американцы ирландской крови, молодые люди, проводящіе день въ роскошныхъ ресторанахъ, а ночь— въ кабачкѣ на стулѣ, отбросы и джентельмены, содержанки мужского пола, въ теплые вечера дожидающіеся у церкви дѣвицъ Райлей и готовые всего за два доллара помочь своему ближнему во всякой тѣлесной нуждѣ...

Главное впечатлѣніе отъ уличной жизни въ Америкѣ и есть эта поголовная духовная невоспитанность народа. Духъ великолѣпнаго бездушія, въ которомъ живутъ янки, словно нарочно созданъ для процвѣтанія щеголей съ голубыми мозгами. Ни предметовъ искусства, ни книгъ въ окнахъ магазиновъ, а потому волей-неволей таращишь глаза на вырѣзныя фигурки индѣйцевъ у табачныхъ торговцевъ. Если господинъ или дама, идя по тротуару, читаютъ послѣдній номеръ газеты, то читаютъ они объ убійствахъ да катастрофахъ. Если идутъ двое влюбленныхъ и бесѣдуютъ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ, то бесѣдуютъ они о дѣловыхъ предпріятіяхъ и погодѣ. Въ то же время гуляющіе необычайно зоркими глазами слѣдятъ за малѣйшимъ отступленіемъ отъ обычнаго уличнаго движенія,—за пьяной женщиной, переполненнымъ трамваемъ, человѣкомъ въ очкахъ.

Однажды передъ банкомъ *Scandia* на площади собралось четыреста человѣкъ. Что же люди эти тамъ дѣлали? Они стояли и смотрѣли на возъ съ камнями, застрявшій на трамвайныхъ рельсахъ. И кругомъ въ домахъ у оконъ виднѣлись группы лицъ, молодыя и старыя лица одно надъ другимъ, слѣдившія за чудомъ съ напряженнымъ выраженіемъ, и съ прилегающихъ переулковъ бѣгомъ собирался народъ, даже старыя карги бѣжали вприпрыжку посмотрѣть на этотъ возъ съ камнями. Никогда не приходилось мнѣ наблюдать ничего подобнаго въ другихъ странахъ, гдѣ я путешествовалъ; вся эта толпа людей стояла и смотрѣла на возъ съ камнями, словно это было міровое историческое зрѣлище. Чернь, скажутъ мнѣ, чернь и молодежь! Не совсѣмъ. Это были американцы. Тутъ были и уважаемые жители города, и дамы съ „конгресса“, люди изъ общества. Эта чернь была въ мѣхахъ, дамы въ богатыхъ туалетахъ, чернь въ шелкахъ; это была чернь, которая могла бы получить великій орденъ *Old Fellow* *) на грудь, чернь, у которой на однихъ зубахъ набралось бы золота долларовъ на пять. Это были американцы.

Прошлой зимой, когда я былъ въ Америкѣ, была у меня пара валенокъ (гамашъ), у которыхъ было вмѣстѣ 22 пуговицы. Ну, я готовъ признать, что въ нихъ, можетъ быть, было одной или двумя пуговицами больше, чѣмъ бы слѣдовало, это я охотно допускаю; но все же вѣдь на нихъ было всего только по одной пуговицѣ на каждую петлю, а каждый имѣетъ право имѣть при такихъ условіяхъ пуговицы на гамашахъ. Тѣмъ не менѣе добрые граждане большого города, не взирая на тотъ отвѣтъ, который они должны были бы держать изъ-за этого передъ совѣстью, не могли воздержаться, чтобы не пялить глаза на мои гамаши. Когда я осмѣливался пройтись въ нихъ по главной улицѣ города, каждый глазъ каждой головы истаго янки устремлялся за мною, и мнѣ казалось, что я никогда не видалъ столько людей на улицѣ, какъ въ тѣ дни, когда на мнѣ были мои гамаши. Если бы я былъ странствующимъ театромъ, я бы не могъ возбудить большаго вниманія и я вовсе не былъ увѣренъ, что не получу ангажемента въ какой-нибудь музей-варіетэ. Наконецъ, любопытство, навлекаемое на меня моими гамашами, стало нѣсколько подозрительно. Сами полицейскіе стояли и смотрѣли

*) Благотворительное общество *Old Fellow*, на подобіе ордена Вольныхъ каменщиковъ, образовавшееся въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія. *Прим. перев.*

на нихъ, обсуждая про себя, не слѣдуетъ ли имъ арестовать ихъ. Слѣдствіемъ было то, что я отдалъ ихъ, да, я это сдѣлалъ—отдалъ моему злѣйшему врагу, столяру изъ Техаса, съ которымъ такимъ образомъ и заключилъ сердечнѣйшій миръ.

Итакъ, подобный вздоръ можетъ занимать американцевъ, такіе пустяки, какъ двѣ лишнихъ пуговицы на гамашахъ, то, что надѣто на ногахъ у встрѣчнаго, можетъ поглощать ихъ мысли,—между тѣмъ какъ люди иныхъ странъ внимательно ловятъ все, что время посѣяло на своихъ поляхъ, и каждый вопросъ охватываютъ бдительнымъ окомъ. Не стоитъ и упоминать о нѣсколько дикой манерѣ таращить глаза на иностранца, о весьма некультурномъ обычаѣ, дозволяющемъ самые наглые взгляды и пошлые возгласы по адресу иностранца на улицѣ. Гдѣ народъ такъ „свободенъ“, какъ въ Америкѣ, и гдѣ мозги такъ мало духовно воспитаны, нечего удивляться, если, напр., какая-нибудь американка расхохочется во все горло прямо тебѣ въ лицо и обзоветъ тебя „жалкимъ французикомъ“, или какая-нибудь черная полуобезьяна продавитъ твою шляпу своей залоченой тростью. Жаловаться на это могутъ только весьма наивные люди, только что пріѣхавшіе изъ своего отечества, гдѣ народъ нѣсколько менѣе „свободенъ“, а обращеніе нѣсколько менѣе идеально.

Какой-нибудь уроженецъ Новой Гвинеи почувствовалъ бы величайшее изумленіе, если бы встрѣтилъ знакомаго на улицѣ и этотъ знакомый воздержался бы отъ того, чтобы погрозить ему кулакомъ. Таково тамъ дружеское привѣтствіе. У нѣкоторыхъ малайскихъ племенъ два друга, встрѣтившихся послѣ долгой разлуки, должны осыпать другъ друга грубостями, самыми изысканными ругательствами, чтобы затѣмъ искренно и сердечно обняться. Въ Америкѣ громкимъ голосомъ кричатъ привѣтствіе: *How do you do?* и проѣзжаютъ мимо. И прежде чѣмъ я успѣю отвѣтить на этотъ вопросъ,

спрашивающій очутился по крайней мѣрѣ, въ десяти шагахъ отъ меня. Такимъ образомъ случается, что отвѣтъ, когда онъ, наконецъ, дается, обращенъ уже къ слѣдующему встрѣченному мной человѣку,—къ продавцу банановъ съ острова Сициліи или къ дамѣ въ платьѣ реформъ. Это *How do you do*, пожалуй, столь же безсмысленное привѣтствіе, какъ и дружескій кулакъ или сердечное ругательство; буквально оно обозначаетъ: „Какъ ты дѣлаешь дѣлать?“ Это привѣтствіе, заимствованное изъ Англіи, первобытное привѣтствіе лондонскихъ предмѣстій; въ англійской *high life* никогда не услышишь его на улицѣ. Только въ Америкѣ считается признакомъ хорошаго тона ошеломлять людей громкимъ, почти нечленораздѣльнымъ возгласомъ: „Какъ ты дѣлаешь дѣлать?“ Когда американецъ привѣтствуетъ, онъ это дѣлаетъ изо всѣхъ силъ.

Самое привѣтствіе, быть можетъ, является пережиткомъ несовершенныхъ стадій человѣческаго развитія. Возможно! Безъ сомнѣнія, сохранилось оно еще съ собачьей стадіи. Болѣе, чѣмъ возможно. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ не пошелъ дальше своей теперешней стадіи, привѣтствіе имѣетъ смыслъ лишь какъ символъ, какъ поэзія, участіе; оно является выраженіемъ интеллигентности, указывающимъ степень развитія того народа, у котораго оно существуетъ. Такъ же, какъ указываетъ оно и на степень развитія у звѣрей. Когда рыба стала птицей, она научилась болѣе утонченнымъ пріемамъ. Быкъ привѣтствуетъ съ тихимъ достоинствомъ, прямо уставившись впередъ глазами и не произнося ни звука; но кошки въ темныя ночи привѣтствуютъ другъ друга такимъ образомъ, что ужъ лучше бы онѣ этого вовсе не дѣлали. Тѣмъ не менѣе это *ихъ* привѣтствіе,—выраженіе ихъ темперамента и степени развитія.

Американское привѣтствіе—это англійскій жаргонъ; оно менѣе осмысленно, чѣмъ здорово,—безсмысленное сочетаніе словъ, восклицаніе, брошенное мимоходомъ. Янки кидаетъ

мнѣ среди улицы безсмысленный вопросъ, на который я не могу отвѣтить, не бросившись догонять его! Спрашивать меня во всеуслышаніе, какъ я „дѣлаю", когда я вышелъ изъ дому съ твердымъ намѣреніемъ не вступать съ людьми въ пререканія,—это значитъ наносить мнѣ оскорбленіе въ такой моментъ, когда я не могу защищаться. Американское привѣтствіе до такой степени безсмысленно, что у насъ въ Норвегіи за такое привѣтствіе отправили бы въ Гаусту *).

Въ Америкѣ человѣкъ расхаживаетъ себѣ по всему партеру въ театрѣ, не снимая шляпы; онъ избавляетъ себя отъ излишней вѣжливости въ отношеніи другихъ. Только найдя свое мѣсто, снявъ пальто и подложивъ его подъ себя, снимаетъ онъ шляпу. Въ Варіетэ и *Opera comique* онъ вовсе не снимаетъ шляпы, но зато снимаетъ сюртукъ, а въ жаркое время года и жилетъ.—Когда одинъ янки входитъ въ квартиру другого янки, ему нечего стѣсняться, оставаясь въ шляпѣ; въ этой странѣ принято и даже считается шикомъ поступать такъ, какъ самому хочется. Если онъ войдетъ въ обѣденное время, онъ усядется за обѣденный столъ словно за рабочую скамью, не дѣлая никакого различія между дѣломъ и удовольствіемъ, ни мало не чувствуя себя обязаннымъ хозяину и хозяйкѣ. Только въ томъ случаѣ, если посѣтитель застанетъ хозяевъ за обѣдомъ, предложатъ ему прохладительнаго, и тогда онъ принимаетъ его какъ должное, какъ и всякое кушанье, онъ можетъ принять или не принять его. Онъ обѣдаетъ словно разсыльный, котораго наняли для этого, поглощаетъ свой ростбифъ съ величайшимъ проворствомъ, по чистѣйшей рутинѣ; онъ не *вноситъ* въ это удовольствія, онъ *хватаетъ* его, на лету вцѣпляется въ него зубами, нападаетъ на него съ геройскимъ мужествомъ; онъ долженъ покончить съ этимъ во столько-то или столько-то

*) Мѣстность, гдѣ находится домъ умалишенныхъ, близъ Христіаніи. *Прим. перев.*

минутъ; у него слишкомъ мало времени, чтобы изящно обращаться съ такимъ пустякомъ, какъ ростбифъ. А когда онъ съ этимъ покончитъ, онъ вскочитъ изъ-за стола, не говоря ни слова, даже если онъ въ гостяхъ, даже не кивнувъ хоть слегка головой; его благодарность, это совершеннѣйшая неблагодарность. Однажды мнѣ случилось въ такихъ обстоятельствахъ, забывшись, обратиться къ хозяйкѣ съ самымъ легкимъ поклономъ; смущеніе ея было велико, но мое стало еще большимъ, когда она отвѣтила: „*Thank you, I dont dance!*" (Благодарю васъ, я не танцую).—„Нѣтъ", сказалъ я въ извиненіе,—„мнѣ самому кажется, что танцы послѣ обѣда—большое неприличіе". И мы разстались.

Отсутствіе духовности въ американскомъ этикетѣ дѣлаетъ его національнымъ, придаетъ ему анти-идеальный характеръ. Это — этикетъ предмѣстій старинной, аристократической страны, перенятый народомъ, состоящимъ изъ новоиспеченныхъ демократовъ, для которыхъ свобода — произволъ, а участіе—форма лишенная всякаго содержанія. Когда американецъ испускаетъ крикъ привѣтствія, наборъ словъ, въ которомъ не кроется никакого смысла, то изъ этого привѣтствія выпотрошено все его идеальное содержаніе и оно является *только* крикомъ. А если иностранецъ, вставая изъ-за стола, не долженъ кланяться въ благодарность за обѣдъ, такъ это не безцеремонность; это отнюдь не примѣръ „простоты" и „естественности", за которую всюду прославили американцевъ; это, наоборотъ, *лишенная содержанія церемонность*. Потому что фактически въ Америкѣ церемонія состоитъ въ слѣдующемъ: не благодарить за обѣдъ. Это своего рода этикетъ. Привѣтствовать же надо, напротивъ, такъ, чтобы въ ушахъ дребезжало. Это тоже этикетъ.

Насколько мало и ничтожно выраженіе вѣжливости въ Америкѣ на улицахъ, настолько же сухъ и несимпатиченъ установленный этикетъ у нихъ дома.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Черное небо.

Нація съ патріотизмомъ и ненавистью къ иностранцамъ, народъ безъ національной литературы и искусства, развращенное общество, жизнь плоско-матеріалистическая, полнѣйшее отсутствіе духовнаго! Робертъ Букенанъ и Гербертъ Спенсеръ рѣшились въ самой Америкѣ высказать эти для самой жизни опасные отзывы объ Америкѣ и американцахъ.

Когда наши писатели описываютъ героя, къ которому они относятся благосклонно, но которому туго приходится на родинѣ по случаю его свободомыслія и лѣвыхъ убѣжденій, то въ заключительной главѣ своего романа они отсылаютъ его въ Америку. Тамъ-де ему просторъ! Когда наши свободомыслящіе публицисты хотятъ выяснить своимъ подписчикамъ какова должна быть свобода, то они указываютъ на Америку и говорятъ: вотъ это такъ свобода! Когда наши наиболѣе передовыя женщины хотятъ доказать, какъ плачевно-мало удается имъ приложить своихъ жизненныхъ силъ къ политикѣ и какъ далеко отстали онѣ въ этомъ отношеніи отъ „людей“ иныхъ странъ, то онѣ прежде всего указываютъ на Америку, гдѣ женщины дѣлаются даже бургомистрами въ нѣкоторыхъ прэріяхъ. Вотъ это такъ женщины!

Громкій шумъ, поднятый вокругъ самаго слова Америка, слишкомъ быстро и легко убѣждаетъ насъ въ томъ развитіи, котораго она будто бы достигла. Слышишь крики избирательной кампаніи и воодушевляешься, прислушиваешься къ оглушительному реву изъ цирка Барнумъ и дрожишь,

читаешь сообщенія о свиныхъ бойняхъ въ Чикаго и ликуешь, читаешь всевозможныя газетныя выдумки и вѣришь. Оглушенный грохотомъ паровыхъ молотовъ, чуть не задыхаясь отъ смрада машинъ, начинаешь думать своими подавленными мозгами: Америка — великая страна! Это только *величина вещей* такъ убѣдительно дѣйствуютъ на насъ. Американскій духъ, дѣйствительно, мало-по-малу проникаетъ въ сознаніе каждаго; онъ передается черезъ письма, газеты и разсказы путешественниковъ. Сами янки вполнѣ удовлетворяются вещами, будь онѣ только велики; если онѣ и невелики, то по крайней мѣрѣ онѣ должны тогда стоить много денегъ. Размѣры и наличная стоимость—вотъ что составляетъ внутреннее содержаніе вещей. Въ роскошнѣйшихъ дворцахъ Мичиганскаго авеню не больше стиля, чѣмъ въ головѣ негра, въ нихъ нѣтъ никакой архитектуры; но въ нихъ милліонъ долларовъ наличной стоимости, — а это дѣйствуетъ чрезвычайно убѣдительно на каждаго. Въ памятникѣ Вашингтону нѣтъ ни тѣни никакого интереса, кромѣ его высоты. Онъ возвышается на 555 футовъ надъ землею; на верхушкѣ, говорятъ, стоитъ Вашингтонъ; очень можетъ быть, что онъ и дѣйствительно стоитъ тамъ, его не видно, подобныя произведенія искусства дѣлаются не для того, чтобы разглядывать ихъ снизу, съ земли. Верхнее озеро и городской паркъ въ Филадельфіи въ американскихъ альманахахъ всегда называются двумя изъ одиннадцати чудесъ Америки. Почему? — Потому что Верхнее озеро самое большое, а Филадельфійскій паркъ самый большой паркъ въ мірѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ пустыя преріи занимаютъ громадныя пространства, что̀ стоитъ занять нѣсколько сотъ миль земли больше или меньше, разъ вопросъ идетъ о томъ, чтобы сдѣлать чудо изъ парка! *Metropolitan Opera House* тоже иллюстрируетъ пристрастіе американцевъ къ крупнымъ предметамъ. Разумѣется, это „самый большой театръ въ мірѣ“. Архитекторъ, строившій его, нарочно ради него ѣздилъ

въ Европу; онъ жилъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ, Вѣнѣ и Москвѣ, потомъ вернулся обратно и воздвигъ чудовищное зданіе для оперы, гдѣ слушаешь и смотришь на представленія, хуже которыхъ нѣтъ ни въ одной странѣ. Тѣмъ не менѣе, это — „величайшій театръ въ мірѣ“ — а это убѣдительно дѣйствуетъ на каждаго. Иностранецъ стремится посѣтить его, ему хочется насладиться великимъ сценическимъ искусствомъ, которое онъ и разсчитываетъ найти здѣсь. Онъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, онъ видитъ одно фиглярство; онъ туда больше не ходитъ,—Затѣмъ онъ уѣзжаетъ въ Чикаго. Тутъ его тотчасъ же оповѣщаютъ, что въ театрѣ *Madison square* „самый дорогой занавѣсъ въ мірѣ“; такъ написано на афишахъ. Нѣтъ, нѣтъ! говоритъ иностранецъ и рѣшительно трясетъ головой; мнѣ бы хотѣлось видѣть *искусство*! говоритъ онъ. И онъ твердо держится этого. Проходитъ нѣкоторое время; мало-по-малу, мало-помалу американскій духъ проникаетъ въ него; онъ читаетъ афиши, представляетъ себѣ дорогой занавѣсъ, слышитъ бой электрическаго барабана, раздающійся каждый вечеръ отъ 6—7 ч. въ Мадисонскомъ *square*; реклама дѣйствуетъ. Въ концѣ концовъ онъ отправляется въ театръ, — чтобы увидѣть занавѣсъ! Наличная стоимость искусства замѣнила его внутреннее содержаніе.

Такимъ же образомъ здѣсь, дома, насъ очень легко убѣдить въ томъ, что Америка велика. Шумъ, доносящійся оттуда, изступленный, однотонный шумъ рекламы, рано или поздно покоряетъ насъ. Когда изъ года въ годъ только и слышишь объ этой странѣ, что о гигантскихъ предметахъ, находящихся въ ней, о громадныхъ пустыхъ пространствахъ въ ней да величайшихъ денежныхъ цѣнностяхъ, то въ концѣ концовъ впадаешь въ какое-то оцѣпенѣніе передъ могуществомъ, создавшимъ все это. Мы уже не спрашиваемъ о небольшомъ— о *внутренней* вещи; колоссъ —самая популярная реклама на землѣ. Одной басней объ американскихъ колоссахъ больше,

одной меньше, — не все ли равно, разъ понятія наши *такъ* расширились, что пустое пространство земли составляетъ для насъ паркъ, а занавѣсъ — сценическое искусство. Америка— великая страна!

„По своей политикѣ, литературѣ, культурѣ и искусству, по своимъ городамъ и народу, Америка — страна разочарованій и потери всякихъ иллюзій. Познакомившись хоть отчасти съ каждой страной, я не могу себѣ представить ни одного мѣста въ цивилизованномъ мірѣ, за исключеніемъ Россіи, гдѣ я меньше желалъ бы жить, чѣмъ въ Америкѣ; я не могу представить себѣ страны, гдѣ жизнь могла бы быть хуже, грязнѣе, безсодержательнѣе и грубѣе“.

„Америка—апофеозъ филистерства, предметъ смущенія и отчаянія людей государственныхъ, Мекка, куда стремится каждый религіозный и соціальный шарлатанъ; гдѣ единственнымъ богомъ, которому дѣйствительно молятся, является Маммонъ, а единственнымъ достижимымъ просвѣщеніемъ — вычисленіе выгодъ; гдѣ нація, чтобы доставить богатство своимъ поставщикамъ, подрядчикамъ и монополистамъ, — освободила своихъ рабовъ и сдѣлала своихъ свободныхъ рабами; гдѣ народъ переполненъ и насквозь пропитанъ матерьялизмомъ“.

„Америка кичится своимъ равенствомъ и свободой, и не видитъ, что нѣтъ страны на свѣтѣ, гдѣ права личности и интересы общественные нарушались бы болѣе систематически, нежели въ Америкѣ“ *).

Горячее слово, опасное слово, характеризующее человѣка! Лепель Гриффинъ, пожалуй, никогда уже не поѣдетъ въ Америку подъ своимъ настоящимъ именемъ...

Но неужели не найдется въ Америкѣ ни одного *избранника*? неужели нѣтъ въ ней кружка людей духа, дворца утонченности, салона, класса, клики личностей изящныхъ, благородныхъ душъ?

*) *Lepel Griffin* въ 1884 г.: Fortnightly Beview, I.

Америкѣ всего двѣсти лѣтъ. Въ первомъ изъ этихъ столѣтій она была еще совсѣмъ неорганизована; въ слѣдующемъ столѣтіи началъ туда стекаться кой-какой народъ,— славные ребята, усердные волы, мускульныя животныя, плотскія существа, чьи кулаки могли рыть землю и чьи мозги не умѣли думать. Прошелъ человѣческій вѣкъ; кой-какой народъ все чаще и чаще приплывалъ къ Квебекъ на прямыхъ парусахъ; среди нихъ попадался какой-нибудь разорившійся содержатель кофейни или какой-нибудь піэтистическій пасторъ. Время шло; къ Балтимору причаливала шкуна съ тридцатью тремя усердными волами, банкротами и однимъ убійцей. Время шло; къ Портсмутской гавани приставала барка, въ которой помѣщалось полсотни усердныхъ воловъ, тысяча фунтовъ пасторовъ, полдюжины убійцъ, четырнадцать мошенниковъ и пять воровъ. Затѣмъ однажды темной ночью прибылъ въ Новый Орлеанъ торговый крейсеръ; ночь эта была такъ темна, а крейсеръ былъ такъ полонъ товара; онъ прибылъ съ береговъ верхняго Нила и вмѣщалъ семьдесятъ чернокожихъ. Они высадились на берегъ; это были мускульныя животныя, негры изъ Ніамъ-Ніама, чьи руки никогда не обрабатывали землю и чьи мозги никогда не думали. А время шло; народъ стекался въ страну большими, большими потоками; изобрѣтенъ былъ паръ, чтобы привозить его туда изъ-за моря; переполнился Бостонъ, сталъ наполняться и Нью-Іоркъ. День за день, день за день человѣческія толпы со всего свѣта текли по царству прерій, народъ всѣхъ расъ и всѣхъ нарѣчій, всякій сбродъ безъ числа, банкроты и преступники,авантюристы и безумцы, пасторы и негры—всѣ члены великой арміи паріевъ со всей земли.

И ни единой благородной души.

Изъ этого-то народонаселенія, изъ этихъ индивидуумовъ должна была Америка породить въ будущемъ избранника духа...

Странѣ посчастливилось. Въ Невадѣ и Калифорніи нашлось золото, въ Пенсильваніи серебро и масло, въ Монтанѣ желѣзо, мѣдь, ртуть и олово, въ Аллеганахъ, Огіо, Кэнтукки и Виргиніи каменный уголь; принялись за земледѣліе и скотоводство, за лѣсопромышленность и воздѣлываніе плантацій, за рыболовство и охоту; солнце было жаркое, и земля плодородная; самыя маленькія деревца приносили плоды, большія дороги зарастали травой. Сбродъ со всего міра чувствовалъ себя превосходно въ этомъ новомъ царствѣ; онъ сталъ плодиться и множиться, наслаждался жизнью, по колѣно ушелъ въ пищу, ѣлъ въ три или четыре раза больше, чѣмъ въ старомъ отечествѣ. И рабы изъ усердныхъ воловъ стали патріотами.

Изъ этихъ-то патріотовъ, въ этомъ сбродѣ должна была Америка породить избранника...

Какимъ образомъ могло это быть? Вѣдь въ странѣ не было никого изъ людей духа; сбродъ не порождаетъ ничего благороднаго, а когда сбродъ, наконецъ, превратится въ патріотовъ, то представители его становятся людьми весьма самодовольными. Лучшіе представители Америки, высшіе изъ всѣхъ, передовые люди, которые могли бы положить собою начало къ созиданію дворца утонченности, въ самодовольствѣ сердца своего, наложили 35% пошлины на ввозъ произведеній духа — чтобы создать въ странѣ избранника? 1 января 1863 г. они сдѣлали негровъ господами надъ южными землевладѣльцами, приняли въ семьи свои мускульныхъ животныхъ изъ Ніамъ-Ніама, отдали имъ въ мужья и жены своихъ сыновей и дочерей — чтобы породить отборъ людей духа?

— Нечего и ожидать появленія избранника въ Америкѣ; болѣе чѣмъ несообразно требовать избранника отъ страны, въ которой нація, какъ таковая, является чистѣйшимъ экспериментомъ и чей народъ, происходя отъ посредственностей, воспитанъ въ патріотической ненависти ко всему ненаціональному. Если кто не родится съ благородной душой, то

облагородить его можетъ только постороннее вліяніе, или же никогда не быть ему благороднымъ. Среди американцевъ нѣтъ никакого стремленія къ *сверхвысокому;* самое завѣтное, чего они хотятъ достигнуть, это — быть высокороднымъ янки, цѣль котораго — общій уровень: политическая демократія. У него нѣтъ изысканнаго требованія умственнаго изящества, духовнаго господства. Если есть дворецъ духа въ Америкѣ, почему же молчатъ американцы во всѣхъ областяхъ духовной жизни? Гдѣ этотъ классъ, кружокъ, салонъ?

Но вѣдь есть же люди мысли въ Америкѣ? Можетъ быть, я прошелъ мимо и забылъ о двадцати и одномъ поэтахъ, о которыхъ упоминается въ разговорномъ словарѣ издательскаго бюро, о семи историкахъ, одиннадцати художникахъ, двухъ историкахъ литературы, двухъ теологахъ, одномъ генералѣ Грантѣ и одномъ Генри Джорджѣ? — Я не прошелъ мимо и не забылъ объ этихъ умахъ. Я не забылъ о нихъ ни въ одномъ пунктѣ своей книги...

Въ пятидесятыхъ годахъ обозначилось, какъ будто появленіе избранника въ двухъ старѣйшихъ изъ южныхъ штатовъ; но пронеслась война и стерла это прежде, чѣмъ оно успѣло обосноваться. Впослѣдствіи это уже не повторялась. Кровь народа съ тѣхъ поръ демократически мѣшалась съ негритянской, и интеллектъ сталъ понижаться, а не повышаться. Къ этой совмѣстной жизни принуждали. Безчеловѣчность оторвала негровъ отъ Африки, гдѣ они были дома, а демократія сдѣлала ихъ цивилизованными гражданами вопреки всѣмъ законамъ природы. Они сразу перескочили всѣ промежуточныя ступени развитія отъ крысоловки до янки. Теперь изъ нихъ дѣлаютъ пасторовъ, цирюльниковъ, воспитателей и зятьевъ. У нихъ всѣ права бѣлыхъ и всѣ они пользуются истинной свободой чернокожаго негра. Негръ какъ былъ, такъ и останется негромъ. Если онъ кого-нибудь брѣетъ, то хватаетъ его за носъ, какъ его блаженной памяти праотецъ хваталъ нильскаго крокодила за ногу; по-

даетъ ли онъ вамъ обѣдъ, онъ погружаетъ въ супъ свой лоснящійся большой палецъ до самаго перваго сустава. Безполезно упрекать его за эту немножко слишкомъ негритянскую манеру держать себя; если на такой упрекъ не послѣдуетъ еще болѣе грубаго отвѣта, то ужъ во всякомъ случаѣ африканскій демократъ покажетъ вамъ, что онъ въ высшей степени обиженъ: *Mind your own business!* (Заботьтесь о своихъ собственныхъ дѣлахъ). Приходится замолчать, вопросъ исчерпанъ. Но если рядомъ съ тобой находятся два огромныхъ кулака и полноправіе, то всякій аппетитъ за обѣдомъ пропадаетъ. Вотъ, если бы ты самъ опредѣленно потребовалъ себѣ супа съ большимъ пальцемъ, — ну, тогда другое дѣло.

Негръ всегда останется негромъ, — человѣческимъ существомъ съ тропиковъ, существомъ съ кишками въ головѣ, рудиментарный органъ въ бѣломъ общественномъ тѣлѣ.

Вмѣсто того, чтобы создать избранника духа, они положили основаніе мулатской помѣси; а потому, быть можетъ, мы будемъ въ правѣ искать избранника въ странахъ, гдѣ существованіе избранника болѣе обезпечено. Изъ того, что въ странахъ съ длинной и богатой исторіей культуры есть избранники, еще не слѣдуетъ, чтобы были они и въ новооткрытой странѣ безъ всякой исторіи и со старой, отжившей культурой. Напрасно было бы требовать отъ Америки болѣе высокихъ избранниковъ, чѣмъ тѣ, какихъ могли создать пасторы на протяженіи четырехъ поколѣній. Повидимому, мѣстомъ ихъ пребыванія является Бостонъ. Они дѣйствуютъ въ тишинѣ, не переворачиваютъ міра, не потрясаютъ землю.

Хотя и безполезно было бы требовать высокаго духа отъ американцевъ въ виду ихъ прирожденныхъ свойствъ въ качествѣ наслѣдниковъ всякаго сброда, а также ихъ соціальнаго жизненнаго строя, такъ мало способствующаго духовному развитію, но это же самое служитъ отчасти обстоятельствомъ, извиняющимъ ихъ въ томъ, что высокое развитіе духа

имъ несвойственно. Тѣмъ не менѣе, хотя мы и не рискуемъ жизнью и цѣлостью своего тѣла, говоря объ этомъ шопотомъ, но все же еще вѣрнѣе вовсе молчать объ этомъ. Если какой-нибудь человѣкъ, по неопытности, вздумаетъ сказать нѣсколько извинительныхъ словъ объ американской неразвитости, его тотчасъ же по просятъ сунуться — только сунуться! Конечно, нельзя совсѣмъ оправдать американцевъ, потому что они, въ силу необычайно чувствительнаго самомнѣнія, отклоняютъ всякое духовное вліяніе извнѣ; навѣрное пришлось бы вернуться въ очень далекое прошлое, чтобы найти націю, которая, единственно только изъ ревниваго національнаго тщеславія, такъ запустила бы свою духовную жизнь, какъ это сдѣлали американцы. Сомнительно, чтобы можно было въ чемъ бы то ни было возлагать надежды на постепенный прогрессъ, на мелкія улучшенія, скромныя соціальныя реформы, за которые сегодня борятся, но отъ которыхъ и слѣда не останется въ будущемъ поколѣніи; скорѣе можно надѣяться на крупный шахматный ходъ, на мощныхъ отдѣльныхъ революціонеровъ духа, которые однимъ ударомъ переносятъ человѣчество на нѣсколько поколѣній впередъ. Но если время для исторической революціи не подготовляется, если земля не обрабатывается для выдающихся духовныхъ возможностей въ данной странѣ? Если ее, наоборотъ, оставляютъ въ покоѣ, не воздѣлываютъ, даютъ зарастать плевелами и сорными травами въ изобиліи? Запущенное національное поле, чудо въ видѣ обширнаго пустого парка! Задача каждаго американца — быть прежде всего патріотическимъ гражданиномъ просторныхъ прерій, а ужъ потомъ развитымъ индивидуумомъ, членомъ всего человѣчества. Это чувство проникаетъ его и окрашиваетъ всѣ его представленія съ самой колыбели; только будучи американцемъ, являешься на самомъ дѣлѣ человѣкомъ. Оттого и не найдешь во всей этой обширной странѣ ни одного хоть немного сомнѣвающагося, чуткаго искателя, безпокойнаго духа, который нарушилъ бы эту гладь,

сбился бы съ такта, впервые внесъ бы сознательно дисгармонію въ жалкую музыку жестяныхъ дудочекъ. Всѣ живутъ себѣ въ неразрывномъ согласіи, подъ громкіе крики ура, и даже не оглянутся...

Міръ шума и пара и огромныхъ, стонущихъ чеканныхъ машинъ; міровое государство, въ которомъ сошлись люди со всѣхъ поясовъ земного шара, отъ бѣлыхъ жителей сѣвера до тропическихъ обезьянъ и духовныхъ мулатовъ включительно; страна съ мягкой, плодородной почвой и первобытными лугами.

И чернымъ небомъ...

СОДЕРЖАНІЕ.

Условія духовной жизни. СТРАН.

I. Патріотизмъ 11

II. Ненависть къ иностранному 24

Литература.

I. Журналистика 35

II. Поэты и писатели 47

Изобразительныя искусства.

Живопись и скульптура 104

Сцена.

I. Драматическое искусство и актеры 120

II. Ненависть къ иностранному 128

Вліянія въ области духовной жизни.

I. Понятія о свободѣ 138

II. Правосудіе и преступленія 144

III. Школьное дѣло 150

IV. Церковь и нравственность 158

V. Этикетъ 171

Заключеніе 184

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ПЕРВАЯ.

А СЕРАФИМОВИЧЪ. У ОБРЫВА. — А. КУПРИНЪ. БРЕДЪ. — С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. ЛѢСНАЯ ТОПЬ. — Н. ГАРИНЪ. КОГДА-ТО... — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. ПОЛКОВНИКЪ РОЗОВЪ. В. БРЮСОВЪ. ГОРОДЪ (стихотвореніе). М. ДОБУЖИНСКІЙ. ГОРОДЪ. БУДНИ. ПРАЗДНИКЪ (рисунки). Л. БАКСТЪ. УЛИЦА. (рисунокъ). Н. РЕРИХЪ. ГОРОДЪ (рисунокъ). ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ВТОРАЯ.

В. МУЙЖЕЛЬ. ПОКА...— А. КОЙРАНСКІЙ. ГОЛОДЪ. — И. БУНИНЪ. У ИСТОКА ДНЕЙ. — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. МАЙ.—ИВ. БУНИНЪ. ПЕТРОВЪ ДЕНЬ. ПРОВОДЫ. ГЕЙМДАЛЬ. АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТѢ.— СЕРГ. ГОРОДЕЦКІЙ. РУСЬ. ВЕСНЯНКА.—АЛ. БЛОКЪ. Н. Н. ВОЛОХОВОЙ. ЛЕГЕНДА.—АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „СМЕРТЬ". 6 рис. СЕНТЪ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ ВѢНЦА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ТЬМА. — ИВ. БУНИНЪ. АСТМА. — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. СЕСТРА. — А. КУПРИНЪ. ИЗУМРУДЪ.— А. СЕРАФИМОВИЧЪ. ПЕСКИ. — АЛ. БЛОКЪ. стихи. Г. ЧУЛКОВЪ. ЗОЛОТАЯ НОЧЬ. стихи. ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. романъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ. АГРАФЕНА.— СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ. ПОХОЖДЕНІЯ ЛЕОНА ДРЕЯ.— ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. ИСПОЛНЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ. поэма.— АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. КЛЕОПАТРА. ТЫ И Я. стихотворенія.— ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. СМЕРТЬ ЧЕЛОВѢКА.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ПЯТАЯ.

ШАЛОМЪ АШЪ. САББАТАЙ ЦЕВИ.—К. БАЛЬМОНТЪ. ЛИТВА. С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. БЕРЕГОВОЕ.— ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. РАЗСКАЗЪ О СЕМИ ПОВѢШЕННЫХЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. МОИ ЗАПИСКИ (повѣсть). — К. БАЛЬМОНТЪ. I. РЕВНОСТЬ (разсказъ). II. КРИКЪ ВЪ НОЧИ (разсказъ). — АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. ГОЛОСА ВЪ ПОЛЯХЪ (стих.). — Н. МИНСКІЙ. ТРЕУГОЛЬНИКЪ (стих.). ВИДѢНІЕ (стих). — МОРИСЪ МЕТЕРЛИНКЪ. СИНЯЯ ПТИЦА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЧЕРНЫЯ МАСКИ. — ПЕТРЪ НИЛУСЪ. НА БЕРЕГУ МОРЯ. — АНАТОЛЬ ФРАНСЪ. РАЗСКАЗЫ ЖАКА ТУРНЕБРОША. — ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. КАПЛИ КРОВИ. (романъ).

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ЛЕОНИДЪ СЕМЕНОВЪ. I. У ПОРОГА НЕИЗБѢЖНОСТИ. II. ЛИСТКИ.— М. РОЗЕНКНОПЪ. ГОРОДЪ. — А. ЧАПЫГИНЪ. I. ПРОЗРѢНІЕ. II. ОБРАЗЪ. — О. МИРТОВЪ. КАШТАНЫ. ВѢРА ЯРОВАЯ. ТРИ КОМНАТЫ. — СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ. I. КРОТЫ. II. ОСЫ.— ВЛ. ВОЛКЕНШТЕЙНЪ. ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. ПЕЧАЛЬ ПОЛЕЙ. (повѣсть). — БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. СНЫ.—ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. СЫНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ.— А. БЛОКЪ. ПѢСНЬ СУДЬБЫ. (піеса).

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

МОРИСЪ МЕТЕРЛИНКЪ. МАРІЯ МАГДАЛИНА (пер. съ рукописи).— ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. КОРОЛЕВА ОРТРУДА (третья часть романа „навьи чары"). П. ГИРШБЕЙНЪ. ОБРУЧЕНІЕ.

Ц. 1 р.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

КНУТЪ ГАМСУНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ двѣнадцати томахъ.

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ.
Переводы исключительно съ норвежскаго.

ПРИ ВЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

Томъ I. Духовная жизнь современной Америки.
„ II. Голодъ.
„ III. Мистеріи.
„ IV. Новь.
„ V. Панъ. Сіеста.
„ VI. У вратъ царства. Драма жизни. Закатъ.
„ VII. Викторія. Въ сказочной странѣ.
„ VIII. Редакторъ Люнге. Царица Тамара.
„ IX. Поросль.
„ X. Мункенъ Вендтъ. Дикій хоръ.
„ XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
„ XII. Подъ осенними звѣздами.

Вышли: Томъ I. Духовная жизнь совр. Америки. Ц. 1 р.
Томъ II. Голодъ. Ц. 1 р.
Томъ III. Мистеріи. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ V. Содержаніе: Панъ. Перев. С. Полякова.—Сіеста. Пер. С. Полякова. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ VI. У вратъ царства. Пер. Ѳ. Комиссаржевскаго.—Драма жизни. Пер. С. Полякова.—Закатъ. Пер. С. Городецкаго. Ц 1 р. 25 к.
Томъ VII. Содержаніе: Викторія. Пер. Ю. Балтрушайтиса.—Въ сказочной странѣ. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Ц. 1 р. 40 к.
Томъ IX. Поросль. Пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р.
Томъ XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь. Пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Г. УЭЛЛСА

въ 9 томахъ, подъ редакціей В. Г. ТАНА, съ портретомъ и предисловіемъ автора къ русскому изданію и вступительной статьей В. Г. ТАНА.

Переводы исключительно съ оригинала Н. А. Морозова, В. Г. Тана, К. Чуковскаго и др.

Томъ I. Странные разсказы.
„ II. Когда спящій проснется.
„ III. Грядущіе дни. Машина времени.
„ IV. Пища боговъ.
„ V. Борьба міровъ.
„ VI. Дни кометы.
„ VII. Первые люди на лунѣ.
„ VIII. Невидимка. Островъ д-ра Моро.
„ IX. Предвкушенія.

Вышелъ томъ I. Содержаніе: Біографія и вступ. статья. Странные разсказы. Пер. В. Г. Тана и К. Чуковскаго.

Томъ II. Когда спящій проснется. Пер. Ек. Прейсъ, подъ ред. В. Г. Тана. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ III. Грядущіе дни. Пер. В. Г. Тана. Машина времени. Пер. Н. А. Морозова. Цѣна 1 р. 25 к.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГАБРІЭЛЯ Д'АННУНЦІО

въ пер. Ю. Балтрушайтиса, Валерія Брюсова, М. Ватсонъ, Зин. Венгеровой, Вяч. Иванова, Конст. Эрберга и др.

Томъ I. Джованне Эпископо. Сонъ въ весеннее утро. Сонъ осенняго заката.

„ II. Невинная жертва.

„ III. Разсказы изъ Пескары.

„ IV. Наслажденіе.

„ V. Торжество смерти.

„ VI. Дѣвы горъ.

„ VII. Джіоконда. Мертвый городъ. Слава.

„ VIII. Пламя.

„ IX. Франческа да-Римини.

„ X. Корабль. Сильнѣе любви.

„ XI. Безумная мать. Огонь подъ спудомъ.

„ XII. Поэмы и стихи.

Вышелъ томъ III. Разсказы изъ Пескары. Пер. Зин. Венгеровой. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

„СѢВЕРНЫЕ СБОРНИКИ"

КНИГА ПЕРВАЯ.

(2-ое изданіе).

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорскій). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока). — **Зельма Лагерлёфъ.** Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго). — **Августъ Стриндбергъ.** Преступникъ (пер. С. Городецкаго). — **Германъ Бангъ.** Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба). — **Оскаръ Левертинъ.** Зельма Лагерлёфъ (статья). — **Теодоръ Вольфъ.** Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

А. Купринъ. О Кнутѣ Гамсунѣ. **Кнутъ Гамсунъ.** Мистеріи. Пер. А. Острогорскій. **Ола Гансонъ.** Sensitiva amorosa. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. С. Городецкаго. **Гаральдъ Геффдингъ.** Потомокъ Гамлета (статья о Киркегорѣ). **Серенъ Киркегоръ.** I. Несчастнѣйшій. II. Афоризмы. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 20 к.

КНИГА ПЯТАЯ.

I. Альмквистъ. Мельница въ Шельнурѣ. **Августъ Стриндбергъ.** I. Высшая цѣль. II. Сказка о Сенъ Готардѣ. III. Полъ-листа бумаги. IV. Соната призраковъ. **Я. Седербергъ.** I. По теченію. II. Мелкій дождь. III. Сатана, маіоръ и придворный проповѣдникъ. IV. Воздаяніе за грѣхъ. V. Бездомная собака. VI. Тѣнь. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 рубль.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пѣснь Сигурды. Отрывокъ изъ Эдды. Гуннаръ Гейбергъ. Балконъ. **Его же.** Трагедія любви. **Іонасъ Ли.** Черная птица. **Петеръ Нансенъ.** Освѣщенное окно. **Амалія Скрамъ.** Лѣто. **Ея же.** Страна Майка. **Дѣтство и юность Ибсена** (по Іегеру). Ц. 1 р. 10 к.

Изд. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

С. РАФАЛОВИЧЪ. «ОТВЕРГНУТЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ».
Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. ТОМЪ I. «ГИДАЛЛА».
ПЕР. В. ВАСИЛЕВСКАГО. «МУЗЫКА». ПЕР. З. ВЕНГЕРОВОЙ.
Цѣна 1 р. 20 к.

ТОМЪ II. ЛУЛУ: a) «ВАМПИРЪ». ПЕР. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА;
b) «ЯЩИКЪ ПАНДОРЫ». ПЕР. ГИБЕРМАНЪ.
Цѣна 1 р. 25 к.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. «ПРОБУЖДЕНІЕ ВЕСНЫ».
ПЕР. ПОДЪ РЕДАКЦ. ѲЕДОРА СОЛОГУБА.
Цѣна въ переплетѣ 75 к. (разошлось).

АЛ. БЛОКЪ. ТРИ ПЬЕСЫ: «БАЛАГАНЧИКЪ».
«КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ». «НЕЗНАКОМКА».
Цѣна 1 руб. 20 к.

ЕВ. ЧИРИКОВЪ. «МАРІЯ ИВАНОВНА». Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.—
С. НАЙДЕНОВЪ. «ХОРОШЕНЬКАЯ». Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.—
С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. «СМЕРТЬ». Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ.
Ц. 75 к.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА». Обложка,
заставки и концовки В. ЧЕМБЕРСА. Ц. 60 к. (разошлось).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «АНТОНЪ ЧЕХОВЪ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится къ печати).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «К. С. СТАНИСЛАВСКІЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится къ печати).

«ТЕАТРЪ»

(КНИГА О НОВОМЪ ТЕАТРѢ).

(Изд. 2-е).

СОДЕРЖАНІЕ:

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. ТЕАТРЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.—Е. АНИЧКОВЪ. ТРАДИЦІЯ И СТИЛИЗАЦІЯ.—А. ГОРНФЕЛЬДЪ. ДУЗЕ, ВАГНЕРЪ, СТАНИСЛАВСКІЙ. — АЛ. БЕНУА. БЕСѢДА О БАЛЕТѢ. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДЪ. ТЕАТРЪ (КЪ ИСТОРІИ И ТЕХНИКѢ). — ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТЕАТРЪ ОДНОЙ ВОЛИ. — ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ПРИНЦИПЫ ТЕАТРА БУДУЩАГО. — С. РАФАЛОВИЧЪ. ЭВОЛЮЦІЯ ТЕАТРА.—ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. РЕАЛИЗМЪ И УСЛОВНОСТЬ НА СЦЕНѢ. — АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. ТЕАТРЪ И СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА.

Обложка АЛ. БЕНУА.

Цѣна **2** рубля.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „ГОЙЯ". Съ 40 репродукціями изъ proverbios, caprichos, desastros della gerra и др.
Обложка М. ДОБУЖИНСКАГО, украшенія С. ЯРЕМИЧА.
Цѣна въ переплетѣ 2 рубля.

ОБРИ БЕРДСЛЕЙ

65 РИСУНКОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ПО УКАЗАНІЮ К. СОМОВА.
Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к. (разошлось).

А. Серафимовичъ.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ

съ рисунками Б. КУСТОДІЕВА.

Цѣна 1 р.

МОРЩИНКА.

Сказка А. Ремизова. Рисунки М. Добужинскаго.

Цѣна въ переплетѣ 50 к.

Леонидъ Андреевъ. Царь Голодъ. Представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ. Рисунки Е. Лансере. Ц. **1** р.

Леонидъ Андреевъ. Т. V. Содержаніе: Іуда Искаріотъ и др. Елеазаръ. Жизнь человѣка. Великанъ. Тьма Цѣна **1** р. **25** к.

Бор. Зайцевъ. Разсказы. Книга I. (2-ое изданіе).
Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ, Люди и Земля. Деревня. Міоъ. Черные вѣтры. Завтра Цѣна. **50** коп.

Бор. Зайцевъ. Разсказы. Книга II.
I. Полковникъ Розовъ. Молодые. Ласка. II. Любовь. Май. III. Сестра. Гость. IV. Аграфена. V. Спокойствіе. Ц. **1** р.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разсказы. Томъ I.
Тундра. Умру я скоро. Маска. Взмахъ крыльевъ. Дифтеритъ. Бредъ. Уголокъ. Вѣрю. Скука. Поляна. Погостъ. Молчальники. Садъ. Батенька. Убійство. Цѣна **1** руб.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разсказы. Томъ II.
Снѣжное поле. Мертвецкая. Кукушка. Гроза. Ясный день. Проталина. Ожиданіе. Пьяный Курганъ. Отъ трехъ бортовъ. Безстѣнное. Цѣна **1** руб.

С. **Городецкій.** Кладбище страстей. Разсказы Т. I. Цѣна **1** руб.

В. Муйжель. Разсказы. Томъ I.
Мужичья смерть. Въ кухнѣ. Солдаты. Аренда. Бабья жизнь. Цѣна **1** руб.

Маркъ Криницкій. Разсказы. Томъ I. Содержаніе.
Тора-Аможе. Наслѣдственность. Необходимость жить. Тайна барсука. Матерія. Проклятье. Ефимъ. Слѣпецъ. Пошлость. Ложь. Оплотъ общества. Цѣна **1** руб.

Ѳедоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. (4-ое изданіе). Цѣна **1** р. **75** к.

Ѳедоръ Сологубъ. Тяжелые сны. Романъ. (3-ье изданіе). Цѣна **1** р. **75** к.

Ѳедоръ Сологубъ. Книга разлукъ. Разсказы.
Они были дѣти. Въ толпѣ.
Голодный блескъ. Цѣна **1** руб.

Ѳедоръ Сологубъ. Книга очарованій. Новеллы и легенды. Цѣна **1** руб.

Шаломъ Ашъ. Разсказы. Томъ I. Цѣна **1** руб.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

Шаломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни (Разошлось).

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Ц. **30** к.

Его же. Разсказы. Кн. I. Цѣна **1** руб.

К. Ковальскій. Терновый вѣнецъ. Разсказы.
Первый валъ. Весна. Только шагъ! Смѣхъ и плачъ. Полуночное солнце. На черноземѣ. Человѣкъ, который... Тоска по родинѣ. Ц. **1** р.

Октавъ Мирбо. 638 — Е — 8. (Путешествіе въ автомобилѣ). Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи для издательства „Шиповникъ". (З. Венгеровой и Л. Бинштока). Цѣна **1** руб. **25** коп.

Анатоль Франсъ. Разсказы Жака Турнеброша. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи для издательства „Шиповникъ". (Н. Минскаго). (Печатается).

Анатоль Франсъ. Островъ пингвиновъ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи З. Венгеровой. Цѣна 1 р. 40 к.

Байронъ. Каинъ. Переводъ Ив. Бунина. Обложка, заставки и концовки В. Чемберса. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., безъ переплета 75 к.

Евг. Тарасовъ. Земныя дали. Вторая книга стиховъ. Обложка И. Билибина. Цѣна 60 коп.

К. Д. Бальмонтъ. „Птицы въ воздухѣ". Строки напѣвныя. Обложка И. Билибина. Цѣна 2 р.

К. Д. Бальмонтъ. Зеленый вертоградъ. Слова поцѣлуйныя. Обложка И. Билибина. Цѣна 2 р.

Андрей Бѣлый. Пепелъ. Цѣна 2 р.

Иліада Гомера. Пер. Н. М. Минскаго. Второе вновь переработанное изд. Цѣна 1 р. 25 к.

Открытыя письма на соціально-политическія темы въ исполненіи художниковъ „Simplicissimus'a".

Сюжеты:

1. Двѣ власти.
2. Религіозное рвеніе.
3. Великодушный хозяинъ.
4. Въ циркѣ.
5. На распутьи.
6. Депутація.
7. Чернь—Толпа—Народъ.
8. Рѣшеніе соціальнаго вопроса.
9. Кошмаръ капитализма.
10. Казнь.
11. Поздней осенью.
12. „Властители земли". Вильгельмъ II.
13. „Властители земли". Рузвельтъ.
14. „Власт. земли". Негусъ.
15. Сказка.
16. Кивокъ свыше.
17. Соціальная политика.
18. Общественная нравственность.
19. Благородное воспитаніе.
20. Весна.
21. Къ закону о стачкахъ.
22. Въ большомъ городѣ.
23. „Пожалуйста, миленькій чортъ"...
24. Философъ.
25. Человѣкъ со вкусомъ.
26. Стачка.
27. Подштанники либерала.
28. Прощаніе.
29. Послѣ выборовъ.
30. Непонятые.
31. Реакція.
32. „Послушайте, хозяинъ"...
33. Искусное управленіе.
34. Подраздѣленіе.
35. Бремя власти.
36. Умѣренность.
37. Въ ломбардъ.
38. Властелинъ.
39. Интернаціональное средство противъ „революціонеровъ".
40. Сверхчеловѣкъ.
41. Наслѣдный принцъ.

Цѣна красочныхъ—5 к. шт. Цѣна однотонныхъ—3 к. шт.

К. Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи. Съ предисл. К. Каутскаго. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. и съ предисл. къ русск. изд. П. П. Румянцева. Цѣна 90 к.

Г. Плехановъ. Н. Г. Чернышевскій. Цѣна 3 руб. (печат.).

А. Луначарскій. Религія и соціализмъ, т. I. Ц. 1 р. 50 к.

А. Луначарскій. „ „ т. II (печат.).

Гюберъ Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Авторизированный переводъ съ рукописи. Ц. 40 к.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ (Реформизмъ и соціальная революція). Съ пред. автора къ русск. изд. Пер. съ итальянскаго, подъ ред. и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. Ц. 1 р. (конф.).

К. Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство, съ пред. автора къ русск. изд. Авторизированный пер. съ рукописи Н. Рязанова. Ц. 2 р.

А. Луначарскій. Три кадета. Цѣна 40 коп. (конф.).

А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. I. Побѣдоносцевъ, какъ общественный дѣятель. II. Побѣдоносцевъ и православная церковь. (2-ое изданіе). Ц. 50 к.

А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Цѣна 55 к. (разошлось).

А. Луначарскій. Пять фарсовъ для любит. Ц. 40 к.

Ѳ. Сологубъ. Политическія сказочки (разошлось).

Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. Ц. 80 к.

Н. Троцкій. Туда и обратно. 1. Вмѣсто предисловія. 2. Отъ Петербурга до Березова. 3. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по этапамъ. 4. Мой побѣгъ — 800 верстъ на оленяхъ. Цѣна 60 коп.

Іозефъ Петцольдтъ. Пер. подъ ред. и съ предисл. П. Юшкевича. Ц. 1 р.

Іозефъ Петцольдтъ. Введеніе въ философію чистаго опыта. Авторизованный пер. Г. А. Котляра. Цѣна 2 рубля.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°). Фонтанка, 117.